

ЛЮБОВЬ - ЭТО...

Сладкий ЯД.

М И А Э Ш Е Р

Ронан. Я влюбился в ложь... В воплощенную красоту и разрушение. Целовать ее было нежной песней. Трахать — исступленной поэмой. Любить — моей гибелью. Но она принадлежала мне. Или мне так казалось. Лоренс. Я сказал ей, что хочу ее тело. А ее любовь — нет. Я солгал. Блэр. Один предложил мне свою любовь. Второй — целый мир. Я падаю, падаю, падаю... И моему падению нет конца.

Мечь. Как же она опьяняет...

Пролог

Мы все глядим друг на друга, и меня заполняет печаль, а в сердце впиваются острые когти грусти. Нутром я понимаю, что мы видимся в последний раз, и я к этому не готова.

Внутри меня все сжимается.

— Значит, это «прощай»?

Он смотрит на меня, и хоть не произнесено ни слова, я уже знаю ответ. Вижу в его глазах.

Глава 1

Ронан

— Зайка, ты куда-то уходишь?

Когда Ана заговаривает, я занят поисками своего белья. Я оглядываюсь. Она лежит, полуголая, на постели — копна волос, дерзко торчащая грудь и не одной извилины в голове.

— Только что звонила ассистент моего босса, попросила через час забрать его из Мидтауна. Созвонимся, ладно? — Пока я смотрю на нее, на голубые глаза и припухший от трудов над моим членом рот, то начинаю ненавидеть себя еще больше — за то, что не могу заставить себя перестать хотеть, чтобы она была Блэр.

— Но ты же говорил, что весь день будешь свободен.

Ненавижу это дерьмо. Я провожу сквозь волосы пальцами.

— Да, но у другого водителя возникли срочные семейные обстоятельства.

Сложив руки на груди, она фыркает.

— Вечно у тебя какие-то отговорки, Ронан.

— Ана, не начинай. Я думал, мы договорились. Мы спим вместе, и только.

— Все еще вспоминаешь ту, с кем я видела тебя в баре, да? — Она хмурит брови. — Которая смотрела на всех, будто никто ей не ровня.

— Ана, не надо, — предостерегающе говорю я.

— Я сразу поняла, что вы друг другу не пара. Для такой сучки ты чересчур хорош.

Я подхожу к кровати, наклоняюсь и агрессивно целую ее, трахаю ее рот своим и, когда Ана, моментально начиная отвечать мне, впивается в мои губы, на мгновение забываю о том, что, несмотря на внешнее сходство, она не Блэр. Я целую ее так, словно она та женщина, которая мое все и ничто. Женщина, которую я не могу забыть.

Когда поцелуй заканчивается, я отбрасываю ее черные волосы в сторону, беру за подбородок и силой заставляю посмотреть мне в лицо. Она морщится, и я понимаю, что моя

хватка причиняет ей боль.

— Еще раз заговоришь о ней в таком тоне, и я за себя не ручаюсь. Пока, Ана. — Я отпускаю ее, и под моим взглядом она падает на кровать.

— Постой, Ронан, не уходи! Извини меня. Я не хотела...

Одевшись в свой обычный черный костюм, я, не оглядываясь, выхожу из ее спальни. Пока лифт везет меня вниз, прислоняюсь к стене и на секунду прикрываю глаза, эмоционально опустошенный от бурлящих во мне обиды и гнева.

Я сразу поняла, что вы друг другу не пара — звучат у меня в ушах слова Аны.

Быть может, она права. Быть может, я был слишком слеп, чтобы это увидеть.

Или, быть может, создал у себя в голове образ, которого в реальности никогда и не существовало.

Я жду, когда Лоренс сядет в «роллс-ройс», затем захлопываю дверцу и перехожу на водительское сиденье.

— Куда поедет, сэр? Назад в офис? — спрашиваю я, глядя на него в зеркало заднего вида.

Он отвечает, не поднимая глаз. Его взгляд направлен в открытую на коленях папку.

— Ты знаешь, нет. Отвези меня на запад 34-й улицы.

Когда я осознаю смысл его слов, сквозь меня проходит разряд шока. Я откашливаюсь. Повторяю адрес, словно, проговоренный вслух, он может превратиться в ошибку. Я уверен, что расслышал его неправильно. Этого просто не может быть.

Лоренс поднимает голову, и наши глаза встречаются.

— Да, все верно.

Ошеломленный, я немо киваю. Сжимая руль, смотрю, как костяшки моих пальцев белеют.

— Понял, сэр.

Пока я отъезжаю от здания, где Лоренс провел большую часть дня на встрече, во мне разливается страх такой силы, что невозможно сосредоточиться на дороге. В груди и пусто, и тяжело. Я не могу дышать.

Нет.

Пожалуйста, пусть это окажется не она.

Только бы не она.

Но пытаюсь одурачить себя этим бессмысленным заклинанием, я, тем не менее, уже знаю правду. Точно наяву я слышу ее голос и ее вскрывающие душу слова...

Всю прошлую ночь я трахалась с другим.

И не по любви.

К тому времени, как я паркуюсь около ее дома и смотрю, как Лоренс исчезает внутри, я нахожусь в полнейшем оцепенении, пусть голос логики и твердит, что все происходящее невозможно. В моей пустой груди по-прежнему бьется сердце. Все так же струится по венам кровь, а легкие вдыхают воздух, который когда-то был пропитан ее ароматом. Но пока я вспоминаю сказанные ею напоследок слова, та темнота, та ненависть заново обволакивают меня, соблазняя своей горькой свободой. Медленно...

...но верно.

Я чувствую, как в моем сердце, ослабленном любовью к ней, наконец-то воцаряется тишина. Касаюсь своей груди, твое место, где должен быть этот бесполезный орган. Там ничего больше нет. Я свободен.

Я вижу ее первым.

И глядя, как она улыбается Лоренсу — точно так же, как однажды с тем же обманчивым светом в глазах улыбалась мне, — прекращаю сопротивляться и с готовностью сдаюсь темноте.

Да.

Я наконец-то свободен.

Глава 2

Блэр

Глазами, которые потенциально могут меня уничтожить, на меня смотрит тот, кого я меньше всего ожидала увидеть. Тот единственный, с кем я захотела большего.

— Блэр? — Услышав, как Лоренс зовет меня, я осознаю, что стою посреди улицы и, не мигая, смотрю на Ронана, еще более великолепного, чем мне запомнилось.

Я закрываю глаза, делаю, чтобы успокоиться, вдох и поворачиваюсь к нему лицом.

— Прости. Ты что-то сказал?

— Все в порядке? — В его голосе звенит любопытство.

— Да... Думала, увидела одного знакомого. Показалось, — лгу я.

Кивнув, Лоренс кладет ладонь мне на поясницу — его прикосновение собственническое, интимное — и подталкивает меня к машине. *К человеку, который смотрит на меня так, словно я убила его любимого пса.* Когда наши глаза снова встречаются, мое сердце начинает гулко стучать. Я хочу отвернуться — и в то же время хочу впитать все до единой черточки его родного лица, врезать их в свой мозг так глубоко, чтобы пошла кровь. Но то, что я вижу в его полных ненависти глазах, держит меня в заложниках.

Довольно. Я перевожу взгляд вперед, на проносящиеся мимо машины, на уличные огни, освещающие своим сиянием вечер, и притворяюсь, что не знакома с Ронаном. Я игнорирую человека, чьи поцелуи все еще горят на моих губах, чьи ласки до сих пор чувствует моя кожа, чьи слова я до сих пор слышу. Я игнорирую и его, и тесноту в груди. Я игнорирую все эмоции и слушаю голос разума. *Как всегда.*

Я оглядываюсь на Лоренса. Он переводит взгляд с Ронана на меня и обратно, и тогда я в попытке отвлечь его толкаю себя к нему.

— Насчет того, что ты сказал, когда мы вышли... — Я кладу на его твердую грудь ладонь, и мою руку простреливают искры.

— Да?

Я привстаю на цыпочки и, не заботясь о том, что Ронан наблюдает за нами, шепчу Лоренсу в рот:

— Я тоже тебя хочу.

Он наклоняется ко мне, собственническим жестом ловит за бедра и произносит, задевая мою шею губами:

— Отлично.

Несколько секунд, и мы с Лоренсом оказываемся у машины. Нас с Ронаном разделяют считанные дюймы. Не глядя на него, я сажусь в салон. Боковым зрением замечаю, что он на

меня больше не смотрит. Веки обжигает слезами, но я вздергиваю подбородок и говорю себе, что мне плевать.

Когда Ронан садится за руль, Лоренс по-хозяйски кладет руку мне на бедро и приказывает:

— В городской дом.

А потом все происходит одновременно и сразу. Ронан поднимает лицо, а Лоренс притягивает меня к себе и целует. Его пальцы пробираются мне под юбку, внедряются между ног. Взгляд Ронана следует за его рукой, затем поднимается к зеркалу заднего вида, и наши взгляды смыкаются. Он смотрит, как Лоренс властными движениями языка заявляет права на мой рот, но когда поцелуй становится глубже, и Лоренс за затылок вжимает меня в себя, выдерживать этот взгляд в зеркале становится невозможно. Пока грязные ласки Лоренса пробуждают мое тело, мою душу все сильнее разъедает стыд.

Ощущая на себе его рот, я вспоминаю все события, подведшие меня к этому моменту. Давным-давно я, как все люди, страстно желала любви, но ее отсутствие заставило меня осознать, что, открывая кому-либо свое сердце, я становлюсь слабее. Что я позволяю разрывать себя по кусочкам до тех пор, пока мне нечего будет дать, а у меня самой останутся только растоптанные мечты. Что я даю людям власть управлять своими мыслями и эмоциями. Каждая пролитая слеза, каждое несбывшееся желание и каждая незамеченная улыбка ожесточали меня, пока я не превратилась в ту, кто я есть сейчас. Я поклялась перед богом, что никогда и никому не дам такой власти. Что ни одному человеку не позволю подобраться настолько близко, чтобы он смог отнять еще частичку меня.

Именно поэтому я и должна отпустить Ронана.

Он подобрался ко мне слишком близко. Пробудил во мне слишком много чувств. Он не только обладает властью сломать меня, но и способен меня уничтожить.

Так что вот она я, сильнее прижимаюсь губами к Лоренсу и шире открываю навстречу его языку свой рот. Увожу взгляд в сторону и закрываюсь от карих глаз, которые когда-то смотрели на меня так, словно во мне заключено все хорошее в этом мире.

Да, чтобы изображать безразличие, требуется талант.

Но память нашептывает мне на ухо его слова, и эти слова снова тянут меня к нему.

Неужели ты не видишь, Блэр? Неужели не понимаешь? Ты во мне. Во всем, что я вижу. Во всем, к чему прикасаюсь. Ты в воздухе, которым дышу, в воде, которую пью, ты в каждой моей мечте.

Глава 3

Дорога до городского особняка Лоренса превращается в оживший ночной кошмар. Все вокруг плывет в тумане смешавшихся образов и эмоций. Зеленые глаза. Карие глаза. Ненависть. Похоть. Изматывающее желание. Я в капкане, куда загнала себя своими же собственными руками.

Физически я сижу рядом с Лоренсом, но мыслями нахожусь в прошлом, снова и снова проигрывая в голове свою последнюю встречу с Ронаном.

Способность дышать возвращается ко мне не раньше, чем я оказываюсь у Лоренса, а Ронан и весь остальной мир остаются за дверями особняка. Не говоря ни слова, я ухожу к лестнице. Чем раньше мы окажемся в спальне и начнем трахаться, тем скорей я смогу заморозить свое вероломное сердце, которое вновь растаяло, точно лед по весне. Моя рука

уже лежит на деревянных перилах, когда неожиданно мне становится ясно, что Лоренс не пошел за мной следом. Оглянувшись, я вижу, что он стоит у входных дверей и смотрит на меня цепким взглядом. Я улыбаюсь ему, хоть и знаю, что это жалкое подобие, а не улыбка.

Он не улыбается мне в ответ.

— Почему ты там встал? Что-то не так?

Пока он не отвечает, я люблюсь им, впитываю его дикую, но утонченную красоту. Своей грациозной пластикой и вечно голодным взглядом Лоренс напоминает мне неукротенного зверя, великолепного правителя своего царства. Он — сама опасность, когда, улыбаясь насмешливой, соблазняющей улыбкой, приглашает тебя поиграть с ним. Ты знаешь, что, согласившись, соглашаешься и на боль, но жалеть тебе не придется — о нет, никогда. Он выглядит, как мужчина, рожденный править и трахать.

— Подойди, — приказывает он этим своим властным голосом.

Медленно, с ускоряющимся сердцебиением, я подхожу к нему. Не глядя на меня, он поднимает руку и начинает костяшками пальцев водить по моей лопатке.

— Скажи мне...

— Да? — Я закрываю глаза и склоняю голову чуть-чуть набок, открываясь, предлагая себя ему, а он, подняв руку, обхватывает ею мою шею. Подушечкой пальца ласкает точку, где пульсирует моя кровь, и хотя его прикосновение едва ощутимо, по моей спине проносится дрожь, от которой меня бросает одновременно и в жар, и в холод.

— Ты что, знаешь Ронана? — спрашивает Лоренс бесстрастно.

Мои глаза резко распахиваются. Его вопрос замораживает меня на месте, погасив вспыхнувшую секунду назад искру. Наши глаза встречаются, и мне становится страшно. Я боюсь того, что он может прочесть в них. Я боюсь, он поймет, что мое сердце тоскует по мужчине, который не может принадлежать мне. По моему лету осенью.

В глубине души я знаю, что моя любовь к Ронану — это рана, зажить которой не суждено, но рядом с Лоренсом боль слабеет. Оцепенение, блаженное забытие... разве не к этому мы стремимся, когда любовь нас подводит? Лоренс помогает мне забывать его, неистощимая тяга к нему и его деньгам притупляет страдание. Он мой недруг и мой спаситель, моя болезнь и мое исцеление — все сразу.

— Какая разница? — спрашиваю я, облизывая свои сухие губы. — Я же здесь.

В установившейся далее тишине, в нарастающем вокруг напряжении я гадаю, догадался ли Лоренс о том, что кроется за моими словами. Так или иначе, вряд ли ему хоть сколько-нибудь не все равно. Он предельно ясно изложил, чего он от меня хочет, и любви в списке его желаний нет.

И меня это на все сто процентов устраивает.

В его откровенно плотском, пристальном взгляде есть нечто такое, от чего мне становится тяжело дышать. Я не хочу, чтобы он останавливался. Мое сердце бьется в бешеном ритме, промежность становится влажной от предвкушения, пока его взгляд лениво путешествует по моему телу, а пальцы обвивают мою шею точно лоза. Ему не составит труда сломать ее. Контраст ощущений божественен, опасно прекрасен.

— Не двигайся, — приказывает он полным сдерживаемой силы голосом.

Отпустив меня, Лоренс начинает обводить по краю кружевную чашечку, прикрывающую одну из моих грудей, и от этой нежной, как шепот любовника, ласки мои соски твердеют, а по телу, которое еще горит воспоминанием о его пальцах, бегут мурашки. Мне в голову ударяет кровь, все плывет, и я глубоко вдыхаю.

Я закусываю губу, пока он, зацепив чашечку пальцем, сдвигает ткань вниз и смотрит, как моя грудь выпрыгивает наружу. Его зеленые глаза становятся темными, будто полночь. Затем он касается моего соска, трет большим и указательным пальцами его розовый кончик, отчего сквозь меня взрывной волной пронесется наслаждение.

Растворяясь в ощущениях, я закрываю глаза, но внезапно слышу:

— Глаза на меня, Блэр.

Лоренс грубо ловит меня за талию, одной рукой притискивает к себе, а другой проникает под подол моего маленького черного платья и втыкает в меня два пальца.

Боль, сплетенная с наслаждением — вот, что я чувствую, пока он снова и снова вталкивает пальцы в мою промежность. Сильно. Глубоко. Неумолимо. Плоть и пот. Воздух пропитан запахом реакции моего тела. Склоняясь надо мной с красным огнем на скулах и обжигающим взглядом, Лоренс подобен богу, который сошел с небес, чтобы наказать меня — или же подарить спасение.

Это тяжело.

Это изнурительно.

Это божественно.

Лоренс останавливает атаку. Не вынимая пальцев, пристально оглядывает меня, а потом, не давая мне шанса заговорить, накрывает влажными от моей смазки пальцами мою щеку. Я поднимаю лицо к нему, он опускает свое ко мне, и наши губы снова соприкасаются. Что-то примитивное, какой-то основной инстинкт заставляет меня поднять руки, запутаться пальцами в его волосах и привлечь его ближе. Поцелуй становится жадной, отчаянной схваткой за воздух, поиском облегчения, которое можно найти только друг в друге, и я — думая о Ронане, но отчаянно желая, изнывая от страсти к мужчине рядом со мной — тянусь к его ремню и расстегиваю его.

Просунув ладонь в его боксеры, я беру его член, ласкаю по всей пульсирующей для меня длине. Такой твердый...

— Отведи меня в спальню, — шепчу я между жадными поцелуями.

Он подхватывает меня под задницу, а я, сцепив за его спиной ноги, трусь о его член, чувствуя, как он набухает ради меня, как мое тело ради него моментально воспламеняется.

— Нет. К черту спальню... Я хочу тебя прямо сейчас, — говорит он сквозь зубы. Подводит нас к деревянному столу в центре холла и, недолго думая, сметает с его поверхности огромную и очень дорогую на вид хрустальную вазу, чтобы усадить на освободившееся место меня. Я слышу грохот, с которым она разбивается об пол. В воздух, как пар, поднимается аромат роз.

Я бросаю взгляд вниз.

— О нет...

— Ш-ш... Неважно. — Лоренс ловит мой подбородок, заставляя смотреть на себя, заставляя меня замолкнуть очередным пробирающим до самого нутра поцелуем. Его прикосновения — темный рай. Он свирепо сжимает ладонями мои груди и неожиданно, обнажая их, рвет на мне платье. По моим венам разносится эйфория. Смеясь, я хватаю его за бедра, широко раздвигаю ноги и притягиваю к себе.

Твердое к мягкому.

Моя душа в чистилище. Моя плоть в раю.

— Вставь в меня член, — прошу я со стоном. Откидываю голову назад, и Лоренс начинает осыпать мою шею глубокими, похожими на крошечные сердцебиения поцелуями,

пока я дрожащими от нетерпения руками достаю из боксеров его член. Отодвинув в сторону тонкую полосу кружева, прикрывающую мою промежность, он одним глубоким и плавным толчком входит в меня. Я выдыхаю. Он стонет. А потом мы оба растворяемся в проклятом, запретном языческом танце тел.

Лоренс закрывает глаза и, неистово двигая бедрами, склоняет голову мне на грудь. Чем сильнее он в меня врзается, тем проще мне забывать *его*. Тем легче притворяться, что я хочу именно этого.

Эту жадную страсть.

Эту жестокость.

Этот голод.

Это полное стирание памяти.

Отвечая на его толчки, я чувствую, как в моем теле начинает зарождаться землетрясение ощущений. В моих ушах стоит звон, мое естество вибрирует, и сдерживаться больше нет сил.

— О черт, Лоренс... я... о фак, — стону я.

— Ласкай себя. Три себя там, — шепчет он, глядя туда, где соединены наши тела.

Опьяненная похотью, я опираюсь на локоть, и моя ладонь скользит вниз. И пока его влажно поблескивающий член толкается то внутрь, то наружу, я, глядя на это дурманящее зрелище, раздвигаю двумя пальцами складки и начинаю кругами тереть свой клитор. Постановываю, темп моих ласк становится все быстрее... все неистовей... все беспощадней, я теку еще сильнее, чем раньше.

— Фак... Блэр, — выдыхает он, ускоряясь. Его член, вознося меня к небесам, вторгается в меня снова, и снова, и снова с такой скоростью, что начинает расплываться перед глазами.

Наши тела под властью оргазма одновременно воспаряют в экстазе ввысь. Мы глядим друг на друга, его глаза ярко сияют, пока лихорадочное биение наших сердец замедляется, а сбившееся дыхание возвращается в норму. Во мне еще пульсирует его твердость, когда Лоренс убирает в сторону прилипший к моей щеке локон.

— С тобой я ощущаю себя в аду, как в раю, Блэр.

На долю секунды завеса спадает, и я вижу в его глазах проблеск его души — прекрасной, но пропитанной такой неприкрытой тоской и болью, что у меня, потрясенной до глубины души, перехватывает дыхание.

Прежде чем я успеваю ответить, он выходит и делает шаг назад. Его душа снова спрятана за спокойным, непроницаемым взглядом.

Он протягивает мне руку.

— Идем наверх. Примем душ.

Я встаю и, оглядев себя, замечаю, в каком плачевном состоянии мое платье.

— Бедное мое «Версаче». — Я встречаю его взгляд и улыбаюсь. — Что ж, по крайней мере оно погибло приятной смертью.

Пока я смотрю, как он идет со мной рядом, пока мое тело удовлетворенно дрожит, а разум пребывает в смятении, я понимаю, что он так и не ответил на мой вопрос о Ронане.

Сегодня я позволила оттрахать себя до потери сознания, чтобы одним мужчиной выжечь из своего сердца другого. Я делала так и раньше, но сегодня впервые случилось так,

что мой план не сработал. Ронан был всюду. В каждом поцелуе и каждой ласке. Был и есть.

Ну зачем Ронану понадобилось вновь входить в мою жизнь и все портить? Он был обязан исчезнуть в прошлом, а не возвращаться, чтобы я опять засомневалась в себе. Я думала, что победила свои чувства к нему, но стоило мне увидеть его, и мои идиотские иллюзии разлетелись вдребезги. Более того, это лишь доказало, насколько глубоко он врезал себя в меня.

Зачем?

Зачем?

Голая, я сижу, прислонившись к изголовью кровати. Мне холодно, но я не делаю и попытки надеть хотя бы белье. Какой в этом смысл? Зряшная трата время. Я здесь, потому что мне платят за секс. Более того, холод — это хорошо. От холода все немеет.

Я опускаю взгляд на ничего не подозревающего мужчину, который спит со мной рядом, пока я пытаюсь уговорить себя, что все происходящее приносит мне счастье. Но глядя, как на его прекрасной спине танцуют ночные тени, я понимаю, что все это ложь.

Продолжая смотреть на Лоренса, я мечтаю о поцелуях другого мужчины. Мои чувства пьяны воспоминаниями о том, кого рядом со мной сейчас нет.

Внезапно ко мне приходит одна идея, и мое сердце начинает стучать тяжело и часто.

Я не знаю...

Пытаясь не думать о том, что я собралась сделать, я в последний раз оглядываюсь на Лоренса и встаю с кровати.

Глава 4

Ронан

Тем же вечером...

Закончив с работой, я иду пешком к своей станции метро, откуда начинается путь в мою пустую квартиру. Кивнув в сторону будки у лестницы, где сидит билетер Джо, я выуживаю из заднего кармана бумажник и достаю проездной. Быстрым движением провожу им сквозь щель турникета, собираюсь пройти, но сегодня, очевидно, не мой день во всех смыслах этого слова. Вместо обычного «Проходите» на экране появляется надпись «Пожалуйста, проведите еще раз». Я сердито провожу картой один, два, три раза.

Пожалуйста, проведите еще раз.

Пожалуйста, проведите еще раз.

Пожалуйста, проведите еще раз.

Просто прекрасно. Похоже, из плохого этот день начинает становиться дерьмовым. На мгновение я задумываюсь. У вселенной то ли заговор против меня, то ли она решила посмеяться за мой счет. Наверное, и то, и другое. Как же не пнуть лежачего.

В отчаянии я ерошу волосы, но потом понимаю, что направляю злость не на тот объект. Я делаю долгий вдох. Уже спокойнее провожу карточкой снова. На этот раз наконец-то загорается «Проходите», и турникет пропускает меня в метро.

Человек привычки, я ухожу к своему месту рядом с рваной рекламой бродвейского шоу. Стоя в этом подземном, пропитанном сыростью мире, откуда все мечтают поскорей выбраться, я рассматриваю столпившихся на платформе людей и думаю о том, с какими монстрами они бьются. Я думаю о том, поймут ли они, взглянув на меня, что видят тень меня прежнего. Вряд ли. Ведь всем насрать.

Когда появляется поезд, перед глазами у меня вспыхивает образ из прошлого, черные волосы Блэр разлетаются, падают на лицо, пока она смеется над какими-то моими словами под гул проносящихся поездов. Потирая грудь в том месте, где должно быть сердце, я наслаждаюсь внутренней немотой. С ней легче дышать.

В вагоне находится свободное место. Похоже, удача в конце концов снова повернулась ко мне лицом. Ослабив галстук, я прислоняюсь головой к стеклу. Как бы я ни был вымотан, ехать домой не хочется. Моя квартира и в обычные дни напоминает о ней, но сегодня, после того как я спустя столько времени увидел ее, быть там будет чертовым адом. Я вспоминаю о том, как на днях мой приятель Эдгар упоминал про свою открывающуюся в скором времени выставку. Достāju телефон и, как только появляется связь, шлю ему сообщение.

Я: Здорово. У тебя ведь сегодня выставка?

Пока не пришел ответ, я поднимаю голову и замечаю, что на меня посматривает какая-то симпатичная рыжая. Когда наши глаза встречаются, она мило улыбается мне, и на щеках у нее появляется очаровательный легкий румянец. Ничто так не поднимает дух, как улыбка хорошенькой девушки. Я тоже улыбаюсь ей, потом чувствую, как вибрирует сотовый.

Эдгар: Сегодня, бро. И твоей смазливой физиономии хорошо бы тут поприсутствовать. Алисия приводит свою подружку, ту модель, с которой ты крутил прошлым летом. Помнишь ее? А то она тебя не забыла.

Конечно, я ее помню — вещи, которые эта женщина умеет вытворять своим ртом, не забываются, — однако эти воспоминания никак меня не затрагивают. Мои пальцы нерешительно замирают. Я собираюсь было ответить, что не приду, как вдруг понимаю, что сегодня вечером Блэр будет трахаться с Лоренсом. Я стискиваю телефон. Костяшки моих пальцев белеют, когда мысль о том, что они вместе, о том, чем они занимаются прямо сейчас, наполняет все мое существо чистой, беспримесной ненавистью. В сознании кружатся воспоминания о нас, только теперь на моем месте — он. Я представляю, как она стоит на коленях, как сосет его, стонет словно сука во время течки, лаская его бедра своими длинными черными волосами. Как запрокидывает голову, отдаваясь страсти, но прежде ее глаза вероломно искушают его поверить в то, что для нее важен лишь он. Что он единственный. И я знаю это потому, что когда-то мне хватило глупости точно так же подпасть под ее чары.

Но этого никогда больше не повторится.

Я: Скинь детали. Я скоро буду.

Я стою на улице около галереи. Курю, глядя, как компания мужчин и женщин чуть старше тридцати открывает двери и со смехом заходит внутрь. После них в воздухе остается висеть аромат дорогих духов. Засунув кулак в передний карман, я наблюдаю за тем, как они вливаются в море людей, стоящих по ту сторону стеклянных французских окон.

Все они собрались здесь, чтобы отпраздновать успех моего друга Эдгара Хуареса —

нового любимца арт-сцены Нью-Йорка, — и все готовы выложить за его картину хоть миллион. Его история — воплощенная американская мечта. Согласно статье о нем в известном издании об искусстве, он родился в Порт-Честере, штат Нью-Йорк, у матери-одиночки, эмигрировавшей из Мексики, и все детство ютился с ней вместе в одной комнатухе. Его мать, чтобы прокормить сына, днями напролет убиралась в домах богачей, а по ночам мечтала о том, что когда он вырастет, у него появится шанс на яркое будущее.

Как-то раз матери пришлось взять его с собой на работу. Эдгар был счастлив возможности провести с нею время, и, пока он сидел в гостиной и что-то рисовал у себя в блокноте, появилась хозяйка дома. Увидев его рисунки, она, будучи почитательницей искусства, моментально распознала, что перед нею талант — собственно, на этом история и заканчивается. Теперь он зарабатывает больше, чем когда-либо мечтал, столько, что его матери можно не работать ни дня до конца своей жизни.

Я думаю о том, сколько из них пришло сюда, потому что им на самом деле нравится его творчество, а сколько — из-за того, что в нашем изменчивом, непостоянном обществе стало модно иметь что-то кисти Эдгара Хуареса. Какими бы ни были их причины, это не изменит того факта, что мой друг уже там и в ближайшее время никуда со мной не поедет.

Я рад за него, но чувствую себя точно незваный гость. И что-то в глубинах моей души — что-то, чей голос звучит все громче и громче — хочет, чтобы все эти люди пришли сюда ради меня. Чтобы они превозносили мое имя, а не его. Может, будь я таким же успешным, то...

Запрокинув голову, я выдыхаю дым в черное небо, где в обрамлении рваных туч горит ярко-белым светом луна, безмятежная королева ночи. Прекрасная правительница, восседающая на своем одиноком троне. И все же, глядя на нее, невозможно не ощутить грусть. Она всегда одна — вечный зритель, аутсайдер, приговоренный наблюдать за миром со стороны.

Как и я.

Каким я был, есть и буду.

Всю свою жизнь я был вот таким аутсайдером, но прежде меня это не волновало. Я никогда не стремился к большему. Я был всем доволен. Счастлив.

Но быть может, я не вполне с собой честен. Я изменился, и человек, которым я был раньше, с каждым днем все дальше уходит в прошлое.

Я помню, как впервые увидел ее, когда стоял у машины около «Метрополитен-музея» и ждал Лоренса. Она была в объятьях другого мужчины — мужчины, который смотрел на нее, как на вещь. Я попробовал представить такую женщину, но в своих объятьях. Попробовал представить, что я почувствую.

Я с первого же взгляда понял, что мы принадлежим к разным мирам. Подобные женщины рождены для мужчин вроде того блондина в смокинге. Могущественных мужчин с увесистым кошельком, где лежит столько денег, что хватит купить маленькую страну. Я знал, что она не моего поля ягода, что любовь к такой женщине приведет к одному только разрушению, и все же не смог удержаться от мысленного «а вдруг». Я впервые захотел невозможного... недостижимого для себя. В моей груди впервые шевельнулось некое злое чувство из тех, что отравляют людей, уничтожая в них все хорошее.

Что это было?

Ревность?

Зависть?

Обида?

Не знаю. Возможно, все эти чувства сразу. Или же ни одно из них. Но я точно знаю, что в тот момент впервые в жизни посетовал на судьбу.

И все только из-за нее.

Но такой уж властью обладают женщины над бедными, ничего не подозревающими ублюдками. Мы плывем по течению, проживаем жизнь только наполовину, пока однажды не встречаем женщину, с которой из половинки становимся целым, которая придает нашему жалкому существованию смысл, окружая нас своим смехом, своим запахом, вкусом своего тела. Дни и ночи, проведенные с нею, становятся цепочкой навсегда впечатанных в нашу память моментов. Она становится воздухом, которым ты дышишь, бегущей по твоим венам кровью. Она становится тобой, а ты — ею, потому что она завладевает не только твоим телом, но и душой. Пока однажды, проснувшись утром, не понимает, что тебя ей мало, что она хочет то, чего у тебя нет. И она уходит, забрав с собой и твое сердце, и душу, и оставив тебе только одно: горький привкус душевной боли.

Печально улыбаясь, я качаю головой. Ничто не обладает такой способностью превращать нас в жалких поэтов, как женщина, разбившее наше чертово сердце. Я делаю последнюю затяжку, смотрю, как огонек сигареты ярко вспыхивает, а затем бросаю окурочек на землю. Хватит думать о Блэр и ее колдовских чарах. Сегодня я собираюсь развеяться.

По пути к стеклянным дверям галереи я замечаю, что в моем направлении идет высокая женщина в облегающем черном платье и с длинными, светлыми волосами. В шаге от металлической ручки мы останавливаемся. Оказавшись так близко, невозможно не восхититься тем, как ее небольшая грудь вырисовывается под шелковым материалом платья. Когда я поднимаю взгляд на ее лицо, мне становятся очевидны три вещи.

Первое. Она фантастически сексуальна.

Второе. Она не ведет и бровью в ответ на мой беззастенчивый взгляд. Но как я мог устоять? Это было бы преступлением. Запустив пальцы в волосы, я бесстыдно ей ухмыляюсь.

И третье. Она старше меня и на пике формы.

— Вам сюда? — спрашиваю я.

На мгновение наши взгляды сталкиваются. Затем, не говоря ни слова, она отворачивается, отменяя меня, словно нежеланную мысль, и тянется к двери. Я смотрю, как ее белые, тонкие, идеально ухоженные пальцы оборачиваются вокруг металлической ручки. Непроизвольно накрываю ее руку своей и говорю:

— Прошу вас, позвольте мне.

Она смотрит прямо перед собой и не убирает руку.

— Мне не нужна помощь мужчины, чтобы открывать двери, — произносит она спокойно. Поворачивается ко мне, и наши глаза встречаются. — Я способна сделать это сама.

Ах. Голос у нее такой же утонченный, как и она вся. Не знаю, зачем, но я отпускаю ручку, а потом медленно, один за другим, разжимаю по очереди ее пальцы. Возможно, мне просто хочется флирта с привлекательной женщиной. Или достойно ответить на брошенный ею вызов.

А может, меня злит то, с какой легкостью она отмела меня прочь, и я хочу, соблазнив ее, поставить ее на место.

Перевернув ее руку ладонью вверх, я опускаю взгляд на ее запястье и начинаю обводить голубые жилки, отмечая то, какая бледная и мягкая у нее кожа.

— Нисколько не сомневаюсь. Но, видите ли, отец научил меня хорошим манерам, а старые привычки так просто не забываются.

— А если я скажу «нет»? — Она вздергивает подбородок, точно провоцируя меня заставить ее изменить решение.

Я подношу ее запястье к губам.

— Я все равно это сделаю. — Я целую ее запястье в том месте, где по венам струится жизнь. Жду пощечины и, не дождавшись, ощущаю, как ее тело пронизывает легкая дрожь, которая вызывает у моего внутреннего ублюдка улыбку. *Что, уже не такая спокойная?*

Секунду она пристально на меня смотрит, и мне приятен тот факт, что она не забрала у меня руки. А потом она улыбается. Тенью улыбки, которая едва-едва приподнимает уголки ее губ.

— Что ж, тогда вперед. Хотя вам следовало бы надавать по щекам за дерзость.

— Однако вы этого не сделаете, ведь в глубине души вам это нравится. — Нахально улыбаясь, я отпускаю ее ладонь и распахиваю перед ней двери. — После вас. Если только...

Мы слышим гул разговоров, он манит нас внутрь, кто-то с извинениями протискивается мимо, но ни она, ни я не обращаем внимания на то, что происходит вокруг. Глядя друг другу в глаза, мы ведем немое сражение.

Мир прекращает вращаться.

Время останавливается.

Воздух, которым мы дышим, густеет от напряжения.

Я смотрю, как ее горло едва заметно дергается, проглатывая невысказанные слова, затем она облизывает свои коралловые губы, и перед глазами у меня вспыхивает картина, где ее рот обнимает мой член.

— Что «если только»?

— Если только мы не станем заходить и поедem в другое место.

— В другое место — это куда?

Я отвожу ее волосы в сторону, обнажая белое как фарфор плечо. Тыльной стороной ладони поглаживаю его.

— Ко мне домой.

— И чем же мы там займемcя?

Наклонившись, я целую ее в плечо.

— Угадайте.

Ее грудь толчками вздымается и опадает.

— Я не в настроении играть в игры.

— И, тем не менее, вы течете. Я буквально ощущаю ваш запах. — Я сокращаю расстояние между нами до минимума и, пока от контакта с ее мягким, податливым телом мой член твердеет, шепчу: — Но если вам нужно, чтобы я проговорил свое предложение вслух, то я это сделаю. Если вы поедете вместе со мной, мы будем трахаться. Это не будет нежно и не будет красиво, но вам понравится все от первой до последней секунды.

Она делает шаг назад. С руками в передних карманах джинсов я наблюдаю за тем, как она ведет ладонями по своему платью, разглаживая несуществующие морщинки. Своей ледяной красотой, длинной шеей, плавными линиями тела, спрятанного за черным шелком, она напоминает мне русскую балерину. Мне приходит в голову мысль, что я приглашаю к себе домой совершенно незнакомую женщину, но в следующую секунду я напоминаю себе, что пришел сюда, чтобы забыться, и именно этот план я и собираюсь претворить в жизнь. С

ней или с другой.

Когда мне начинает казаться, что меня вот-вот пошлют нахер, она поднимает взгляд.

— Что ж. Поехали.

После того, как мы садимся в такси, и я даю водителю адрес, она берет меня за руку. Откидывает голову на кожаное сиденье и поворачивает лицо ко мне, его черты неразличимы в окружающей нас темноте.

— Я никогда ничего подобного раньше не делала.

Я сжимаю ее ладонь.

— Я тоже. Вам страшно?

Она кивает.

— Мы не обязаны это делать. Если хотите, можно вернуться назад, разойтись каждый своей дорогой и притвориться, будто ничего не было.

В ожидании ее ответа я наблюдаю за тем, как на ее теле, пока мы мчимся по манхэттенским улицам, танцует с тенями ночи проникающий снаружи свет.

— Дело не в этом. Просто...

— Да?

— Я боюсь, как бы ты не заставил меня захотеть...

— Чего же?

— Чувствовать, — произносит она. Ее слова еле слышны.

Печально улыбнувшись, я подношу ее руку к губам.

— Это в мои намерения точно не входит. — *Это то, от чего убегаю я сам.*

Глава 5

Цель сегодняшнего секса — не сблизиться с кем-то. Цель — достичь эмоционального ступора, в котором я смогу потерять себя в ее теле и перестать жить в аду. Достичь момента, где мой член, окруженный ее теплом, будет вколачивать в нее мои чувства к другой. Где не останется ничего — ни эмоций, ни воспоминаний, ни ожиданий. Один лишь чистый, неразбавленный, эгоистичный экстаз.

За исключением нескольких фраз, которыми мы обменялись в такси, мы не сказали друг другу ни слова. Не потому, что в словах нет нужды — она есть, — но никакие из них не относятся к тому, что мы собираемся сделать. Кроме того, молчание позволяет каждому из нас сражаться со своими призраками. Я оглядываюсь на нее. Впитываю глазами насыщенный цвет ее светлых волос, будто спряденных из чистого золота, две тонкие морщинки, которые заключают ее рот точно в скобки, ее прямую осанку. Она напоминает мне солдата, готовящегося лицом к лицу встретить врага. Единственное, что предает ее ледяную невозмутимость — влажная ладонь у меня в руке. *А может, вспотела не ее, а моя ладонь.*

У самой квартиры я оборачиваюсь.

— Последний шанс передумать.

— Почему у меня такое чувство, будто ты сам хочешь, чтобы я передумала? — Она бросает взгляд в мою сторону, и наши глаза ненадолго встречаются. Затем снова смотрит прямо перед собой. — Или, быть может, ты боишься, что я...

Я припиливаю ее к стене, вдавливаю в ее грудь своим торсом.

— Я не боюсь. Я лишь хочу убедиться, что ты не собираешься передумать, потому что,

как только мы зайдём вон в ту дверь, — я киваю в сторону своей квартиры, — я тебя трахну. И тебе это понравится от начала и до конца. Пока я буду трахать твою п. ду снова... снова... и снова. — *Пока я не забуду, что та, другая, не может принадлежать мне.* — Ты меня слышишь?

Быть может, я так нарочито жесток с нею, потому что в глубине души на самом деле боюсь. Боюсь, что эта женщина сотрет последние следы Блэр, оставшиеся в моей квартире, в моем теле, в моей душе.

— Поэтому спрашиваю в последний раз. Ты точно этого хочешь?

— Ш-ш... Достаточно. — Она берет мое лицо в руки, и наши рты оказываются так близко, что я ощущаю на губах шепот ее дыхания. — Я здесь, потому что хочу тебя. Вот и все. Ничего больше.

Без единого слова я отталкиваюсь от нее и ухожу к двери в свою квартиру. Открываю. Пропускаю ее вперед и, как только она, задев мою грудь плечом, заходит внутрь, защелкиваю замок.

Ни к чему не прикасаясь, она оглядывает мою маленькую, небранную квартиру.

Я потираю шею.

— Должен сказать, я удивлен, что ты еще здесь — после того, что сейчас случилось.

Не глядя на меня, она отвечает:

— Я тоже. Признаться, я удивлена, что вообще согласилась пойти с тобой. Наплевать на осторожность, отправиться на квартиру к незнакомому человеку... я известна, как человек совершенно иного склада.

Голос у нее спокойный, успокаивающий, и я ловлю себя на том, что мне нравится ее слушать. Я прислоняюсь плечами к плоской поверхности двери, складываю руки на груди.

— Какого же? — любопытствую я. — Ты похожа на тех, кто никогда не нарушает правила. Я угадал?

Она смеется, но каким-то пустым смехом.

— О, даже не знаю... Сперва меня натаскивали быть идеальной дочерью, потом — идеальной женой. И внушали, что импульсивность — это эмоция слабых.

— И все же ты здесь.

— Да. Я здесь.

— Ты замужем? — Я смотрю на ее руку. Обручального кольца на ней нет.

— Разведена. И мне бы хотелось не обсуждать эту тему.

Я согласно киваю. Так странно вновь видеть женщину среди моей мебели и вещей. Ей, элегантной и отстраненной, здесь явно не место. Поворачиваясь из стороны в сторону, она оглядывает мой древний диван с протертой обивкой, книги в бумажных обложках, разбросанные на деревянном полу, маленькую кухню справа.

— Извини за бардак. Я не ждал гостей.

Я вижу, как ее внимание привлекает то, что лежит на деревянном журнальном столике. Она наклоняется и поднимает смятую фотографию — единственную фотографию, которую я оказался не в состоянии выбросить. Даже не глядя на нее, я знаю, что краски запечатленного там женского лица начали блекнуть — как и то, насколько большая разница между мужчиной на снимке и нынешним мной.

Пальцем она ведет по лицу, которое мои пальцы выучили наизусть.

— Она ослепительна.

Я тру свою грудь. Как нечто пустое может так сильно болеть?

— О да.

— Что случилось?

Я смотрю на фотографию у нее в руках.

— Я полюбил ее.

И внезапно воспоминание о *ней* бьет меня по лицу...

...Садилось солнце. Мы лежали, раскинувшись на траве, наши тела согревали теплые лучи янтарного света, нашу кожу ласкал сладкий воздух — сладкий, потому что пах ею. Я помню, как она повернулась ко мне, взглянула на меня своими сапфировыми глазами, и через этот взгляд мы обменялись той невысказанной правдой, в которую она слишком боялась, а я слишком жаждал поверить.

— Не двигайся. Хочу снять тебя ровно так, как сейчас.

Она рассмеялась, но все же не стала противиться. Сделав снимок, я отложил камеру на покрывало, повернулся к ней и накрыл ее щеку ладонью. Закружил по скуле большим пальцем.

— Он сошел вниз, избегая подолгу смотреть на нее, как на солнце, но он видел ее, как солнце, и не глядя. (*цитата из «Анны Карениной» — прим. пер.*)

Она лениво улыбнулась.

— Пытаешься соблазнить девушку Толстым?

— Не знаю. А у меня получается?

Она взглянула на меня, и в ее глазах заискрилось веселье.

— Ты даже не представляешь. — Мы оба расхохотались, но как только момент прошел, она тихо прибавила этим своим хриловатым голосом: — Неужели ты правда здесь? — Она нашла мою руку, поднесла ее к губам и приложилась к ней в поцелуе. Он был таким мягким — можно было подумать, что мне показалось. Но нет. От ее ласки по моим венам понесся ток, медленно пробуждая мою душу и чувства. И, черт, я никогда еще не чувствовал себя настолько живым.

Я придвинулся к ней и приподнялся на локте, чувствуя, как острые травинки щекочут мне кожу. В таком положении я мог впитывать взглядом буйство ее черных волос, которые, обрамляя ее лицо, оттеняли нежный румянец на скулах, и цвет ее красных, как яблоко, губ.

— Правда, — ответил я шепотом.

— Все это словно сон... и я не хочу, чтобы он заканчивался. — В ее голосе появился страх, свет в глазах потускнел, сменяясь печалью.

— Я очень даже настоящий, Блэр, — прошептал я перед тем, как куснуть ее за ухо. — И никуда не денусь. Я прилип к тебе.

— Но надолго ли? — спросила она, и я вновь услышал в ее словах, в ее голосе страх.

— На столько, малыш, на сколько ты разрешишь мне.

— Навечно?

— Даже вечности будет мало. — Склонившись над нею, я ощутил, что ее тело дрожит. Я поцеловал ее в кончик носа, поцеловал ее веки, изгиб ее шеи, рот...

Я целовал ее долго-долго, пока не заклеил ее собой целиком и полностью, пока в мой язык не впечатался ее вкус. Когда мы отстранились друг от друга, Блэр улыбнулась мне, и я подумал, что жизнь не может быть прекраснее, чем она есть сейчас.

— Что?

— Я простой человек, Блэр. Мне не нужны дорогие вещи для счастья или для того, чтобы доказать, что я что-то стою. И, знаешь, очень долго я думал, что у меня все прекрасно.

Я был здоров, у меня была крыша над головой, еда на столе. Возникали ли у меня мысли о том, что все может быть лучше? Возможно, но я не заикливался на них. Моя жизнь устраивала меня. Но, думаю, в глубине души я понимал, что чего-то в ней не хватает. Я не знал, чего именно. Пока не встретил тебя.

— Ронан...

— Нет, выслушай меня до конца. Я знаю, как это звучит, и, может, это безумие, но я впервые ощущаю себя так, словно проснулся от долгого сна. Моя жизнь больше не в тумане. И все благодаря тебе. — Сделав паузу, я сорвал с ее губ еще один поцелуй. — К черту все. Давай сбежим и поженимся. По-настоящему. Прямо сегодня. Стань моей и только моей.

Блэр хихикнула.

— Ненормальный! Ты знаешь, что я и так твоя.

— Моя ли?

Она помолчала немного.

— Ронан, чего ты хочешь?

— Стать твоим кислородом, Блэр, как ты стала моим. Навечно. И однажды я добьюсь того, что ты ответишь мне «да».

Когда она посмотрела на меня, в ее глазах были слезы.

— Ах вот как? — спросила она. Ее голос дрожал.

— Угу. — Я снова взял ее лицо в ладони и почувствовал, как одна сбежавшая слезинка капнула мне на палец. — Я никогда не откажусь от тебя, поняла меня?

Она осталась молчать, потому что знала — все это было ложью. Все слова, все взгляды, все прикосновения. Все было гребаной ложью. И, что самое смешное, в самую прекрасную ложь я влюбился — в нее. Ее поцелуи были обманом, сладким ядом на вкус, ее смех — приманкой для моей гибели, ее тело — проклятой игрушкой дьявола.

Но опять же, любовь — это грязная, кровавая, подленькая игра. Любви плевать на правила и на честность. Она может вдохнуть в тебя жизнь, пробудить желание измениться к лучшему, и с тем же успехом — убить тебя, а заодно и твои мечты. В один миг.

— ...И что же произошло? — возвращает меня в настоящее женский голос, и ее лицо, ее светлые волосы заменяют лицо и волосы Блэр.

То, что происходит всегда, когда ты забываешь о своем месте в мире и осмеливаешься мечтать.

— Она разбила мне сердце.

Я преодолеваю разделяющие нас шаги, пока не подхожу к ней вплотную. Костяшками пальцев провожу по ее лицу, а она, полуприкрыв глаза, льнет к моей ласке. Я беру ее за подбородок. Склоняясь к ней, поднимаю ее лицо. Когда мои губы касаются ее губ, она закрывает глаза и отдает себя поцелую. Но я — нет. Я не могу. И ненавижу себя за это, потому что, целуя другую женщину, я все равно ощущаю вкус Блэр.

Когда поцелуй подходит к концу, я говорю ей:

— Теперь разденься.

На ее лице впервые появляется неуверенность.

— Я не такая молодая и красивая, как она.

Ее слова что-то творят со мной. Нет, они не затрагивают никаких струн, ничего такого — это попросту невозможно. Может, если б я встретил ее в другой жизни, где я был бы целым... Но они пробуждают во мне желание показать ей, какой я ее вижу. Ее красоту, которая с каждой секундой становится все очевидней.

Я отпускаю ее и заступаю ей за спину. Не прикасаясь, склоняюсь к ней.

— Ты *очень* красивая. Покажи мне себя. Всю себя.

Она делает судорожный вдох. Отходит в сторону. Повернувшись ко мне лицом, по очереди снимает с плеч тоненькие бретельки. Зрелище того, как она раздевается для меня, не просто эротическое, оно опьяняет. Под моим взглядом шелк скользит по ее подтянутому телу плавно, словно вода, открывая нежные формы, маленькие, но безупречные грудки, гладкую сладкую промежность. Мои ладони начинают зудеть. Я хочу исследовать ее всю. Хочу, чтобы тепло ее кожи просочилось в меня, согрело меня — хоть на миг.

Она прикрывается руками, нервно и неуверенно.

— Не прячься от меня. — Я развожу ее руки в стороны. — Ты изумительна.

— Ты говоришь так из вежливости. Я видела ее фотографию и знаю, к чему ты привык. И могу сразу сказать, что совершенно на нее не похожа.

— Ты права. Но тем не менее я хочу тебя.

Она краснеет. Румянец идет ей, вызывает желание смущать ее вновь и вновь. Мой член твердеет, соглашаясь со мной. Я сокращаю расстояние между нами до тех пор, пока мой торс не упирается в кончики ее грудок. Ее соски заостряются, дыхание становится частым.

— Да и как тебя не хотеть? Ты красива, желанна и охерительно сексуальна. — Моя рука поглаживает ее кожу, движется от плеча к нежной выпуклости груди. — Я хочу провести языком по каждому твоему изгибу, побывать им в каждой отверстии твоего тела. — Я захватываю ее волосы в горсть и убираю их в сторону, обнажая шею, потом наклоняюсь и целую ее, ощущая ртом ее пульс. — Узнать вкус твоего пота, твоего желания, всего, что может предложить твое тело. — Я выпрямляюсь. Берусь за ее бедра и, вминаясь пальцами в плоть, рывком притягиваю к себе.

Ее глаза расширяются, показывая мне, насколько расширенными стали ее зрачки. Она облизывает губы.

— Я тоже тебя хочу.

Я кладу ладонь ей на шею, и мы начинаем отчаянно целоваться. Нет места воздуху. Нет места мыслям. Нет места ничему, кроме ощущения ее рта, ее кожи под моими руками. Я вдыхаю ее, впускаю в легкие ее аромат, одурманивающий меня запахом похоти и желания. Ищу забвения в ее теплом, притягательном теле.

Но мне нужна не она.

Мне нужно перестать чувствовать. Заглушить биение своего сердца.

Оторвавшись от ее губ, я целую ее ото рта до шеи, спускаюсь, наслаждаясь вкусом ее пота, вниз, к ее грудкам, языком щекочу соски. Мои зубы впиваются в ее кожу, и она вскрикивает. Ее боль — мое удовольствие. Ее кровь утоляет мне жажду. Она тянется к моим волосам, тащит меня за них вверх. Оказавшись лицом к лицу, мы снова целуемся, но на сей раз это ее зубы пытаются пустить мне кровь, и ее ногти больно вонзаются в мою кожу. И это охренеть как прекрасно.

Я ловлю ее руку и кладу на свой член, тру себя ее ладонью сквозь джинсы.

— Теперь сядь. Я оттрахаю тебя в рот.

Она садится на диван. Я расстегиваю ремень, затем джинсы. Вытащив член, ласкаю себя перед ее лицом. Обвожу им по контуру ее губы.

— Открой.

Я вхожу в нее, затем обеими руками хватаю за голову и тяну к себе. Чувствую, как она жадно сосет меня, пока я вталкиваюсь в нее, трахая этот сладкий рот. Быстро. Безжалостно.

Ритм изнурительный, но она не останавливает меня.

Со стоном я вынимаю член. Смотрю, как она вытирает подбородок и губы. Моя плоть влажно поблескивает от ее слюны.

— Повернись и встань на колени. Теперь я возьму тебя.

Она безотчетно выполняет мои инструкции, но перед тем, как она поворачивается, я успеваю увидеть в ее глазах голод. Она хочет этого не меньше меня. Встав за ее спиной, я достаю из бумажника презерватив и, раскатав его на своем члене, за задницу притягиваю ее к себе. Держась за член, раздвигаю им ее ягодицы, медленно ласкаю оба ее входа, смазываю себя ее влажностью.

— Черт, ты уже насквозь мокрая.

Она толкается к моему члену, хочет его, умоляет взять ее. Намотав ее волосы на кулак, я оттягиваю ее голову назад.

— Мне нравится то, что ты полностью в моей власти. — Я наклоняюсь и сквозь зубы шиплю ей в ухо: — Хочешь, чтобы я отымел тебя прямо так, да?

Ее лицо рядом с моим, затылок касается моего плеча, я вижу ее прекрасную хрупкую шею, ощущаю запах ее духов, ее пота, когда, наклонившись, провожу по ее шее носом.

Она трепещет, кивает, и я агрессивно толкаю ее вперед — она падает на руки, — потом раздвигаю ее ягодицы и люблю зрелищем того, что собираюсь взять.

— Какая симпатичная дырка.

Смочив два пальца слюной, я провожу ими по ее клитору, потом вдавливаю глубоко в нее, и ее сотрясает дрожь. Комнату наполняют влажные звуки, с которыми мои пальцы трахают ее со спины, и это сводит меня с ума. Она цепляется за спинку дивана, ногти оставляют на кожаной обивке следы, пока моя рука ускоряется, пока я отпускаю свое разочарование, свою злость, свою жажду, свое влечение к ее телу. Я поступаю с ней как эгоистичный ублюдок, но не могу заставить себя остановиться. Это нужно мне сильнее, чем сделать следующий вдох.

Я ненавижу тебя, Блэр.

Ненавижу.

Я вынимаю пальцы, толкаюсь ближе и хватаю ее за бедра. Надрочив свой член в кулаке, вхожу в нее одним глубоким и быстрым толчком. Я трахаю ее так, словно ищу в ее теле свое спасение и утешение.

Но спастись не выходит.

Я закрываю глаза и вижу за веками Блэр. Я вижу, как она оглядывается, пока я вхожу в нее сзади, как улыбается, как ее улыбка насмехается надо мной. И чем сильнее мой член входит в женщину со светлыми волосами, тем громче становится у меня в ушах хохот Блэр.

Я трясусь головой, чувствуя, как по коже, точно паучьи лапы, ползут капли пота. Пытаюсь выдворить ее из сознания, но не выходит. Никак. Я поднимаю голову, вижу в окне наше отражение. Наши глаза встречаются; на плоскости стекла отражается ее красота, но я в таком состоянии, я так онемел внутри, что ничего не чувствую. Отпустив ее плечо, я начинаю тереть ее клитор. Быстро. Еще быстрее.

Она стонет, просит не останавливаться, но в момент, когда я чувствую приближение наших оргазмов, начинает звонить телефон. Мне плевать, кто это. Пусть оставит сообщение на автоответчик.

Это она.

Преследует меня. Вытрахивает мне мозг.

Ее голос плывет по тесному пространству моей квартиры, пока я снова и снова долблю членом другую женщину.

— Привет... Это я. Знаю, уже поздно, но я не могла заснуть.

Моя челюсть напрягается, я закрываю глаза и делаю новый рывок вперед, тру ее между ног, с каждым разом вторгаюсь в нее все жестче и чаще.

— Я... Я сама не знаю, зачем звоню. Ты, наверное, и слышать меня не хочешь...

Пока нас окружает звук ее голоса, наш ритм становится все отчаянней. Я стискиваю ее бедра так сильно, что мои пальцы оставляют на белой коже следы.

— Просто... я хотела сказать тебе, что ты очень много для меня значишь.

Наши тела продолжают сталкиваться, мы словно море и камень, я тру ее все быстрее... быстрее... быстрее... пока она не кончает под моей рукой и на моем члене.

— Мне тебя не хватает.

Голос Блэр, эти ее слова переполняют мое сознание, когда я с исторгшимся из груди криком делаю последний толчок и кончаю в другую женщину. Сразу выскользнув из нее, я, не снимая презерватива, тянусь к ней и заворачиваю в объятия, чтобы утешить. Я чувствую, как ее трясет, но до тех пор, пока сквозь звон в голове не прорывается ее голос, не осознаю, кто на самом деле дрожит: я сам.

Это не я успокаиваю ее.

Это она меня утешает.

— Ш-ш... все хорошо, — шепчет она, поглаживая меня по голове.

Я прижимаюсь к ней еще крепче.

— Я...

— Ш-ш... Молчи. Не надо ничего говорить. Я здесь... И я никуда не денусь.

Меня будит стук дождя по подоконнику. Я озираюсь будто в тумане. Вижу, что соседняя подушка пуста. Касаюсь вмятин, которые оставило ее тело. Теряюсь в ощущении прохладной простыни под ладонью, пытаюсь уловить отпечаток ее тепла, найти следы ее недавнего присутствия рядом. Но все, что осталось, — холодные, как лед, простыни, в которых запутались мои ноги.

Ушла. Да... я в последнее время на высоте. Сначала с Блэр, теперь с нею. Что ж, тем лучше. Она спасла нас обоих от очень неловкого утра.

Мой взгляд падает на будильник справа. 05:13 — кровоточат красные неоновые цифры в гнетущей темноте спальни. Черт, еще рано. Я поднимаюсь с кровати. Надевая пару сетчатых шорт, выглядываю за окно и понимаю, почему так темно. Снаружи ливень, плотные, мрачные тучи спрятали синее небо за темно-серым непроницаемым одеялом. Я подхожу к окну, открываю защелку и распахиваю его. Растягивая руки и спину, с наслаждением вдыхаю сырой запах дождя.

Спустя несколько секунд я ухожу на кухню заварить себе кофе. Уже переступаю порог и вдруг останавливаюсь, как вкопанный. Я не ожидал увидеть свою вчерашнюю гостью. Ее светлые волосы собраны в идеальный пучок балерины — или как, черт возьми, называется такая прическа. Она стоит у кофе-машины, а рядом на стойке дымятся две чашки кофе.

Я стесненно растираю ладонью грудь, глядя на знакомые формы, затянутые в черный шелк. Даже неверится, что эта статная женщина, которая выглядит так, словно в ее венах

течет лед, и есть то разнузданное существо, с которым я был этой ночью.

— Ты еще здесь.

Сложив руки на груди, она прислоняется бедром к краю стойки.

— Ты заметил. — Мы встречаемся взглядами, и я замечаю в ее глазах раздражающий огонек. — Надеюсь, ты не станешь возражать, но я позволила себе вольность заварить кофе.

— Нет, — я откашливаюсь, — нисколько. Спасибо.

— Не могу почувствовать себя человеком, пока не выпью свою первую чашку кофе, — произносит она.

Заводит утреннюю беседу.

— У меня то же самое.

В неловком молчании мы глядим друг на друга, и спустя минуту я наконец-то решаю заговорить.

— Насчет прошлой ночи...

— Ты не обязан что-либо объяснять.

— Я не к тому. Просто хотел извиниться за то, как обращался с тобой вчера. Я был зол и выместил свою злость на тебе, а ты ничего этого не заслуживала. И еще... — Я морщусь, вспоминая звонок Блэр и то, что случилось после. — Черт, дико неловко, но...

— Стоп. Больше ни слова. Ты сразу предупредил меня о том, чего хочешь. Я согласилась и пришла сюда добровольно. Я большая девочка.

— Это какая-то проверка, когда ты говоришь одно, но подразумеваешь совершенно другое, а я обязан догадаться, что именно?

Она улыбается.

— Вообще нет. Поверь, никакого скрытого смысла в моих словах нет.

Эта женщина вообще настоящая? Где ее носило всю мою жизнь?

— Ясно. — Подходя к ней, я замечаю, что она окидывает меня оценивающим взглядом. — Нравится то, что ты видишь?

Она не отводит глаз. Напротив, продолжает рассматривать меня — внимательно и неспешно.

— Вполне.

Ее ответ разрезает повисшее в воздухе почти осязаемое, почти видимое напряжение, и я, расслабившись, усмехаюсь. Да, у этой женщины есть яйца. Хотя можно и не удивляться, если вспомнить ее вчерашнее поведение. Остановившись напротив нее, я двумя руками беру за край стойки по бокам ее бедер и нависаю над нею. А она не ведет и бровью.

— Осторожней, красавица.

Она облизывает губы, и отдача от этого зрелища уходит прямым ко мне в пах.

— А что, если я не хочу быть осторожной? — Она опускает глаза на мою голую грудь. Поднимает руку, мягко ведет подушечками пальцев по моим тату. Изучает их. Под ее легкими прикосновениями меня тянет закрыть глаза и насладиться окутывающими меня ощущениями, но я все продолжаю смотреть, как ее пальцы обводят узоры, которыми разрисована моя плоть. — Маленький принц? — спрашивает она, наконец поднимая взгляд.

Я киваю. Отступаю на шаг назад. Ее вопрос вызывает новые воспоминания о Блэр, о том идиллическом дне, который мы провели вместе, и внезапно я начинаю тонуть — в них, в ней и в прошлом.

Проклятье. Ну почему я не могу выбросить ее нахер из памяти?

— Я сказала что-то не то? — спрашивает она, мило смешавшись.

— Нет, ничего такого... — Я хочу сказать ее имя, и в этот самый момент понимаю, что не знаю его. Отвернувшись лицом к гостинной, я откидываюсь на стойку с ней рядом. Наши плечи соприкасаются. — Можно кое о чем спросить тебя?

— Конечно.

— Как тебя зовут?

Она смеется. Я тоже хочу улыбнуться, но не могу.

— Не поздновато ли для таких вопросов?

— Лучше поздно, чем никогда.

Качнув головой, она протягивает мне руку.

— Меня зовут Рэйчел. Приятно познакомиться...?

Я беру ее руку, но не шевелюсь.

— Ронан.

— Приятно познакомиться, Ронан. У тебя симпатичная квартира. — Она отворачивается, прерывая нашу игру в гляделки. Переводит взгляд на копию знаменитого черно-белого снимка, где отряд американских солдат бежит по воде в сторону берега. — И хороший вкус.

— Ты знаешь Роберта Капу? (*классик фотоискусства, основоположник военной фотожурналистики — прим. пер.*) — Я приятно удивлен.

— Конечно. Я большая его поклонница. — Она подходит поближе к рамке. — Не думала, что ты можешь оказаться любителем фотографии.

Хмыкнув, я складываю руки на груди, засовываю ладони подмышки.

— Серьезно?

— Да. То есть, я понимаю, что встретила тебя на художественной выставке...

— Почти. Насколько мне помнится, мы так и не зашли внутрь, — поддразниваю ее я.

Она краснеет.

— Не суть. В общем, если человек пришел на выставку, это еще не значит, что...

Ее внимание привлекает что-то, лежащее на полу. С участившимся пульсом я смотрю, как она наклоняется и поднимает еще одно фото в рамке. Пока я мысленно проклиная Джеки и желаю ей провалиться в ад, моя светловолосая гостья восхищенно рассматривает снимок. Я знаю, что там — смеющийся, растрепанный Олли, который гоняется за щенком по парку. Этой фотографией я горжусь, потому что у меня получилось запечатлеть в одном кадре и его невинность, и живость его характера.

— Какая красота. Чье это? Я не узнаю автора.

Испытывая дискомфорт, я тру шею и вновь проклиная Джеки. Вспоминаю тот день, когда, вернувшись с работы, застал ее у себя дома с пачкой моих уже оформленных в рамки работ. Стены моей квартиры, до того покрытые фотографиями людей, которыми я восхищался, были голыми.

— ...Что здесь происходит? — спросил я.

Она обернулась с молотком и гвоздями в руках.

— О, привет! Ну, меня бесит то, что ты прячешь от людей свой талант, так что я в буквальном смысле решила взять дело в свои руки.

— И без разрешения развесить на стенах мои фотографии?

— Твои *потрясающие* фотографии, и только попробуй остановить меня. Может, ты и выше меня сантиметров на двадцать и больше не тощий десятилетний мальчишка, но я до сих пор в состоянии надрать тебе задницу, даже не сомневайся, — ответила Джеки, сверкнув

глазами.

— Ну почему старшие сестры такие вредины?

Я раздосадовано застонал, а она отправила мне воздушный поцелуй и вернулась к работе. Не желая обижать ее, я снял фотографии только после того, как она ушла...

— ...Это твои работы? — слышу я голос Рэйчел.

Мое внимание возвращается к ней.

— Да, но необязательно так удивляться.

Она улыбается, и я вижу, как улыбка превращает ее холодную красоту в теплую, сладкую. Она откладывает фотографию Олли, берет вторую, потом еще, пока не просматривает штук пять.

— Ты очень талантлив.

Пожав плечами, я забираю у нее фотографии и, бросив их на пол, притягиваю ее к себе в объятия.

— Тебе кто-нибудь говорил, какая ты красивая, когда улыбаешься?

Она касается моего лица. Медленно, нежно. Я ощущаю, как подушечки ее пальцев следуют по линии моей челюсти.

— Ты не любишь говорить о своих работах, верно?

— Не особенно. — Я закрываю ей рот поцелуем.

Когда мы отстраняемся друг от друга, она мягко улыбается мне.

— Какой очаровательный способ менять тему.

Я усмехаюсь.

— Так очевидно?

Она кивает, и я целую ее еще раз. Когда поцелуй заканчивается, мы оба тяжело дышим. Она отпускает меня. Делает шаг назад, устанавливая между нами дистанцию.

— Думаю, я начинаю злоупотреблять твоим гостеприимством, и мне пора уходить. — Я собираюсь возразить, но она прибавляет: — И не надо говорить, что это не так. Мы с самого начала были честны друг с другом, так что давай не расставаться на лжи. — Она ненадолго замолкает — очевидно, выбирая следующие слова. — Послушай, в следующий четверг я устраиваю прием у себя дома, и мне бы хотелось, чтобы ты тоже пришел. Хочу представить тебя одному человеку, который, как мне кажется, сможет сотворить чудо с твоей карьерой. И нет, это не уловка, чтобы увидеть тебя еще раз. Я искренне считаю...

— Что сможешь помочь мне? Ты ведь даже не видела моих снимков.

— Я видела достаточно для того, чтобы понять, что ты на самом деле талантлив. Мне хочется чем-то помочь.

Я провожу ладонями по лицу. Внутри вздымается смешанная с раздражением злость.

— А если я не хочу, чтобы мне помогали? Мне не нужна твоя жалость. — Я понимаю, как грубо это звучит, но неужели она не может оставить эту гребаную тему в покое?

Она раздраженно встряхивает головой, и на ее высоких скулах появляется сердитый румянец.

— Это не жалость, Ронан. — Она уходит на кухню, берет со стола карандаш, которой лежит рядом с раскрытой на странице кроссворда газетой, и что-то пишет на ней. — Вот. Здесь адрес, дата и время. Ты не обязан приходить, если не хочешь, но я правда считаю, что тебе стоит там появиться.

— Я не приду, Рэйчел.

— Почему?

— Потому что...

— Потому что думаешь, будто справишься сам?

Она обводит взглядом мою квартиру. Тесную кухню, старый ковер под журнальным столиком, мебель, которая знала лучшие времена.

— Без обид, малыш, но я думаю, что помощь тебе все же не помешает. У тебя есть талант. И это преступление — то, что твои работы валяются на полу и собирают пыль. Но если тебе самому так хочется, то пускай. По-видимому, мое первое впечатление о тебе оказалось ошибочным, что странно, потому что я никогда не ошибаюсь.

— И каким же оно было?

— Простым. Я увидела человека, который хочет большего.

— Ошибаешься. Я хочу все.

— Тогда докажи это. Только не мне, а самому себе. — Она подхватывает свой клатч и направляется к выходу. Я следую за нею, открываю ей дверь. Проходя мимо меня, она кладет ладонь мне на грудь. — Я скажу людям на входе, что ты приглашен.

Я снимаю ее ладонь, задерживаю ее в своей.

— Я не объект для благотворительности.

— Я знаю, гордец. — Она мягко целует меня в губы. И, выходя из квартиры, добавляет: — Надень смокинг.

Когда за нею закрываются створки лифта, я возвращаюсь домой. Встав к окну, улыбаюсь — хотя эта улыбка похожа скорее на кривую усмешку, — когда замечаю припаркованный на улице лимузин. Несложно догадаться, кого он ждет. Я вижу, как из машины выходит человек в униформе. Едва Рэйчел ступает на тротуар, он распаивает для нее дверцу в салон.

Черт, ну разве жизнь не смешная штука?

Глава 6

Блэр

— Я нужна тебе этим вечером?

Стоя у Лоренса за спиной, я наблюдаю за тем, как он собирается на работу. Кладу ладони на его широкие плечи и, пока он завязывает галстук, поблескивая своими «пиаже» на запястье, ощущаю под дорогим материалом его костюма движение мышц.

Взгляд его зеленых глаз встречается в зеркале с моими глазами, и я, привстав на цыпочки, губами обвожу по контуру его ухо.

— Не желаете еще раз отыметь меня, мистер Ротшильд? — интересуюсь я. Моя рука ложится на перед его брюк и ласкает очертания его члена. Его жар обжигает мою ладонь. Что в Лоренсе есть такого, отчего я постоянно хочу его? Когда я с ним, меня всегда охватывает эта внутренняя, глубинная жажда, утолить которую может только его язык или член.

Я вижу, как его рот, который всего пару часов назад так мастерски пытал мое тело, кривится в манере, которую я нахожу и угрожающей, и по-грешному сексуальной.

— Пытаешься с утра пораньше заманить меня своей песней сирены к гибели?

— Знаешь, некоторые авторы считают сирен каннибалками.

Лоренс поворачивается ко мне лицом, кладет мне на плечи свои ладони.

— И в твоем случае они совершенно правы, моя прекрасная пожирательница мужчин.

Но какой бы искушающей ни была твоя песня, я не могу. Утром у меня важная встреча.

Когда я надуваю губы, он хмыкает.

— Избалованная девчонка.

— Причем донельзя.

Его глаза, путешествуя по моему обнаженному телу, весело вспыхивают.

— Сегодня ты не нужна мне, но, если хочешь, останься. Я позвоню тебе в ближайшие пару дней. — С сожалением улыбнувшись, он щелкает меня по носу. — До встречи, моя порочная сирена.

После того, как Лоренс уходит из спальни, я начинаю готовиться ко встрече со звездным риелтором. Я не знала, смогу ли заполучить его, но когда сообщила об этом Лоренсу, он рассмеялся и сказал оставить решение этого вопроса ему. Очевидно, его помощнице было достаточно сделать всего лишь один звонок, чтобы этот человек освободил свое расписание и на весь день отдал свое время мне. Что, впрочем, не удивило меня. Ну кто способен отказать Лоренсу?

Надевая серьги, я смотрю на себя в зеркало. Замечаю мешки под глазами и маленькую морщинку на лбу. Замечательно. Мешки под глазами и преждевременные морщины. Именно это мне сегодня и нужно. Огорченная, я наклоняюсь вперед и, пока поверхность зеркала затуманивается от моего дыхания, пытаюсь разгладить эту тонкую черточку у себя на лбу. Не выходит. Морщинка остается на месте, глумится надо мной, напоминая, из-за чего вообще она там возникла.

Зачем я звонила ему этой ночью?

Я знаю, зачем. После секса с Лоренсом меня внезапно охватила отчаянная потребность услышать Ронана, поговорить с ним. Я не представляла, что собираюсь сказать ему. Я знала одно: мне необходимо еще один раз услышать звук его голоса. Я взяла телефон и перед тем, как спрятаться в ванной, оглянулась на мужчину, который спал за моей спиной. Но моя совесть даже не шевельнулась. И я позвонила Ронану — наполовину боясь, что он ответит, и наполовину боясь, что нет.

Он не ответил.

Довольно. *Возьми себя в руки, Блэр.* Сожаления — это удел слабых. Им нет места в моей жизни. *Ему* нет места в моей жизни. Встряхнув головой, я заканчиваю собираться и, удовлетворенная своим нарядом, состоящим из рваных джинсов, облегающей футболки с марвеловским супергероем, черного блейзера и «оксфорд», выхожу из комнаты Лоренса.

Спускаясь по лестнице, я пытаюсь как-то растормошить себя, заставить себя обрадоваться тому, что на деньги Лоренса покупаю себе квартиру, но в груди все остается спокойным, как море в штиль летней ночью. Я сердито взираю на этот унылый пейзаж, недоумеваю, что со мной происходит. Я должна прыгать от радости — ведь у меня появится собственная квартира, и мне больше не придется рассчитывать на мужчин в плане арендной платы. Нет, я осознаю, что куплю себе жилье не на свои деньги, но это не отменяет того факта, что, когда Лоренс уйдет, квартира останется у меня. И все же я ничего не чувствую.

Должно быть, я устала сильнее, чем думала.

Как только я выхожу из особняка Лоренса, то сразу же вижу Ронана. Он стоит, прислонившись к машине. На нем черный костюм, но другой, который сидит лучше вчерашнего, идеально до порочности облекая его стройное тело. С легкой щетиной на челюсти и в своих «рей-бен» он кажется уверенным в себе и спокойным. Недостигаемым. Вздохнув, я поднимаю взгляд в чистое синее небо. Пора положить конец этому наваждению.

Нам лучше поскорее смириться с мыслью, что время от времени мы будем пересекаться.

Я не поддамся искушению. Ронан — запретный плод в моей извращенной версии райского сада.

Но это больно. Так больно.

В момент, когда он замечает меня, и наши взгляды смыкаются, Ронан отталкивается от машины и открывает пассажирскую дверь. Мое сердце гулко бухает в грудь, но я заставляю себя не обращать внимания на реакцию своего тела, на покалывание в кончиках пальцев, которым хочется, как бывало раньше, укротить знакомые волны каштаново-золотистых волос, обрамляющих его красивое мальчишеской красотой лицо. *Думай головой, а не сердцем, Блэр. Он в прошлом. Ты не можешь его иметь.*

В прохладном воздухе пахнет осенью. Мне холодно, и я потираю плечи, чтобы прогнать дрожь. А может, я просто нервничаю от того, что надвигается на меня. Его взгляд держит меня в плену, пока я преодолеваю расстояние между нами. Вздернув подбородок, я прибавляю шаг. Я не стану поджимать перед ним хвост — пусть даже внутри меня всю трясет, а его глаза беззастенчиво-медленно путешествуют по моему телу, заставляя меня чувствовать себя оголенной и грязной.

Я уже готова сесть в машину, не сказав ему ни единого слова, как вдруг он цедит сквозь зубы:

— Мне тоже приятно снова с тобой увидеться, Блэр.

Я останавливаюсь. Смотрю на него в упор.

— Хотелось бы ответить тем же, но я не лгуныя. — Я проскальзываю в салон на бежевое сиденье, а потом, сложив руки на груди, устремляю взгляд в лобовое стекло и жду, когда он сядет за руль.

— Из чего, видимо, следует, что лжец это я, — произносит он едко, после чего захлопывает за мной дверцу. В груди вздымается злость. Его ответ причиняет боль, однако все это я заслужила.

Краем глаза я слежу за тем, как он уходит к водительскому сиденью, по пути снимая очки. Впитываю его своим изголодавшимся за время, что мы не виделись, взглядом. Он даже красивее, чем мне запомнилось, но еще что-то в нем изменилось. Теперь он выглядит старше. Суровой. И в его лице есть нечто опасное, чего раньше там не было, но оно лишь добавляет ему привлекательности.

Сев за руль, он заводит машину и отъезжает от тротуара.

— Куда ехать? — спрашивает грубо.

— К «Плазе». И на твоём месте, Ронан, я бы следила за своим тоном. Не забывай, — я делаю паузу, — я трахаю твоего босса и могу сделать так, что тебя уволят.

Он хмыкает.

— Да мне насрать, Блэр. И я уверен, что мистеру Ротшильду не меньше насрать на то, как я с тобой обращаюсь или разговариваю. Для него ты очередная дырка между ног. Поверь, до тебя я возил очень и очень многих, так что лучше наслаждайся моментом, пока он не устал тебя трахать и не выставил вон.

Смеясь, я кладу ногу на ногу.

— Ты-то не устал.

Когда мы останавливаемся на светофоре, наши взгляды сталкиваются в зеркале заднего вида и вступают в бессловесную битву.

— Все потому, что я был гребаным идиотом. Меня ослепила твоя красота и твое вранье,

и я не осознавал, что за твоей безупречной внешностью пусто. Что ты годишься только для хорошего траха. И да, ты причинила мне боль, Блэр, но в общем и целом ты всего лишь очередная девка, которую я поимел да и забыл.

Мое сердце раскалывается на части, однако я ослепительно улыбаюсь.

— Bravo, Ронан. Жестоким быть так приятно, верно? Но, по крайней мере, ты наконец-то прозрел.

— О, да.

— И дай угадаю — уже нашел себе кого-то получше? — с сарказмом продолжаю я.

— Это было несложно, Блэр. Любая будет лучше тебя.

Наши взгляды на мгновение пересекаются, и кажется, будто в этом мгновении столько медленно проходящих секунд, что оно растягивается на целую вечность. Сказано так много — и так мало. Когда красный свет сменяется на зеленый, Ронан сосредотачивается на дороге, а я отворачиваюсь к окну. Вижу женщину в красном платье, которая выгуливает своего «мальтийца», и, глядя на эту обыденную картину, пытаюсь сладить с эмоциями. Вонзая ногти в ладонь, я пытаюсь заглушить чувства болью.

Бесполезно. Я все равно *чувствую*.

Остаток поездки проходит в тягостной тишине. Когда он притормаживает у знаменитой «Плазы», я оглядываю висящие над козырьком флаги, массивные колонны и красную ковровую дорожку, что лежит на ступеньках, ведущих в мир изобилия и воздушных замков. В мир, которому люди вроде нас с Ронаном не принадлежат. И все же я здесь. Я, самозванка, собираюсь вторгнуться в этот мир в своих туфельках от «Шанель». К машине подходит швейцар и открывает для меня дверцу.

— Можешь уезжать, — обращаюсь я к Ронану. — Сегодня ты мне больше не нужен.

— Мне дали указание ждать тебя.

— Я же сказала, ты мне больше не нужен, — с нажимом повторяю я. От досады так и хочется ударить ладонями по кожаному сиденью.

— Может, ты и трахаешь Лоренса, но ты мне не босс. Я не обязан слушать твои приказы.

— Как знаешь, Ронан. Оставайся, уезжай... делай, что хочешь — мне безразлично.

— Я буду здесь, — игнорируя меня, тянет он.

Не глядя на него, я выхожу из машины, и если бы вежливый швейцар, наблюдающий за нами с озадаченным выражением на лице, не придерживал для меня дверцу, я бы с треском ее захлопнула. Ну, вы понимаете... для эффекта.

И только в момент, когда я здороваюсь с риелтором, которому сегодня предстоит помогать мне, я понимаю, что мы так и не обсудили мой вчерашний звонок. Хорошо. Очевидно, его чувство ко мне прошло. Либо ему плевать. Мне бы радоваться, но от этой мысли мне становится тошно.

Его зовут Уильям Доулинг. Он привлекательный. Среднего роста. Дорого одет. Риелтор для богатых и знаменитых. Пока мы пожимаем друг другу руки, он окидывает меня оценивающим взглядом, вероятно, гадая, как это мне удалось привлечь внимание Лоренса Ротшильда, и под этим взглядом я ощущаю себя голой. Знает ли он, кто я для Лоренса? Я не удивлюсь, если да. Наверняка любовные гнездышки, которые богатые мужчины покупают

своим любовницам, составляют львиную долю всех его сделок.

Я без улыбки отпускаю его ладонь.

— Ну что, посмотрим квартиру?

— Разумеется. Лифты вон там.

Он отходит в сторону, пропуская меня вперед. По дороге к лифту я замечаю, что люди в холле с откровенным осуждением поглядывают на меня. Под их взглядами внутри меня все сжимается, однако я скорее умру, чем покажу, что их презрение меня задевает. И потому я распрямляю спину и, напоминая себе, что их мнение для меня ничего не значит, иду с таким видом, словно все это проклятое здание принадлежит одной мне.

Мой взгляд падает на молодую женщину, которая выглядит так, словно родилась и выросла в загородном клубе — кремовый кардиган и все прочее. Уставившись на меня, она хватает своего бойфренда за локоть и притягивает его к себе. Так и хочется сказать ей: «Дорогуша, не надо меня бояться. Он наверняка уже с кем-нибудь путается у тебя за спиной». Но я молчу. Только развязно ухмыляюсь ей, потом подмигиваю ее бойфренду, отчего они оба остаются стоять с разинутыми ртами, и прохожу себе мимо.

Улыбка испаряется с моего лица только в момент, когда за нами закрываются двери лифта.

И вот мы стоим посреди пустого пространства квартиры. Эмоционально выжатая, я брожу по огромной площади, оглядываюсь, но ничего толком не вижу. Где-то на фоне Уильям описывает разнообразные достоинства этого места, но я не слушаю, о чем он там говорит. Я смотрю на панораму Центрального парка. И пока мои глаза привыкают к его красоте, вижу свою первую встречу с Ронаном, вспоминаю, как он улыбался мне, что говорил мне, как смеялся в тот судьбоносный летний день.

— Я беру ее, — шепчу я.

— Прошу прощения? — спрашивает Уильям.

— Я беру ее, — повторяю громче и тверже, поворачиваясь к нему лицом. — Я хочу эту квартиру.

Он дружелюбно улыбается мне.

— У вас изысканный вкус.

Я киваю и снова выглядываю в окно, высматривая что-то — кого-то, кого здесь нет.

— Мне переслать документы помощнице мистера Ротшильда?

Вопрос риелтора напоминает о Лоренсе. Закусив губу, я перевожу глаза на свои туфли, чувствуя, как внутри разгорается стыд и чувство вины.

— Да, наверное, так это и работает, — отвечаю я, не встречаясь с ним взглядом. Я боюсь, что увижу в его глазах отражение того, что он думает обо мне.

На этот раз я буду не в состоянии притвориться, что мне все равно.

Когда мы собираемся уходить, он встает передо мной, преграждая мне путь.

— Один момент.

— Да? — спрашиваю я холодно, выгибая бровь.

— Я лишь хотел дать вам вот это. — Он протягивает мне свою визитку.

Я хмурюсь.

— У помощницы Лоренса уже есть ваши контакты. Сделку будет вести она.

Он опять улыбается все той же дружелюбной улыбкой, но на сей раз от нее по моей спине бежит дрожь.

— На будущее. Когда вы уже не будете с...

И тут до меня доходит.

— А. Вот вы к чему.

— Возможно, мы могли бы заключить своего рода соглашение. Из тех, которые женщина вроде вас не упустит.

Меня не должно это задевать. Я должна давно к этому привыкнуть. *Ложь. Ложь. Ложь. Снова ложь.*

Оглянувшись, я вижу, что мы стоим рядом с кухонным столом из серого мрамора. Я подхожу к его краю и, усевшись на скользкую поверхность, раздвигаю ноги. Призывно. Развратно. Почему бы и нет? Ведь это я — то, кто я есть.

— А может прямо сейчас? Зачем ждать, пока я расстанусь с Лоренсом? — отвечаю я. Мой голос звучит на удивление ровно. Наши взгляды смыкаются; я беру его за руку и приставляю ее себе между ног, тру ею свою промежность сквозь джинсы. — Ты этого хочешь, да?

Его глаза на секунду отрываются от моих, отвлекшись на движения моих пальцев. В них горит похоть, и я осознаю, что никогда еще не ощущала себя такой дешевой. Он встает между моих ног. Так близко, что я, поймав его за подбородок, притягиваю его лицо к себе — будто бы собираясь поцеловать.

Когда наши губы почти что соприкасаются, я откидываюсь назад и смотрю ему прямо в глаза.

— Даже если Лоренс бросит меня, тебе я не дам. — Я улыбаюсь. — Я не трахаюсь с рабочим классом.

Оттолкнув его в сторону, я соскакиваю на пол и, когда мои ступни мягко приземляются на паркет, бегу к выходу из квартиры, затем спешу к лифтам и нетерпеливо, настойчиво жму на кнопку. Поняв, что лифт прибедет нескоро, я, не желая задерживаться здесь ни секундой дольше, озираюсь в поисках лестницы. Вижу дверь справа и бросаюсь к ней, распахиваю, лечу по ступенькам вниз со всей скоростью, которую только способна из себя выжать. Темп такой бешеный, что в конце концов я пропускаю пару ступенек и падаю у подножия лестницы на колени. В ступоре я приваливаюсь спиной к стене. Поднимаю руки и смотрю, как они бесконтрольно трясутся. Эмоции, которые грозились выплеснуться наружу с момента, когда Ронан привез меня к «Плазе», наконец-то вырываются на свободу и обрушиваются на меня с такой силой, что стены начинают кружиться.

Все потому, что я был гребаным идиотом. Меня ослепила твоя красота и твое вранье, и я не осознавал, что за твоей безупречной внешностью пусто. Что ты годишься только для хорошего траха.

Когда все начинает расплываться перед моими глазами, я шепчу себе:

— Как же ты прав, Ронан. Как прав. — Я закрываю лицо руками, и с моих губ срывается всхлип.

И я начинаю плакать.

Глава 7

— Блэр? — слышу я голос Лоренса, когда он открывает дверь.

Я в ванной. Вода остыла, но заставить себя пошевелиться я не могу. Не знаю, сколько времени я вот так сижу — голая, обхватив руками колени — и смотрю на серебряный кран, на его гнутые ручки, размывающиеся перед глазами в одно пятно. Избегая смотреть на

Лоренса, я перевожу взгляд на свое тело и замечаю, что оно покрыто крошечными мурашками.

— Надеюсь, ты не возражаешь против того, что я здесь.

— Нисколько. Я рад, что ты пришла. Увидеть тебя — это первое приятное событие за сегодня.

— Не стоит говорить мне такие вещи.

— Почему?

— Потому что из всех людей на земле уж ты-то мог бы не лгать мне. — Я наконец-таки поднимаю голову, и наши взгляды мгновенно сталкиваются. — Хочешь узнать, почему я здесь? Не потому, что мне хочется быть с тобой. Просто я не хочу быть одна.

Его глаза не отрываются от моих ни на миг. Он смотрит так, словно видит меня насквозь, все острые, разломанные осколки моей души.

— Что случилось в промежуток времени между сейчас и моментом, когда утром я ушел от тебя?

Лоренс опускается на колени около ванны. Поднимает руку, тянется ко мне, но убирает ее, когда при его прикосновении я вздрагиваю. Боковым зрением я вижу, как его ладонь сворачивается в кулак.

Я наклоняюсь вперед, упираюсь подбородком в свои коленки.

— Я сидела на скамейке в парке и наблюдала за одной маленькой девочкой, которая играла сама с собой. Она гонялась за собственной тенью, пыталась поймать ее. Знаешь, она выглядела такой... счастливой. Я смотрела, как она смеется, слушала ее смех и думала о том, что ведь когда-то и мне казалось увлекательным гоняться за собственной тенью. Что было время, когда мне хватало наивности верить в то, что в жизни нет ничего лучше, чем провести целый день в парке. Когда я была хорошей, достойной, невинной...

Мой голос обрывается.

— Мне хотелось подбежать к ней и обнять ее. Попросить, чтобы она держалась за это состояние как можно дольше, потому что мир — это жестокое, злое место, которое постепенно поглотит тебя целиком, разобьет все твои мечты и превратит твои сны в кошмары. И однажды наступит день, когда ты проснешься, посмотришь в зеркало и не узнаешь себя. Ты увидишь, что маленькая девочка, игравшая со своей тенью, исчезла, а ее место занял человек, которого ты ненавидишь, который вызывает у тебя отвращение. Человек вроде меня. Так что, отвечая на твой вопрос, нет, ничего не случилось. Кроме того, что мне в очередной раз напомнили, кто я есть.

— Посмотри на меня, — приказывает он этим своим сильным голосом.

Нет.

— Посмотри на меня, Блэр.

Нет.

Он поднимается со своего места возле мраморной ванны и уходит.

Я закрываю глаза. И хотелось бы сказать, что я рада его уходу, но я слишком устала, слишком вымоталась эмоционально для того, чтобы врать себе. Внезапно под мои коленки и спину проскальзывают сильные руки. Оказавшись в воздухе, я открываю глаза и впитываю его идеальный профиль, пока Лоренс выпрямляется, не заботясь о том, что промочит костюм, а затем ставит меня на пол. Оборачивая мои плечи нагретым пушистым полотенцем, он произносит:

— Ты замерзла.

Кутаясь в полотенце, я с благодарностью впитываю его тепло.

— Почему ты так добр ко мне? — Я смотрю ему прямо в глаза. — Неужели я так хороша в койке, что ты не замечаешь, насколько я недостойна тебя и всего этого отношения? — Нелогично, знаю, но его доброта меня злит.

Его глаза темнеют. Подойдя ближе, он крепко берет меня за прикрытые полотенцем плечи.

— Не говори о себе в таком тоне, Блэр.

Запрокинув голову, я смеюсь. Пустым, горьким смехом. *Таким же пустым и горьким, как я сама.*

— О, а вот и он, комплекс папочки.

Отпустив полотенце, я прижимаюсь к нему всем телом. Трюсь грудями о его торс, целую его шею и челюсть, овеявая отравленным дыханием его кожу и оскверняя ее своими прикосновениями.

— Такие милые великовозрастные мужчины, как ты, просто обожают спасать девушек вроде меня, да? Так вот знай: мне не нужно спасение. Мне не нужно, чтобы ты защищал меня. Мне нужно от тебя одно: твои деньги. Ни больше, ни меньше.

Его хватка начинает причинять мне боль, чему я только рада. *Накажи меня, Лоренс. Вперед. Будь как все. Покажи, насколько я тебе омерзительна.*

Мои губы растягиваются в глумливой усмешке.

— Так что давай, отымай меня и перестань притворяться, будто тебе не все равно. Покажи, как сильно ты меня хочешь. — Обеими руками я хватаю его лицо, мои ногти впиваются в его плоть, пока я трюсь промежностью о его набухающую эрекцию. — Ах ты, ублюдок. Да тебя это охереть как заводит, да? — Я целую его. Целую так, словно хочу разорвать его, ранить его, уничтожить своими зубами, своим языком, своей грязью.

Отпустив его лицо, я начинаю возиться с его ремнем.

— Прекрати, Блэр. — Он останавливает меня, поймав за руки.

— Заткнись и трахни меня как шлюху. В конце концов, ты же платишь за это и немалые деньги. — Мой голос надламывается, когда я отталкиваю его руки прочь. Расстегнув его брюки, я достаю его член, сжимаю его, тру головкой свой клитор.

— Посмотри на меня, — приказывает он тихо, а, когда я не слушаюсь, кладет мне палец под подбородок и заставляет поднять лицо. Я ненавижу себя за то, что он на нем видит.

Лоренс нежно заключает мое лицо в ладони и, склонившись надо мной, начинает целовать мои слезы. Мягкие, точно перышки, губы ласково касаются моей кожи, вновь и вновь согревая меня.

— Когда я впервые увидел тебя в музее, — *поцелуй*, — то наблюдал за тобой через весь зал. — *Поцелуй*. — Я видел, как тебе неуютно, как одиноко. Тот самовлюбленный кусок дерьма, с которым ты пришла, бросил тебя в одиночестве, пока общался со своими друзьями. — *Поцелуй*. — Но ты стояла там, среди готовых осудить тебя незнакомцев, и держалась как королева. Гордая. Ослепительная. А потом, глядя, как ты идешь через зал, я подумал, что никогда еще не видел ничего более прекрасного, чем эта юная храбрая женщина с глазами, полными гордости и огня. От этой девушки у меня захватило дух. — Он перестает целовать меня и заглядывает в глаза. — Верни ее мне, Блэр.

— Ее не существует. Та девушка была просто иллюзией.

— Неправда. Она здесь, у меня в объятьях. Притворяется кем-то другим, позволяет всякой чуши терзать себя. — Он сжимает меня еще крепче. — Моя прекрасная,

восхитительная дикарка. Они все — пыль у твоих ног. Они никто, и не позволяй им до себя добраться. — Слегка отклонившись назад, он улыбается. — Я сам не позволю им.

Ох, Лоренс.

— Как ты им помешаешь, милый мой человек?

В этот миг, пока мы глядим друг на друга, в его зеленых-зеленых глазах отражается понимание, и мне становится ясно, что я обрела друга. Что я уже не одна. Вроде такая простая вещь, но она потрясает меня до глубины души.

— Не забивай этим свою хорошенькую головку. Просто знай, что пока ты находишься под моей защитой, я не позволю кому бы то ни было обижать тебя.

Мои губы начинают дрожать. Кто бы мог подумать, что за суровой личиной Лоренса Ротшильда прячется доброта? Обычно сочувствие отталкивает меня — мне не нужна ничья жалость, — но сегодня я слишком устала, чтобы бороться. Сегодня мне нужно только одно: отдых от моего внутреннего хаоса и утешение, которое дарят мне руки Лоренса.

— Идем. Уложим тебя в кровать. Сегодня был длинный день.

Я киваю. Он снимает пиджак и набрасывает его на мои обнаженные плечи. Наклоняется, берет под коленки и спину и, снова подхватив меня на руки, несет к своей спальне, а я кладу щеку ему на грудь и слушаю биение его сердца.

— Прости за все, что наговорила тебе. Ты этого не заслуживал. — Я поднимаю взгляд на его лицо.

— Не извиняйся. Не надо. А теперь, милая, расскажи, что у тебя с поисками квартиры. Джина говорила, ты сегодня ездила смотреть какие-то варианты. И как, нашла, чем меня разорить? — поддразнивает меня он.

Я отвожу глаза в сторону.

— Нет. Мне ничего не понравилось.

— Обманываешь. Я по глазам вижу. Скажи мне правду, Блэр.

Я уныло улыбаюсь.

— Мне от тебя ничего не скрыть, да?

— Боюсь, что так.

Я трусь щекой о его рубашку, ощущая кожей мягкий шелк галстука.

— И тебе всегда надо, чтобы все было по-твоему?

— Да. Я просто не умею иначе. А теперь я хочу, чтобы ты перестала уклоняться от темы и рассказала мне, что случилось.

Я вздыхаю, внезапно почувствовав себя много старше своих двадцати трех лет.

— Просто навалилось все сразу. Мне точно не место в «Плазе», да еще... — я замолкаю, делаю долгий вдох, — да еще Уильям Доулинг, тот риелтор... Он... он...

Его объятья становятся туже, крепче, сильнее.

— Он что, Блэр?

Я качаю головой, отворачиваюсь.

— Неважно. И говорить не стоит. Я бы предпочла просто обо всем этом забыть.

— Блэр, я в последний раз прошу рассказать, что случилось, и тебе бы лучше послушаться, потому что просить по-хорошему я больше я не стану, — предупреждает он. В его низком голосе появляются опасные нотки.

Краснея от стыда, я закусываю изнутри свою щеку.

— Если коротко, то, когда я больше не буду с тобой встречаться, он хочет получить то же самое, что имел ты. Своего рода соглашение, которое, по его словам, женщина вроде

меня не упустит.

Он долго молчит. Тишина растягивается, и я не могу больше этого выносить. Мне нужно взглянуть на него, чтобы понять, о чем он думает. Когда я поднимаю голову, то выражение его лица изумляет меня. Он выглядит взбешенным. Рассерженным. Таким я его еще ни разу не видела. И внезапно мне становится страшно. *Не за себя. Мне страшно за чертова Уильма Доулинга.*

Положив руку ему на грудь, я ощущаю, как быстро бьется у него сердце.

— Лоренс?

— Больше не слова, Блэр. Завтра я разберусь с этим человеком, — сквозь зубы говорит он, его челюсть напряжена.

— Не сердись, — прошу я тихо. — Я этого недостойна.

— Не сердись? Я не сержусь, Блэр. Я в ярости. Я хочу узнать, где живет этот жалкий мудака, и переломать ему все до единой кости. Никто не имеет права говорить вот так с женщиной. В особенности — с тобой.

Я хватаюсь за его пиджак так отчаянно, словно собираюсь никогда больше не отпускать его. Его добрые слова — слова, которые я не ожидала услышать — для моего сердца точно успокаивающий бальзам.

— Лоренс. — *Спасибо тебе. Спасибо за то, что не судишь меня и принимаешь такой, как есть.*

Наклонившись, он мягко целует меня в макушку.

— Блэр.

Когда мы оказываемся у его спальни, он осторожно ставит меня на пол, а затем открывает мне дверь.

— Ложись спать, дорогая. Тебе нужен отдых, — произносит он, убирая прядь волос мне за ухо. — Спокойной ночи.

Я ловлю его за руку, и его пиджак соскальзывает с моих плеч.

— Ты не зайдешь?

В наступившей далее тишине он пристально на меня смотрит, поглощая целиком своим взглядом. А потом, когда я уже думаю, что сейчас он уйдет, наклоняется и целует меня в уголок рта, затем в скулу, в кончик носа. Вся дрожа, я сжимаю в кулаках перед его рубашки, а он кладет поверх моих рук свою.

— Если я зайду, то не смогу оставить тебя в покое.

— И не надо. Останься.

Кивнув, он заходит вслед за мной в спальню. Я ложусь посреди кровати, но он подтаскивает меня к краю, а сам садится на пятки передо мной. Луна, единственный источник света в темноте спальни, озаряет резкие, но в то же время захватывающе прекрасные черты его лица. Завороженная, я думаю о том, что именно так, наверное, чувствовала бы себя, если б смотрела в самое сердце торнадо.

Пока мы неотрывно смотрим друг другу в глаза, он раздвигает мне ноги и ставит одну ступню себе на колено. Наклоняется и прикладывается в порочном, точно сам грех, поцелует к моей лодыжке, потом к колену, потом к внутренней стороне бедра. Он поглощает меня, испепеляет взглядом дотла.

Подхватив меня под ягодицы, он притягивает меня к самому краю постели — и к своему рту. Теперь он стоит на коленях и тыльной стороной руки ведет по моей коже все выше и выше, пока не доходит до центра моего существа. Дразнит меня, он медлит, а затем

продолжает свое исследование, касаясь губами моей второй ноги и повторяя все те же мучительные шаги. Лоренс околдовывает меня, накладывая на меня чары, крадет мое дыхание и делает его своим, стирает языком все мои мысли до тех пор, пока в моем сознании не остается лишь одно имя — его.

Лоренс...

Лоренс...

Лоренс...

Лоренс...

Когда он дотрагивается до моей правой коленки, я вздрагиваю от боли, а он, опять сев на пятки, рассматривает злую красноту на моей коже

— А это откуда? — спрашивает он. Пальцы бережно касаются моих ссадин.

— Упала, — через силу говорю я.

Он целует мою коленку — и боль уходит. Потом встает и раздевается передо мной, обнажая свое великолепное, сильное тело. Неужели человек и впрямь может быть так совершенен? Словно Господь, создавая его, сказал: «Я сотворил этого мужчину, чтобы вы поняли, на какие чудеса я способен».

— Стой так. Не двигайся, — шепчу я и, поднявшись с кровати, пересекаю разделяющее нас пространство.

Я опускаюсь перед ним на колени, кладу ладони ему на бедра и, наклонившись вперед, начинаю водить по его твердому члену губами. В моих венах бурлит похоть. Я больше не чувствую боли в коленке, а даже если бы и чувствовала, мне было бы все равно.

Он наматывает мои распущенные волосы на кулак и, рывком оттянув назад мою голову, заставляет посмотреть на себя.

— Что же мне с тобой делать?

Я облизываю губы. Эта неутолимая жажда, тяга к нему, к его телу, к тому, какие ощущения он мне дарит, снова разжигает во мне огонь. Я ловлю его твердую, как камень, эрекцию и ласкаю его, глядя на него снизу вверх.

— Хотеть меня. — Я облизываю головку. — Нуждаться во мне.

— Ты слепая, Блэр. Какая же ты слепая. — Он наклоняется и целует меня. Глубоко. Жадно. Неистово. Это не поцелуй. Это клеймо, которым он как свою собственность помечает мой рот.

Когда он отстраняется, мы оба тяжело дышим, словно пробежав марафон. Лоренс прикусывает мою губу.

— А теперь возьми мой член в рот.

— С удовольствием.

...Я лежу на нем. Грудь к груди, сердце к сердцу. Он еще во мне, и я чувствую его под собой, в себе — всюду. Пытаясь отдышаться, я отвожу с его глаз темные пряди волос, чтобы лучше видеть его лицо.

Я улыбаюсь.

— Надо быть ненормальным, чтобы хотеть меня. Я такая пропадающая. — Я прижимаю губы к его кадыку, прокладывая дорожку поцелуев по его челюсти.

Он берет мои ягодицы в ладони, разминает мягкую плоть, прижимая меня поближе.

— И пусть. Совершенство меня утомляет.

Спустя несколько секунд тишины я спрашиваю:

— Лоренс?

Его пальцы успокаивающими, эротичными движениями поглаживают мне спину.

— Да, Блэр?

— Ты правда заметил меня через весь зал?

— Да, милая. Едва ты вошла. Я не мог отвести от тебя взгляд.

— И?

— Напрашиваешься на комплименты?

— Возможно, — усмехаюсь я и слышу его глубокий хрипловатый смех.

— Я увидел тебя и подумал: «Господи, если ты существуешь, позволь мне хотя бы раз перед смертью заняться с ней любовью».

Я краснею.

— О.

— Теперь довольна?

— Да.

— Блэр, и еще.

— Да?

— Больше никогда не повторяй в моем присутствии, что ты чего-то там недостойна, — приказывает он не терпящим возражений голосом.

Пряча от него свою довольную улыбку, я потеснее прижимаюсь к его груди.

— Да, Лоренс.

Глава 8

Я просыпаюсь, укутанная невидимым покрывалом спокойствия. Привычного внутреннего смятения нет, на его месте появилась тихая удовлетворенность. Покой. Я знаю, откуда он взялся. Все благодаря Лоренсу и тому признанию, которое прошлой ночью я обрела в его объятьях. Мне хочется больше — больше его, — но вряд ли это может входить в его планы. Да и в мои. И все же, мысленно перебирая драгоценные воспоминания, я не могу сдержаться и улыбаюсь.

Мой друг.

Пока я наблюдаю за проникающими в окно солнечными лучами, мне в голову приходит одна идея. Я соскакиваю с кровати. Быстро, чтобы не успеть передумать, одеваюсь и выхожу на улицу. И меня окатывает волна облегчения, когда я вижу, что сегодня меня ожидает Тони. На фоне поблескивает на солнце «роллс-ройс» Лоренса.

— Доброе утро, Тони, — с искренней радостью здороваюсь я, спускаясь по лестнице.

Он открывает мне дверцу.

— Доброе утро, мисс Блэр.

У машины я кладу ладонь на капот и с заговорщицким взглядом поворачиваюсь к нему.

— Хочу спросить тебя. Как думаешь, Лоренсу сильно не понравится, если я без предупреждения нагряну к нему на работу?

Его мудрые, добрые глаза вспыхивают озорством.

— Напротив, ему будет приятно.

Пока мы едем по городу, сквозь мое сознание проносятся множество мыслей в такт следующему без остановок поезду, что пыхтит вдаль, но я не разрешаю себе анализировать их значение. Не сейчас.

Тони высаживает меня у штаб-квартиры Лоренса, и я, замерев на тротуаре, в

благоговении оглядываю огромное офисное здание. *Боже. Этот мужчина, наверное, никогда не перестанет изумлять меня.*

Я неуверенно оглядываюсь на Тони, а он, ободряюще улыбаясь, одними губами говорит мне идти вперед. Запоздало возникает мысль вернуться к машине и сказать, что я передумала, однако я остаюсь на месте. Нервно вытираю руки о джинсы и делаю шаг ко вращающимся стеклянным дверям.

Миновав охрану, я поднимаюсь на лифте на нужный этаж и, оказавшись в приемной, становлюсь напротив гранитной стойки, где со мной тепло здороваются хорошенькая девушка-секретарь. Положив ладони на холодную каменную поверхность, я пытаюсь объять взглядом все сразу. Струящийся по стене водопад от пола до потолка за ее спиной и успокаивает, и завораживает одновременно.

— Доброе утро. Я бы хотела поговорить с Лоренсом... то есть, с мистером Ротшильдом.

— Конечно. — Под ее открытым, доброжелательным взглядом, рассматривающим меня, мне хочется переступить с ноги на ногу и поправить одежду, однако я сдерживаюсь. — У вас назначена встреча с мистером Ротшильдом?

— Нет... Вообще, не думаю, что он меня ждет. Но я... я... его друг.

— Никаких проблем, мисс...

— Блэр. Меня зовут Блэр.

Она улыбается.

— Мисс Блэр, не хотите пока присесть? В данный момент мистер Ротшильд на совещании, но я посмотрю, что можно сделать.

— Конечно. Большое спасибо.

Я отхожу. Сажусь в удобное на вид кожаное кресло. Нервно постукивая ногой по полу, наблюдаю за перемещающимися по офису людьми в дорогих костюмах. Каждые несколько секунд мерный гул разговоров прерывается трелью телефонных звонков. Открывается лифт, привлекая мое внимание, и мой взгляд падает на пару лощеных бизнесменов, выходящих оттуда. Они сразу же замечают меня. Я чувствую, как их глаза шарят по моей одежде, по телу, лицу. Мне неловко, однако показывать им свой дискомфорт я не намерена. Сев попрямее, я выгибаю бровь. Они немедленно отворачиваются и продолжают свой путь.

С каждой минутой уверенность в том, что я совершила ошибку, крепнет. Мне становится все больше не по себе. *Боже, какая же ты идиотка, Блэр. Думала, Лоренс будет просто сидеть тут и ничего не делать?*

Я возвращаюсь к стойке.

— Извините. Наверное, я лучше пойду.

— Но мистер Ротшильд...

— Нет, все нормально, — говорю я, уже готовая убежать. — Сама не знаю, о чем я думала.

— Блэр? Это ты?

Черт. Я зажмуриваюсь, потом открываю глаза и поворачиваюсь в направлении его голоса.

— Привет, Лоренс. — Я смотрю, как безукоризненно одетый Лоренс передает папку кому-то рядом, после чего становится напротив меня.

— Что ты здесь делаешь?

— Сюрприз! — *Он злится, что я пришла? Черт-черт-черт.* Я привыкла изображать на лице пресыщенность и кокетство, но сейчас ничего этого и в помине нет. — Надеюсь, ты на

меня не сердисься.

Он сводит брови на переносице.

— Ничуть. Зачем ты так говоришь?

— Не знаю... Ты явно занят и вряд ли хочешь, чтобы тебе докучали. Я упустила это из виду.

— Ты никогда мне не докучаешь, Блэр, ты же знаешь. — Лоренс берет меня за руки. — Но скажи, дорогая, зачем ты здесь?

— Мне захотелось тебя увидеть. — И это чистая правда.

— Правда? — Отпустив мои руки, он берет в ладони мое лицо. — Мой бог, какая ты... загляденье.

Мои щеки вспыхивают огнем. Я изумленно моргаю. словно загипнотизированная, смотрю ему прямо в глаза, сияющие дразнящим блеском так ярко, что отвернуться попросту невозможно. Наконец я киваю.

— Да. Правда. — Внезапно ощутив себя невероятно смелой и дерзкой, я кладу ладони ему на грудь. — Не возвращайся на работу. Проведи этот день со мной.

— И чем бы ты хотела заняться?

— Не знаю. Ничем. Всем подряд! Чем-нибудь сумасшедшим. О, придумала! — взбудоражено восклицаю я. — Давай поедem на Кони-Айленд? Я никогда не была там. А ты? Ленивая улыбка, появившаяся у него на лице, творит со мной дикие, безумные вещи.

— Что скажешь, мой дорогой друг? — спрашиваю я.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты ненормальная?

Я лукаво усмехаюсь.

— Да. Пару раз.

— Есть ощущение, что я могу пожалеть об этом решении... но почему бы и нет?

— Сожаления — это нормально, Лоренс. Это значит, ты жив.

Мы с Лоренсом выбираемся из машины и стоим, молча глядя прямо перед собой. Я не знаю, смеяться мне или плакать. На Лоренса не смотрю. Мне стыдно, что я опозорилась перед ним, и меньше всего на свете я хочу увидеть в его глазах такое же разочарование, какое привыкла встречать со стороны всех остальных людей.

— Что ж, полагаю, вот и он — момент пожалеть о том, что ты пошел у меня на поводу. — Я отчаянно стараюсь, чтобы мои слова прозвучали, как шутка. Получается жалко. — Все так тупо, — после паузы добавляю я. — Я тупая. Ничего не могу сделать, как надо.

— О, да. Просто умереть можно, сколько времени я потратил зря. — Неожиданно он берет меня за руку и сплетается со мной пальцами. — Перестань, Блэр. Дай себе передышку. Да, парк закрыт, ну и что? Мало ли чем еще можно заняться.

Я отпускаю его и обхватываю себя за плечи, чувствуя себя, как сдувшийся шарик.

— Ты не понимаешь. Этот день должен был стать особенным, но ясно же, ничего подобного можно уже не ждать.

— Разумеется, понимаю. Но ты давай, дуйся. Я не стану тебе мешать.

— Пытаешься вызвать меня на спор? — спрашиваю я недоверчиво.

— Нет. Пытаюсь урезонить тебя — вот как это зовется.

Туше, черт поберу.

Я кошусь на него украдкой. Он наблюдает за мной с чем-то на лице, что я описала бы, как веселое озорство. Все это и впрямь смешно. Я стукаю его по плечу, сражаясь с улыбкой, но не выдерживаю и все-таки улыбаюсь.

— Умник чертов.

— Он самый, моя дорогая.

— Извини. Я превращаюсь в такого ребенка, когда не выходит по-моему, но ты столько для меня сделал, что и мне захотелось для разнообразия сделать тебе что-то приятное. И надо же было выбрать... — Я вздыхаю. — Могла бы знать, что в несезон аттракционы закрыты.

— Но ты не знала, так что теперь?

— Не знаю. Не уверена, заметил ли ты, но мы со спонтанностью обычно не дружим.

— У меня в голове два сценария. Хочешь узнать, какие?

Глядя на него, я киваю.

— Мы можем вернуться в машину. Я высажу тебя, где попросишь, а сам вернусь в офис. И день пойдет своим чередом, словно этого небольшого приключения никогда не было.

— А второй? — спрашиваю. Первый сценарий мне совсем не понравился.

— А второй... — Он простирает руку в сторону парка. — Неизвестность — вместе с мной.

Еще раз оглянувшись на силуэты аттракционов в осеннем небе, я вновь перевожу взгляд на Лоренса. *К черту. Почему бы и нет?* Я беру его за руку и начинаю идти по направлению к парку.

— Вы умеете сделать неизвестность чрезвычайно заманчивой, мистер Ротшильд.

Он крепко сжимает мою ладонь.

— Как и вы, мисс Уайт.

На набережной мы заходим в кафе перекусить. Пока я жду, когда Лоренс принесет нашу еду, мне становится ясно, что сосредоточиться на чем-то, кроме него, крайне сложно. Он выглядит белой вороной в своем тысячедолларовом костюме среди толпы одетых попростому отдыхающих и туристов. Я хихикаю, когда замечаю ошеломленное лицо взиравшего на него кассира. Таков «эффект Лоренса» — полная утрата способности двигаться, мыслить и говорить.

Еще улыбаясь, я отворачиваюсь, и тут в поле моего зрения попадает торчащее за зданием знаменитое чертово колесо. Одно давно забытое воспоминание становится настолько четким, что я буквально ощущаю вкус пирожного, которое ела в тот день. Это воспоминание — одно из самых счастливых. Может даже последнее счастливое воспоминание моего детства. Не помню, сколько мне было лет. В наш городок заехал бродячий цирк, и так совпало, что мой отец тогда в очередной раз бросал пить. Не притрагивался к спиртному и не пропускал ни одного собрания группы анонимных алкоголиков. Мама тоже бывала дома чаще обычного. В кои-то веки в нашем доме вместо криков и ругани звучал смех и песни The Beatles.

В своей невинности я думала, что мы наконец-то станем семьей. Что они наконец-то полюбят меня, как любила их я. Оглядываясь назад, я понимаю: мы все осознавали, что этот момент скоротечен. Будто приятный сон, который рано или поздно закончится. Думаю, тогда я впервые поняла, что хорошее не задерживается навечно. И вот, не сговариваясь, мы смеялись сильнее нужного, крепче нужного обнимали друг друга и притворялись идеальной

семьей. О будущем мы, однако, речи не заводили. Мы наслаждались настоящим. Как есть.

Но самый лучший момент того вечера наступил, когда отец повел меня прокатиться на чертовом колесе.

...Мы были на самом верху, наш маленький городок казался коллекцией мерцающих огоньков, когда отец обнял меня и привлек к себе. Поцеловал в макушку и произнес:

— Как красиво, правда? — В его голосе слышалась дрожь.

— Угу, пап. Я запомню этот день навсегда.

— Я тоже.

Но по выражению муки на его лице я поняла, что мой сон подходит к концу, и это разбило мое юное сердце. Горло стянуло страхом, и мне стало трудно дышать.

— Моя красавица. Прости, что я не смог стать отцом, которого ты заслуживаешь.

— Неправда, пап. Ты самый лучший отец на свете, — сказала я и обняла его. И поняла, что плачу только в момент, когда увидела на его рубашке мокрые пятна.

— Ты — свет, который не дает мне окончательно уйти в темноту. — Он помолчал немного. — Что бы ни случилось, моя маленькая Блэр, помни, что я люблю тебя. Если мне и есть чем гордиться в жизни, так это правом называть тебя своей дочерью. Никогда этого не забывай.

Но в итоге все стало по-старому, и его маленькая Блэр обо всем забыла...

— Вот, держи, — возвращает меня в настоящее голос Лоренса. Опуская на стол целый поднос дымящейся, божественно пахнувшей еды, он, видимо, замечает, что меня что-то тревожит, поскольку спрашивает: — Что случилось?

Натянув на лицо фальшивую улыбку, я подхватываю с подноса хот-дог.

— О... да все то же самое. Не хочу это обсуждать. Давай есть. Ты, наверное, страшно проголодался, да и я тоже. — Слова сыплются одно за другим, чтобы у Лоренса не было возможности возразить, и он это понимает, но не настаивает на ответе, давая необходимое мне пространство.

После еды я отношу к ближайшему мусорному баку салфетки с тарелками, а после замираю с закрытыми глазами и лицом, обращенным к небу, впитывая последние солнечные лучи. Стало заметно прохладнее, но мне не хочется уходить. По мере того, как порывы холодного ветра становятся все сильнее, мои чувства пробуждаются к жизни. Глубоко дыша, я наслаждаюсь солоноватым запахом океана и криками чаек. Я ощущаю, как за спиной появляется Лоренс, а затем меня окружает тепло его пиджака. Его ладони трут мои руки, согревая меня и одновременно притягивая к нему. Откинувшись на его грудь, я медленно открываю глаза. Сквозь ресницы вижу затянутое облаками небо, штормовой океан и поистине бесконечную линию горизонта.

Мир и покой.

Настоящее волшебство.

И я не знаю, как — то ли из-за надежности его рук, обнимающих меня, а может, из-за ощущения его спокойной силы, что просачивается ко мне в кровоток, — но вдруг обнаруживаю, что открываюсь и доверяю ему свои самые глубоко запрятанные секреты. Я рассказываю Лоренсу о своем детстве, о том, как каталась с отцом на чертовом колесе, о своей матери и о том, как она собирала вещи и бросала меня. Я рассказываю ему о Пейдж Каллахан и о Мэтью, ее отце. О том, как трахалась с Мэтью в грязном мотеле в обмен на подарки и деньги, после чего он возвращался в свой большой дом в модном районе города и притворился образцовым отцом и столпом общества.

Закончив, я ощущаю небывалую легкость и, как ни странно, полное отсутствие чувства стыда. В том-то и состоит разница между Ронаном и Лоренсом. Ронан возвел меня на пьедестал. Он видел перед собой не меня, а девушку, в которую я должна была превратиться, чтобы стать достойной его любви. Я же слишком боялась развенчать эту иллюзию. Мне и самой хотелось верить, что, если мы пробудем вместе достаточно долго, то я стану его достойна. Если б я рассказала ему о своем прошлом — о том, кто я на самом деле, — его бы и след простыл, но эгоизм не позволил мне этого сделать. Я слишком сильно его хотела. Но жить ложью можно лишь до момента, пока она не начнет душить тебя, отравляя каждое слово, каждую ласку и поцелуй. Лоренс, с другой стороны, никогда не питал на мой счет иллюзий. Он точно знает, кто я такая. И это дарит ощущение невыразимой свободы.

— Прежде чем ты что-нибудь скажешь, я хочу, чтобы ты знал: все уже в прошлом. Оно больше не беспокоит меня.

Лоренс упирается подбородком в мою макушку. Обнимает меня потуже.

— Совсем?

Я молчу, пытаюсь нащупать внутри ответ.

— Блэр, я не стану притворяться, будто знаю, что у тебя на сердце. Это известно только тебе одной. Но скажу тебе вот что. Я надеюсь, что однажды ты проснешься и поймешь: тебя определяют не люди и не воспоминания, а ты сама. И больше никто.

— В твоих устах это звучит так просто... Признавайся, что ты сделал с моим циничным другом? Ты так похож на него, но говоришь совершенно другие вещи.

Я смотрю вверх, он смотрит вниз. И наши взгляды встречаются.

— Он временно недоступен. Так что, пока его нет, ты застряла со мной. — Он усмехается.

— Ах вот как? И кто же ты?

— Самый обычный парень, который наслаждается обществом прекрасной женщины.

Краснея, я чувствую, как бабочки у меня в животе совершают свой обычный хаотический танец. Поворачиваюсь к нему и задом наперед начинаю шагать назад с самым кокетливым своим выражением на лице.

— Идем, Казанова. Ты обещал увести меня в неизвестность, и я все еще этого жду.

Забавная штука счастье. Неважно, долго ли длится этот прекрасный хаос или не очень, но счастье заставляет тебя парить, вызывает желание смеяться и танцевать. Когда ты счастлив, кажется, что все на свете тебе по плечу, и нет чувства приятнее, чем возможность разделить свое счастье с особенным человеком.

Я убегаю к лестнице, спускающейся к пляжу. Едва ступив на песок, сбрасываю кожаные ботинки с носками, опускаю пиджак Лоренса на ступеньку и со всех ног мчусь к океану. Вода ледяная, но холод бодрит. Я раскидываю руки в стороны, запрокидываю голову назад и начинаю кружиться — все быстрее, быстрее, быстрее, пока, потеряв равновесие, не падаю в воду. Смеясь, я пытаюсь встать, но ноги меня не держат, и я вновь приземляюсь на задницу.

Я вижу, как по лестнице спускается Лоренс. Он убирает телефон и прячет руки в карманы брюк. Его волосы треплет ветер. На лице лихая усмешка. Я тону в его мужской красоте.

— Как вода?

— Теплая, — клацая зубами, говорю я.

— Обманщица.

Я отбрасываю с лица мокрую прядь волос.

— Может, проверишь сам?

— Пожалуй, я пас. Не хочу портить тебе веселье. Кроме того, любоваться тобой лучше издалека.

— О... что это с нами? — насмешничаю я. — Боишься чуть-чуть промокнуть?

— Это был вызов?

Я приподнимаю бровь.

— Называй, как тебе больше нравится, детка.

— Хулиганка.

Он снимает ботинки с носками и подворачивает брюки, белая ткань рубашки обтягивает мышцы рук и груди. Без галстука, с расстегнутыми верхними пуговицами он выглядит как настоящий ходячий секс, и мне становится трудно дышать. Я облизываю губы, ощущая, как внутри разливается совсем иное тепло.

Он заходит в воду, начинает идти ко мне.

— Иисусе, да она ледяная.

— Помоги, пожалуйста, — прошу я, протягивая руку. — Не могу встать.

Лоренс берет мою руку.

— Ты... — Я изо всех сил дергаю его на себя, и он тоже плюхается в воду. Оправившись от первого шока, он вытирает лицо, пока я, катаясь по песку, безудержно хохочу. Бедняга выглядит так, словно хочет меня прикончить.

Он откидывает назад мокрые волосы. Его убийственный взгляд фиксируется на мне.
Мамочки.

— Ох, как ты за это поплатишься, моя дорогая Блэр.

— Неужели? — смеюсь я, не показывая, что боюсь, и готовясь дать деру.

В его глазах загорается вызов — а может быть, озорство. Лицо темнеет от хищной, восхитительно опасной улыбки. И не успеваю я опомниться, как он бросается вперед, ловит меня за лодыжки и подтаскивает к себе, а потом накрывает меня своим телом. Хохоча, я кричу. Потом нервно облизываю свои внезапно пересохшие губы. Лежа на мне, он ловит обе мои руки и, превращая меня в свою пленницу, заводит их мне за голову.

— Попалась! — Он наклоняется и, пока я жду поцелуя, кусает меня за шею. — Может, в качестве наказания отыметь тебя прямо здесь и сейчас? — Он трется о мое естество своим членом. Сильно. Заставляя меня стонать.

— Лоренс... — выдыхаю я хрипло и, приподнимая бедра ему навстречу, закидываю ноги ему на талию.

— Мужчины не влюбляются в таких женщин, как ты, Блэр. — Он обжигает меня своим взглядом. — Они теряют свой чертов разум.

Пространство между нами исчезает, и он впивается в мои губы обжигающим, пробирающим до самой души, стирающим логику поцелуем. Холодный песок, ледяная вода, пронзительный ветер — все, что есть вокруг нас, меркнет. В мире остается одно. Мужчина, лежащий поверх меня. Его соприкасающееся с моим тело, его губы, вдыхающие в меня огонь.

Мы отрываемся друг от друга, я пытаюсь прийти в себя и вдруг чувствую, как мне на щеку влажно шлепается пригоршня песка. Открыв глаза, я вижу, что надо мной с широкой усмешкой возвышается Лоренс.

— Ах ты, бессовестный! Так нечестно!

— *Quid pro quo*, подружка. (латинский фразеологизм, букв. «то за это» или «услуга за

услугу» — прим. пер.)

Надувшись, я вытираю щеки.

— Легко тебе говорить. Не ты же остался с женским стояком и песком на физиономии.

А потом напротив меня происходит самая прекрасная вещь на свете. Лоренс запрокидывает голову и заходится смехом. Легким. Свободным. Непринужденным. Неужто это его я встретила в музее целую жизнь назад? Тот человек — с непреклонным взглядом, с издевательскими улыбками — пропал. На его месте появился беспечный незнакомец с искрящимися зелеными глазами.

Да, неизвестность с Лоренсом — это определенно очень заманчиво.

Мы выходим было к машине, однако на полпути Лоренс, изменив траекторию, поворачивает обратно к парку.

— Забыл кое-что.

Я сонно киваю. Бреду рядом с ним, обнимая его за талию, а он обнимает меня за плечи. Случайно подняв глаза вверх, я вижу, что чертово колесо освещено и работает.

— Лоренс, гляди! Чертово колесо работает! — На миг я замираю на месте, любясь огнями на фоне розово-оранжевого заката. — Они что, открываются только по вечерам?

Спустя секунду-две он отвечает:

— Понятия не имею.

Я так устала, что даже не замечаю, куда он ведет меня, пока мы не оказываемся напротив огромного разноцветного колеса, где нас встречает служащий в униформе. Озадаченная, я отпускаю Лоренса и поворачиваюсь к нему лицом.

— Что это? — Мой взгляд шариком для пинг-понга мечется между колесом, Лоренсом и служащим парка. — Это же не ты? — Но стоит мне сказать это, и я, перестав дышать, вспоминаю, как на пляже Лоренс доставал телефон. Мое сердце бьется так сильно, словно хочет взломать мне грудь.

Приласкав мою щеку, он ласково заправляет сбежавшую прядку волос мне за ухо.

— Я.

— Почему? — спрашиваю я дрожащим голосом.

Он берет меня за подбородок, заставляет посмотреть на себя.

— Я думаю, пришла пора творить новые воспоминания. Разве сейчас для этого не самое подходящее время?

Он начинает расплываться у меня перед глазами. *Чертовы слезы.* Я делаю шаг вперед и обнимаю... нет, скорее пытаюсь раздавить себя о него. Не в состоянии говорить, я трясую головой, зарываясь лицом ему в грудь. Наконец, почувствовав, что я могу посмотреть на него без того, чтобы не выставить себя дурочкой, я откидываю голову назад и встречаюсь с ним взглядом.

— Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя?

— Можешь начать с поцелуя, — предлагает он ровно.

— И все?

Он весело выгибает бровь, а я, хихикнув, крепко чмокаю его в губы.

— Вот так?

— Эй, старайся получше, — тянет он и выглядит при этом убийственно привлекательно.

— Развратник, — шепчу я и с радостью целую его еще раз.

Глава 9

Лоренс

На обратной дороге в город Блэр засыпает у меня на плече, и потому я предлагаю ей провести эту ночь у себя и отдохнуть. Я смотрю в окно, пока мы отъезжаем, оставляя ее апартаменты позади.

— Она мне нравится, — произносит Тони после пары минут молчания.

Я криво усмехаюсь.

— Вижу, и ты подпал под ее чары.

— Почему бы и нет? Она — поток свежего воздуха. — Тони делает паузу, взвешивая свои следующие слова. — Ты меняешься, Лори.

— Вот как? — интересуюсь я. Зеваю, делая вид, что мне скучно.

— Если честно, за все время, что ты управляешь компанией, я не припоминаю случая, когда ты посреди недели брал выходной. Я рад. — Наши глаза встречаются в зеркале заднего вида. — Она делает тебя счастливым.

Откинув голову на спинку кожаного сиденья, я закрываю глаза и представляю Блэр, ее бледное лицо в день, когда я впервые ее увидел. Ее — черноволосую колдунью с безжизненной улыбкой и пустотой в глазах, так непохожую на ту живую девушку с диким сердцем и диким вихрем волос, которая кружилась и хохотала на пляже пару часов назад. И пока я стоял, замерев, и смотрел на нее, благоговей перед ее буйной, необузданной красотой, я осознал, что хочу стать тем единственным человеком, который защитит ее от всего и всех, кто когда-либо обижал ее. Лишь бы она посмотрела вот так на меня еще раз — без тени другого мужчины в глазах.

Сегодня, пока я наблюдал за нею на пляже, меня охватило страннейшее ощущение. Мне показалось вдруг, что я смотрю на начало и на конец своей жизни. На свое спасение и закат. Назовите меня дураком, но я вдруг понял, что все мои действия, все решения, принятые и непринятые, существовали лишь для того, чтобы подвести меня к этой точке. В этот момент — и к ней.

— Да. Все так.

— Это такое прекрасное чувство, верно? — произносит он, и я ощущаю в его тоне улыбку.

— Нет. Скорее пугающее.

Открыв глаза, я смотрю в темный потолок автомобиля, где, точно живые существа, движутся тени. Дьявол, это так просто — влюбиться, потерять голову, забыться в женщине, в ее опьяняющем вкусе... Но потом идиллия подойдет к концу, и ты положишь жизнь на то, чтобы забыть ее и стать прежним. Мне ли не знать, как это бывает...

— Я в беде, Тони, — рвется из моей груди тягостное признание.

— Знаю, мой мальчик.

— Я думал, я в безопасности.

— От женщины? — Он смеется. — От этой беды ни один мужчина на свете не застрахован.

Но разве оно должно начинаться вот так?

Нет. Все началось с одержимости, которую я не смог превозмочь. Я думал, что при более близком знакомстве она окажется всего лишь очередной смазливой мордашкой, которая через постель пробивает себе дорогу наверх. Я думал, что отыграв ее, смогу

избавиться от мыслей о ней и вытравить ее из ума и тела.

Дурак. Как же я ошибался.

Наоборот. С каждой секундой моя тяга к ней становится все сильнее, все отчаянней. Ни на миг не оставляя меня в покое, постоянно толкает к ней.

— Сказать, что я думаю? — говорит Тони.

— Говори. — Я расстроено провожу ладонью по волосам.

Тони — один из немногих людей, чьему мнению я безоговорочно доверяю. Пока мои отец с матерью были слишком заняты собой, чтобы уделять внимание своему сыну, рядом со мной был Тони. Он учил меня, как водить машину, показывал, как надо драться, дарил ощущение, что меня любят.

— Я думаю, ты на волосок от того, чтобы влюбиться... если этого уже не произошло.

Я открываю было рот, но тут у меня звонит сотовый. Я достаю его из кармана, вижу имя на экране и отвечаю.

— Лори, у тебя все в порядке? Я думала, мы договаривались поужинать у нас в ресторане. Я жду тебя вот уже больше часа.

Я смотрю на часы. Чертыхаюсь сквозь зубы.

— Извини. Я...

— Все нормально. Я понимаю. Бывает. Просто я волновалась. Обычно ты не опаздываешь. По-моему, такого вообще никогда еще не случалось.

Пока я слушаю ее голос, для меня становится очевидным один простой факт. Впервые за годы, прошедшие со дня нашей встречи, я не могу представить, как выглядит женщина на другом конце линии. Привычная тоска по ней, что огнем горела в моей груди, исчезла, оставив после себя только рассыпающиеся, как пепел, воспоминания. Все мои мысли теперь заняты Блэр. Я чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке, пока вспоминаю наш день на пляже. И пока в моих ушах отдается эхом ее заразительный смех, понимаю, что мне вновь не терпится поскорее увидеть ее и обнять.

— Лори? Ты там?

— Прости. Что ты сказала?

— Ты в порядке? У тебя... я не знаю... такой странный голос.

Я перевожу взгляд за окно в попытке отвлечься на пролетающие мимо машины. Бесполезно. Перед глазами одна только Блэр. Кончики пальцев покалывает, они еще помнят, как скользили по ее коже, пока я целовал ее.

— Я не знаю.

— Что-то случилось? — мягко настаивает она.

Случилось то, что все пошло наперекосяк.

— Мне кажется, я ко всем чертям потерял разум.

Глава 10

Блэр

Следующим утром, вытирая мокрые волосы, я слышу звонок в дверь. Бросив полотенце на ближайшее кресло, я потуже завязываю пояс своего шелкового халата и заглядываю в глазок, проверяя, кто там — и мои глаза широко распахиваются, а на губах расцветает медленная улыбка, когда я вижу у порога своей квартиры его.

С шумом крови в ушах я как можно быстрее отпираю замок и открываю дверь.

— Что ты здесь де...

Не успеваю я опомниться, как Лоренс заходит в квартиру, запускает пальцы мне в волосы и притягивает к себе. Вжимаясь в меня всем телом, он завладевает моими губами, а я, сдаваясь перед натиском его свирепого поцелуя, непроизвольно обхватываю его за шею.

Когда он отстраняется, у меня подкашиваются колени. Я еле стою.

— С добрым утром, моя дорогая, — произносит он хрипловато.

— Вау, — кое-как умудряюсь вымолвить я, в ошеломлении покачивая головой.

Он обнимает меня еще крепче, передавая моему телу свое тепло.

— Вот именно, черт побери.

— Ты сама скромность, да?

— Скромность? — Он криво ухмыляется. — А что это?

— Ты невозможный мужчина. — Усмехнувшись, я привстаю на цыпочки и чмокаю его в подбородок. — Доброе утро... Хотя стоп. Ты разве не должен быть сейчас на работе?

Не отводя взгляда, он поднимает руку и костяшками пальцев проводит по контуру моего лица.

— К черту работу. Проведи этот день со мной.

— Опять? Так скоро?

Он беспечно пожимает плечами.

— Почему бы и нет?

Ох, Лоренс, друг мой... Если б ты только знал, какой счастливой ты меня делаешь.

— И чем ты хочешь заняться?

Неожиданно Лоренс подхватывает меня на руки. У спальни наклоняется к моему уху и хрипло шепчет:

— Не чем, а кем. Я хочу заняться тобой. Весь... день... напролет. — И по моей спине начинают бежать мурашки.

Когда он переступает порог моей спальни, я замечаю, что на фоне играет The Civil Wars и их «Dust to Dust». Как только он осторожно ставит меня на пол, я отхожу от него. Испытывая внезапную робость, иду к окну, чтобы задернуть шторы.

— Оставь, — отдает приказ Лоренс. Пока мои ладони сжимают ткань, он заступает мне за спину, и вокруг моей талии обвиваются его руки. — Я не хочу пропустить ни одной детали. Потанцуй со мной.

Я испускаю судорожный вздох. Киваю и одной рукой обнимаю его сзади за шею, пока вторая моя рука, так естественно опустившись вниз на его ладонь, сближает наши тела еще теснее, чем раньше. А потом мы начинаем медленно покачиваться в такт мелодии. Моя комната и все, что внутри нее, исчезает. Остается один только Лоренс и ощущение его обнимающих меня рук.

Очень медленно он развязывает пояс моего шелкового халата и распахивает его края, обнажая мое голое тело. Начинает неспешно путешествовать по моей коже, лаская бедра, скользя кончиками пальцев по животу, обводя по кромке мое горячее естество — целенаправленно доводя меня до безумия. Накрыв ладонями мои груди, он щиплет мои соски, жадно покусывает шею, заставляя меня вскрикнуть от боли. Его прикосновения дразнят... насмешничают... боготворят... почитают меня. Наше дыхание становится частым и затрудненным.

— Вот здесь, Лоренс. — Я увожу его руку вниз, где его ласка необходима мне сильнее всего. Наши тела излучают страсть, пылают желанием, и мы растворяемся в жаре момента и

эротических движениях наших бедер. — Ты нужен мне здесь.

Лоренс отпускает меня и прижимает к окну. В голову запоздало приходит мысль, что с улицы меня могут увидеть, но заставить себя озаботиться этой мыслью я не могу. Я закрываю глаза, ощутив, как волшебные руки Лоренса раздвигают мои ягодицы, как его пальцы поглаживают меня в том запретном местечке, разжигая во мне огонь.

— Тебе нравится? — сиплым от страсти голосом произносит он.

Обернувшись, я заморожено смотрю, как он скользит по моему телу вниз и становится за моей спиной на колени. Я смотрю, как он подносит палец ко рту и, смазав его слюной, начинает тереть меня, рисуя маленькие круги, а затем, медленно растягивая меня, входит внутрь. Это больно. Это прекрасно. Запретно. Он добавляет еще один палец. Боль нарастает но вместе с ней нарастает и наслаждение.

— Нравится, как мои пальцы трахают эту твою тугую сладкую задницу?

Я отчаянно киваю ему.

— Боже, да. Я хочу там твой рот.

С тихим смехом Лоренс вытаскивает пальцы и, заменив их ртом, целует, ощупывает, хлопывает мой тесный вход безжалостными движениями языка. По моим венам растекается похоть.

Да.

Да.

Да.

Да.

Он ест меня так, словно умирает от голода, а я — его последняя трапеза. Раздвигая задницу шире, я чувствую, как его язык проталкивается внутрь, ходит во мне в беспощадном темпе. И когда он вновь вводит пальцы, земля улетает у меня из-под ног, и я вижу звезды. Не произнося ни слова, я отталкиваюсь от стекла и поворачиваюсь к нему лицом. Мое дыхание сбилось, тело болит от нехватки оргазма, но я словно лечу.

Взявшись за лацканы его пиджака, я гортанно прошу:

— Ляг в кровать. Я хочу заняться с тобой любовью.

Раздевшись, Лоренс ложится. Пристально наблюдает за мной, зеленые глаза, поблескивая похотью, блуждают по изгибам моей фигуры. Я становлюсь напротив и позволяю халату соскользнуть вниз. Я остаюсь полностью обнаженной. Нас ничего больше не разделяет, кроме невидимых стен, защищающих мое ожесточившееся сердце. Но и те постепенно осыпаются перед ним.

Под его неотрывным взглядом я начинаю идти вперед, и с каждым шагом нечто внутри меня — нечто, чего я не понимаю — начинает отчаянно звать, тянуться к нему. Не к тому, как он умеет притрагиваться ко мне, не к тому, что я испытываю, когда он берет меня, заставляя трепетать от страха или от возбуждения — но к нему самому.

Взывающему ко мне.

И сегодня я подчиняюсь этому зову.

Неважно, кто кого ловит первым — он меня или я его. Все становится водоворотом эмоций, где мои руки, мой рот, мои легкие — все полно им и ощущениями, которые он во мне пробуждает. Его вкус, запах, голос ласкают меня, а прикосновения развращают. И все остальное теряет значение. Я глотаю его поцелуи, а он — мои стоны. Он пытается меня своими пальцами и дарит экстаз касаниями порочного языка. И когда мое тело начинает ломить от неутоленной страсти, когда я начинаю умолять довести меня до конца, он входит

В меня одним глубоким толчком и трахает до тех пор, пока секс, перестав быть сексом, не становится единением тел, стремящихся стать одним целым. Он трахает меня до тех пор, пока перед моими глазами не остается один лишь ослепительный свет, и я кончаю, и волны жара проносятся сквозь все мое тело. И пока он находится глубоко во мне, наполняя меня своей спермой, я — на одно-единственное упоительное мгновение — понимаю, что не одна.

И этого, быть может, достаточно.

Мы лежим в постели, устроившись на боку, и глядим друг на друга. Лоренс выглядит поистине очаровательно с румянцем на скулах, с припухшим от моих поцелуев ртом, с взъерошенными после моих рук волосами. Сложно представить, что этот мужчина управляет многомиллионной империей. Подавшись вперед, я чмокаю его в кончик носа.

Он улыбается — расслабленной, удовлетворенной улыбкой.

— Что это было?

Я счастливо ухмыляюсь.

— Просто захотелось, вот и все, мистер Ротшильд.

Пока мы продолжаем молча смотреть друг другу в глаза, наши улыбки гаснут, словно тающий на улице свет. В наступившем затем покое я ощущаю странное шевеление в области сердца. Я не вполне понимаю, что это. А может, не хочу себе признаваться. Правда всегда и все усложняет, а моя жизнь и без того сложна.

И я отодвигаю от себя это ощущение, заталкиваю его поглубже в место, где все так легко забыть, и позволяю себе наслаждаться моментом.

— Знаешь, после того, как мы познакомились, я пришла домой и погуглила тебя.

С веселым удивлением на лице он выгибает бровь.

— И что же ты раскопала, моя прелестная сыщица?

— Помимо того, что ты баснословно богат и имеешь склонность к актрисам с моделями? — Я кошусь на него, а после, когда он хмыкает, однако ничего из сказанного не отрицает, закатываю глаза. — Немногое. Но мое внимание привлекла статья одного блогера. Там говорилось, что в молодости ты якобы пережил сокрушительное любовное разочарование и потому теперь ни с кем не можешь остепениться. Такое романтическое клише, да? Но мне интересно, правда ли это?

Следя за своей рукой, Лоренс начинает рисовать спирали на моей талии. От нежного прикосновения по моей коже бегут мурашки. На мгновение на его лицо набегают тени.

— Ты разве не знаешь, что любопытство убило кошку?

Закрыв глаза, я переворачиваюсь на спину, сдаваясь Лоренсу и его гуляющим по моей коже пальцам. Мое дыхание ускоряется, пока его рука исследует все уголки моего тела — изучая, запоминая, воспаляя его.

Он колеблется, явно взвешивая, сколько можно мне рассказать.

— Ей было семнадцать, когда я ее встретил, и она была совершенно недостижима для меня. Я тогда был эдаким стойком — серьезным, неулыбчивым парнем двадцати восьми лет, больше похожим на сорокалетнего, как шутили мои друзья. Любые движения в ее сторону были для меня исключены. В свою защиту скажу, что я не знал, сколько ей лет, когда впервые ее увидел. Я знал одно: что женщины прекраснее я еще не встречал.

— Как-то раз я попал без зонта под ливень, пока шел к себе в офис, и решил переждать

непогоду в ирландском пабе, попавшемся по пути. Я зашел туда и направился к стойке, где седой старик протирал бокалы. Усевшись и заказав себе выпить, я огляделся и в тот же миг увидел ее. Она что-то записывала в блокнот за столиком сбоку. Я предположил, что она студентка, и трудится над какой-то заданной на дом работой. От усердия у нее между бровей залегла крошечная морщинка, и я поймал себя на том, что меня тянет ее разгладить.

— Она подняла лицо и, когда наши глаза встретились, улыбнулась. Я смутился. Захотел отвернуться, однако из-за ее улыбки не смог. Ее улыбка была бесхитростной, простодушной. Манящей. Так не похожей на все, к чему я привык.

— Она кажется милой. — Я накрываю его руку ладонью. — Но продолжай... Что было после? Ты заговорил с ней?

— Не в тот день, но в итоге да. Я, можно сказать, стал одним из самых преданных завсегдатаев этого паба.

Я смеюсь.

— Как часто ты приходил туда?

— Не пропускал ни дня.

— А она? Тоже всегда была там?

— Да. Вообще она подошла ко мне первой. Я приходил туда изо дня в день с единственной целью все-таки заговорить с ней, но, стоило мне увидеть, как она болтает с другими посетителями, озаряя все помещение своим внутренним светом, и я каждый раз ощущал себя недостойным. Однажды, когда я уже собрался уходить, она подошла ко мне и представилась. Сказала, что ей надоело ждать от меня первого шага, и потому она берет дело в свои руки.

Я пытаюсь представить, какое у Лоренса стало лицо после этих слов, и мягко смеюсь.

— Похоже, она была замечательной. Мне она нравится.

— Как только выяснилось, сколько ей лет, я решил забыть о ней и перестал заходить в тот паб. Но чем дольше держался от нее в стороне, тем сильнее мне ее не хватало, тем больше я хотел ее. Я боролся с самим собой, но победить сердце не вышло. Сердце — оно ведь, знаешь, капризное. Уж если чего захочет, то логика может отправляться к чертям. И в конце концов я вернулся. Со временем мы подружились. Я смирился со своим влечением к ней, пообещав себе подождать, когда она станет совершеннолетней, чтобы тогда начать ухаживать за нею как полагается. — Он делает паузу, полностью уйдя в воспоминания о прошлом.

— Впервые за очень долгое время я ощутил, что во мне видят меня — а не Лоренса, сына Александра и Барбары Ротшильд. — Он качает головой, на красивом лице — мягкая улыбка. — Она была совсем юной, но что-то в том, как она двигалась и смотрела на меня, сводило меня с ума. Шли дни. Я отчаянно влюбился в нее и был счастлив любить ее издалека. Я знал, что и у нее есть ко мне чувства, но насколько они глубоки, не понимал.

— Как-то раз, когда мы после кино возвращались домой, она спросила, почему я до сих пор не поцеловал ее. Я был так ошарашен, что не нашелся с ответом, и тогда она рассмеялась и поцеловала меня сама. В день, когда ей исполнилось восемнадцать, я поговорил с ее дедом. Сказал, что до беспамятства влюблен в его внуку, и попросил разрешения пригласить ее на свидание.

— Почему не с ее отцом?

— Ее родители умерли, когда она была совсем маленькой, и они с младшим братом остались на попечении у бабушки с дедушкой.

Я хмурюсь, думая о том, что ее история очень похожа на историю Ронана. Но потом, не желая думать о нем, заталкиваю эту мысль в подсознание.

— Ее дед дал мне свое благословение. Мой план был таков: пригласить ее на празднование восьмидесятилетнего юбилея своего деда и там наконец-то начать действовать. Когда мы приехали, я представил ее членам своей семьи, близким друзьям и Брэдли Стэнлопу, своему лучшему другу.

Мои глаза удивленно распахиваются.

— Из «Стэнлопской стали»?

Он сжимает челюсти.

— Ты его знаешь?

— Конечно. Не лично, но он встречался с Пенелопой Питт, моей любимой актрисой.

Он горько смеется.

— Да, он такой, наш Брэдли. Он был золотым мальчиком — всеми любимым, всегда с красоткой под боком. Я же рос замкнутым, до крайности стеснительным в общении с девушками и не высовывал носа из книжки.

— Как же вы подружились, если были настолько разными?

— Наши семьи были очень близки. Мы вместе росли и ходили в школу. Я восхищался им, поскольку видел в нем то, чего сам был лишен. Пока я утопал в ответственности и родительских ожиданиях, он был волен делать абсолютно все, что захочет. Полагаю, в глубине души мне хотелось стать на него похожим, узнать, каково это — быть всеобщим любимцем.

— Что случилось после того, как вы пришли туда?

Он с деланным безразличием пожимает плечами, но его взгляд становится жестким, и скрыть это у него не выходит.

— Брэдли увидел ее и захотел. Он вскружил ей голову своей внешностью, шармом, фамилией своей семьи, вниманием, которое уделял ей.

— Что! О боже... нет. — Я трясусь головой, мое сердце болит за него. — Но она же...

— Любила меня? — насмешливо договаривает он. В его тоне лед. — Нет, Блэр. Я так не думаю. Довольно скоро они начали встречаться, ну а я продолжил жить дальше, как жил.

— Но так и не забыл ее, да?

Пока он удерживает мой взгляд, я догадываюсь, каким будет ответ.

— Однажды я случайно увидел ее на улице. Едва взглянув на нее, я немедленно понял, что что-то произошло. В ее глазах больше не было света. Я собирался пройти мимо, сделав вид, что не заметил ее.

— Но?

— Она расплакалась, стала вымаливать прощение за свою слабость. Потом, успокоившись, призналась, что забеременела от Брэдли. Вот только Брэд успел ее расхотеть. Он предложил ей деньги, чтобы она избавилась от ребенка и убралась из его жизни, — с отвращением произносит он.

— Ублюдок. И что же ты сделал?

Какое-то время Лоренс молчит.

— Я предложил ей выйти за меня замуж, пообещав воспитать ребенка как своего. Но она отклонила мое предложение. Сказала, что, пока была ослеплена Брэдли, не осознавала, что на самом деле любит меня, и именно по этой причине не станет мной пользоваться.

— Милый мой человек. — У меня разрывается сердце от боли за женщину, для которой

все было уже слишком поздно, и за мужчину, который лежит рядом со мной. Любовь обошлась с ним жестоко. — А что было после?

— Я пошел к ее дедушке с бабушкой. Поначалу они не хотели брать мои деньги, но, увидев, что я все равно не отступлюсь, все же приняли мою помощь. Чему я был рад.

Волна ревности бьет меня прямо в грудь.

— Ты еще любишь ее?

Его взгляд обжигает.

— Нет, Блэр. Не люблю.

Сквозь меня проносится внезапный всплеск острой, головокружительной нежности к мужчине напротив. Я забираюсь на него, ложусь и, стремясь прогнать из его глаз угнетенное выражение, начинаю с головы до пят осыпать поцелуями.

— Знаешь, что я думаю?

— И что же, моя дорогая?

С порочной улыбкой на лице я провожу языком по его соску.

— Я думаю, нам надо вдрызг упиться шампанским. — Моя ладонь змейкой проскальзывает между нами и, обхватив его член, начинает неспешно ласкать его, пальцы ощущают, как он твердеет. — Или заказать много-много вредной, жирной еды...

— Да? — выдыхает он, закрывая глаза.

Попался! Я отпускаю его, беззащитного, и молниеносно бросаюсь в атаку. Щекочу подмышками и по бокам, заставляя расхохотаться, но в момент, когда я думаю, что победила, Лоренс внезапно переворачивает меня и, подмяв под себя, берет в плен, а его пальцы начинают неумолимое наступление на мое тело. Мы смеемся, смеемся, смеемся... пока у нас не начинают болеть животы, а на глазах не выступают слезы.

— О боже, Лоренс, перестань! — хриплю я. — Умоляю тебя!

— Попроси как надо.

— Ты победил! Победил!

Лоренс останавливается и начинает покрывать поцелуями каждый дюйм моего тела, успокаивать меня языком. К тому времени, как он добирается до моих губ, я встречаю его полуоткрытым, изголодавшимся по нему ртом.

— Проклятье, Блэр, — произносит он хрипло. Накручивает мои волосы на ладони, взгляд блуждает по моему лицу. — Ты хоть представляешь, что ты со мной делаешь?

Я трясую головой, но что захватывает меня врасплох, ментально лишив дара речи, так это проблеск живой эмоции, которая на долю секунды появляется в глубине его глаз.

— С тобой я снова вспоминаю, каково это — жить. С тобой я...

Пока его слова заплывают мне в уши, я слышу совсем другой голос, а перед глазами появляется совсем другое лицо...

...Он усмехается.

— Давай завтра встретимся, Блэр.

Борясь с желанием улыбнуться, я качаю головой.

— Я наверняка пожалею об этом.

— Может быть... но разреши себе хоть немного пожить.

— Я люблю, когда все просто и строго по плану.

— Лучше прожить жизнь, полную сожалений, чем не жить вообще. — Он понижает голос и прибавляет хрипло: — Позволь показать тебе, как это делается...

...Нет, нет, нет, нет, НЕТ! Ронану нельзя рушить этот момент. Только не сейчас.

Пожалуйста. Накрывая ладонями щеки Лоренса, я надеюсь, что он не слышит боль в моем сердце, когда я притягиваю его к себе.

— Ш-ш... Поцелуй меня, Лоренс.

Когда наши губы сливаются воедино, я понимаю, что целую его, отдавая себя без остатка, обманом заставляя себя поверить в то, что он, этот мужчина, и есть тот, кто мне нужен. И по мере того, как поцелуй становится все нетерпеливей, все жарче, понимаю, что верю своей собственной лжи.

Он отстраняется.

— Давай вернемся ко мне.

— Зачем? — Я сонно моргаю. — Что не так с моими апартаментами?

— Ничего. — Он обнимает меня покрепче. — Я хочу проснуться рядом с тобой у себя в постели.

Позже, оказавшись в теплом, безопасном пространстве его спальни, я засыпаю в объятьях Лоренса. И в этом полубессознательном состоянии, когда сооруженная мною ложь начинает отшелушиваться, открывая спрятанную под ее слоями-обманками правду, я мечтаю о том, чтобы меня обнимали совершенно другие руки.

Глава 11

Лоренс

Я притягиваю ее, завернутую в мои объятья, ближе и смотрю, как она засыпает. Зарываюсь в ее волосы носом и дышу ею, мечтаю поведать ей, что она со мной делает, какие чувства и желания во мне пробуждает. Я не планировал рассказывать ей о своем прошлом. Я никому о нем не рассказывал. Но открылся ей — неожиданно для себя, — и воспоминания впервые не причинили мне боль. Словно прошлое по-настоящему стало прошлым.

Я невесело хмыкаю. И как у нее получается доводить меня до такого безумия, вызывать у меня такую жажду и страсть?

Иногда я спрашиваю себя: что, если карме просто нравится веселиться за наш счет? Ты говоришь жизни, что хочешь свернуть налево — но обнаруживаешь, что дорога завалена камнем, и поневоле сворачиваешь направо. Ты говоришь жизни, что нашел женщину, на которой хочешь жениться — а она влюбляется в твоего лучшего друга. Ты говоришь жизни, что твое сердце больше не ускоряется при виде чего бы то ни было, и что же делает жизнь? Шлет тебе женщину с острым язычком и огнем в глазах, при виде которой твое сердце не просто ускоряется, но начинает пульсировать с такой интенсивностью и с такой страстью, что тебе остается лишь удивляться, как оно еще не разорвалось на куски. Ты говоришь жизни, что для счастья тебе нужны только успех и работа, и какое-то время оно так и есть... пока ты не вынуждаешь ту женщину улыбнуться. После чего понимаешь, что все это ложь, потому что готов отдать все, что имеешь, до последней рубашки, лишь бы она улыбнулась тебе еще раз.

Так что я не должен удивляться тому, что одного ее тела мне теперь недостаточно. Я хочу все. Хочу владеть ею всей.

Смотреть, как она, впиваясь ногтями мне в спину, разлетается на осколки в моих объятьях и с моим членом, пульсирующим внутри... Смотреть, как она растворяется во мне и в том наслаждении, которое я даю ей...

Боже, это можно созерцать бесконечно.

Я живу ради этих моментов, когда моя дикая красавица забывает о страхах. Она — воплощенная красота. Она — разрушение. Лишь одна мысль о том, что ею обладал и обладает до сих пор кто-то другой, заставляет меня сходить с ума от яростной ревности. Потому что она моя, пусть пока что этого и не знает.

Я всегда был уверен, что мне больше не полюбить. После того первого разочарования я поклялся больше никогда не позволять любви себя одурачить. Но глядя на женщину, спящую у меня на груди, я чувствую, как моя решимость рушится, как надежда из огонька становится пламенем. Может быть, я был не прав — может быть, у меня все-таки есть второй шанс.

Я медленно веду пальцем по ее мягкой, теплой щеке. Может, цепляться за надежду и глупо, но порой надеяться — это все, что нам остается. Эта женщина вызывает у меня желание завладеть абсолютно всем. Всем ее смехом. Всеми стонами. Всеми поцелуями. Всеми мыслями. Я хочу, чтобы все это стало моим, несмотря на то, что расплачиваться мне предстоит собственной кровью. Но в том-то и суть, разве нет? Я хочу, чтобы она стала моей.

И только моей.

Блэр ворочается в моих объятьях, что-то бессвязно бормочет. Наклонившись, я целую ее в лоб и шепчу:

— Ш-ш, любовь моя. Спи.

Спустя несколько минут, когда ее дыхание замедляется, я слышу, как она шепчет во сне:
— Ронан... вернись. Вернись ко мне.

Глава 12

Блэр

Я просыпаюсь с улыбкой. Раскинув руки в стороны, ищу Лоренса, но нахожу только холодную, пустую подушку. Я быстро сажусь, отчего простыня на мне соскальзывает до талии. Оглядываюсь. Его нигде нет. Ни в ванной, ни в гардеробной.

— Лоренс? — Тишина. — Ты здесь? — Снова тихо.

Я хмурюсь. Почему он ушел, не попрощавшись? Это на него не похоже. Он ведь всегда будит меня перед тем, как отправиться на работу.

Подняв руку к лицу, я касаюсь своих горячих, припухших губ и пытаюсь понять, почему ощущаю разочарование и... обиду. Впервые за очень долгое время я проснулась с ощущением счастья, с одним-единственным желанием: поцеловать его и поговорить с ним. Но Лоренса в постели не оказалось.

Я уже готова откинуться на спинку кровати, когда вспоминаю о сотовом. Может, он отправил мне сообщение с объяснением, почему ушел, не попрощавшись. Нашуപ്പывая телефон, я игнорирую внутренний голос, который говорит, что он платит мне, платит за секс, что у него нет по отношению ко мне никаких обязательств, что, чем бы ни являлось то, что было у нас в последние дни, Лоренс просто был мил. Наконец я открываю экран. Новых уведомлений нет, но я все равно просматриваю свои сообщения. От него ничего.

Моя рука с телефоном безжизненно падает на кровать. Пока я смотрю на стену перед собой, раздается стук в дверь.

— Одну минуту! — Я торопливо натягиваю на себя простыню. Мое сердце начинает колотиться быстрее. Может быть, это Лоренс? Может, он все-таки еще не ушел? — Войдите, — говорю я. Оглядывая себя, проверяю, все ли прикрыто, потом перевожу взгляд на дверь и улыбаюсь.

Моя улыбка сходит на нет.

Я смотрю, как в комнате появляется экономка с подносом в руках, и от аромата масла и свежих фруктов у меня в желудке начинает урчать.

Мисс Вудс, женщина немного за шестьдесят, которая, кажется, невзлюбила меня с первой же встречи, окидывает меня каким-то поистине ястребиным взглядом. В нем столько неодобрения, что я ощущаю себя маленькой девочкой, которой грозит наказание за то, что она пролила виноградный сок на ковер.

— Лор... мистер Ротшильд упомянул, что вам понадобится завтрак. Куда бы вам хотелось, чтобы я поставила поднос, мисс Уайт?

Сражаясь с улыбкой, я сажусь попрямее.

— Он так сказал? — *Господи, Блэр. Ты ведешь себя как ребенок. Возьми себя в руки.* Я откашливаюсь и киваю на тумбочку у кровати. — Поставьте сюда. Спасибо.

Глядя, как она переставляет предметы на подносе, я замечаю у фарфорового чайничка с кофе белые орхидеи. Я касаюсь лепестка одного из цветков.

— Это от мистера Ротшильда.

Я поднимаю взгляд.

— Боже. Как Лоренсу удалось достать их в такую рань?

— Срочная доставка, — говорит она сдержанно.

— Конечно. — Если Лоренс чего-то хочет, то Лоренс это получит. Качнув головой, я усмехаюсь. — Спасибо, что дали знать.

Поджав губы, она кивает.

— Что-нибудь еще, мисс Уайт?

— Прошу вас, зовите меня Блэр. Терпеть не могу формальности. — В ней есть нечто такое, что вызывает у меня желание понравиться ей. Может, из-за того, что, как рассказывал Лоренс, она работает на его семью с самого его детства. Я улыбаюсь ей, но отчужденное выражение ее лица не меняется.

— Приятного завтрака, мисс Уайт. — Она опускает голову — еле заметно, словно движение причиняет ей телесную боль, — а после разворачивается и, оставляя меня одну, выходит из комнаты.

Я уже тянусь к еде, как вдруг начинает звонить телефон. Быстро схватив его, я вижу рабочий номер Лоренса. Волнуясь и нервничая, немедленно отвечаю.

— Лоренс? — выдыхаю я, вспоминая улыбающегося мужчину из прошлой ночи.

— Доброе утро, Блэр. Это Джина. Личный ассистент мистера Ротшильда.

— О. Привет, Джина, — говорю я без энтузиазма, не в силах скрыть, что разочарована.

— Мистер Ротшильд просил сообщить вам, что сегодня он уезжает и вернется не раньше, чем через неделю. Он сказал, что в его отсутствие для вас открыты двери как городского дома, так и лонгайлендского поместья, если вам захочется для разнообразия уехать за город.

Новость бьет меня как пощечина.

— Я не знала, что он уезжает. Он ничего мне не говорил.

— О поездке стало известно в самую последнюю минуту.

— Ясно. — Он даже не позвонил, чтобы попрощаться. Похоже, в его глазах я все-таки обычная деловая сделка. Я же знала, кто я ему. Знала. И сама так хотела. Почему же я чувствую себя так дерьмово? Почему мне настолько больно?

— Также я связалась с новым риелтором. Ее зовут Клэр Майклс. Отныне помогать вам

будет она.

Я со стоном вспоминаю, как разозлился Лоренс той ночью.

— Джина... а что случилось с Уильямом? Пожалуйста, скажите, как есть.

— Не беспокойтесь об этом, мисс Уайт. Все улажено.

— О.

— Что ж, мне пора возвращаться к работе, но если вам что-то понадобится — звоните.

Хорошего дня.

— Подождите! Еще одно.

— Да?

Я закрываю глаза от ненависти к себе за свой следующий вопрос.

— А Лоренс... ничего больше не просил передать?

— Увы, нет. Хотите оставить для него сообщение?

Да. *Почему ты ушел, даже не попрощавшись? Неужели все, что произошло между нами, было неправдой?*

— Нет. Все нормально. Спасибо.

Отключившись, я опускаю глаза на еду и отодвигаю поднос. Есть больше не хочется. Вместе с необъяснимой печалью, разливающейся в груди, возникает странное ощущение, что это начало конца чего-то прекрасного, что даже не успело полностью расцвести.

А может, уже отцвело.

Я звоню Элли и приглашаю ее заглянуть в гости. Сначала она отказывается, оправдывая отказ какой-то чушью о принципах, но любопытство оказывается сильнее, и в итоге она принимает мое приглашение. Еще она приведет с собой бойфренда — того самого музыканта, о котором говорила некоторое время назад.

После часа на беговой дорожке я принимаю душ и одеваюсь, выбрав свои любимые джинсы-бойфренды и безразмерный серый джемпер с открытым плечом. Оглядывая себя, я вспоминаю свой недолгий разговор с Элли. Судя по всему, с музыкантом у нее все серьезно. Я очень счастлива за нее, но в глубине души ощущаю грусть и чувство вины, потому что на пару месяцев выпала из общения с ней. Я знаю, что сознательно избегала ее, но я еще не готова рассказывать, какую кашу я заварила. Зная Элли, она не постесняется обратить мое внимание на то, что я во всем виновата сама.

Засунув руки в карманы джинсов, я размышляю о том, как нам с ней — двум противоположностям — удалось так тесно сдружиться. Откровенно говоря, Элли можно назвать святой только за то, что она не осуждает меня и терпит мои маниакальные настроения.

Я познакомилась с Элли на третий год после переезда в Нью-Йорк. Как только она появилась в Нотте, в нее моментально влюбился весь персонал. Кроме меня. Я не доверяла ее дружелюбной манере держаться и частым улыбкам, пусть и знала, что у этой девушки ни единой дурной черты в характере нет. Она излучала позитивную энергию.

После того, как мы проработали вместе несколько месяцев, один наш официант — он же неудавшийся актер и очень сексуальная французская модель по имени Пьер — закатил вечеринку у себя в лофте в Куинсе и всех туда пригласил.

Элли пришла со своим тогдашним бойфрендом — конченным мудаком, если хотите

знать мое мнение. Он не понравился мне с первого взгляда. Может, из-за того, как заигрывал с каждой юбкой. А может потому, что все болтал и болтал о своей работе и о том, сколько денег он зарабатывает. Серьезно, чем больше он хвастался, тем меньше становился в моем воображении его член. Я не могла понять, что рассмотрела в нем Элли, но любовь, что называется, зла.

Все покатило под откос, когда Пьер спросил мудака, как он познакомился с Элли. Я так отчетливо это помню. Подняв на него глаза, она положила ладонь ему на грудь, а он ответил самодовольно:

— У нее были лучшие титьки в комнате. — После чего обнял ее за плечи и притянул к себе. Она замерла. И я впервые заметила, сколько боли и уязвимости прячется за ее улыбками. Еще у меня возникло подозрение, что он не впервые вот так прилюдно опускает ее.

Когда все замолчали, Элли осторожно высвободилась и сказала, что ей нужно в ванную комнату. После того, как она под нашим взглядом исчезла в толпе, я повернулась к ее так называемому бойфренду.

— *Вау*. Как же мне тебя жаль. — Я окинула его взглядом, надеясь, что он видит, какое презрение и отвращение я испытываю к нему. — У тебя, должно быть, совсем микроскопический член, если ты испытываешь потребность говорить о ней в таком тоне. — Я мило улыбнулась и, не давая ему шанса ответить, ушла.

Стоит ли говорить, что этот трус избегал меня до самого конца вечеринки.

Когда позже, попрощавшись со всеми, я направилась к лифту, то внезапно услышала голос, знакомый мужской голос, который на кого-то кричал. Я застыла под желтоватым светом флуоресцентных ламп, не зная, что делать — идти себе дальше или проверить, не требуется ли моя помощь. Здравый смысл приказывал мне идти и не вмешиваться.

Но в итоге инстинкты одержали победу. Я пошла в направлении криков, доносящихся из-за двери на лестницу. Мне было слышно, сколько в этих криках ненависти и гнева. Наверное, стоило бы вернуться и привести с собой Пьера, но я могла думать только о том, что кому-то нужна моя помощь. Наконец, выхватив из сумочки перцовый баллончик, который всегда был при мне, я распахнула дверь. И сразу увидела Элли — с разбитой губой, из которой сочилась кровь, — которую прижимал к стене ее бойфренд.

Они оба одновременно на меня оглянулись. Вряд ли я когда-нибудь забуду тот абсолютный ужас, который узрела в ее глазах, когда наши взгляды встретились. Как и выражение ненависти у него на лице. Он был не в себе, словно потерял рассудок от злости.

— Отвали, сука чертова. Не видишь, мы заняты?

Мне сразу стало понятно, что использовать с моей позиции перцовый баллончик будет неэффективно. Я подумала было приблизиться к ним, но отмела эту мысль, как только она появилась. Я не хотела, еще сильнее разозлив его, подвергать Элли еще большей опасности. Надо было, чтобы он подошел ко мне сам.

Думай, Блэр, думай.

О, боже мой.

Черт. Черт. Черт.

— Нет. Отпусти ее.

Сжав плечи Элли так сильно, что она всхлипнула от боли, он улыбнулся пробирающей до костей улыбкой.

— А если не отпущу? Что тогда, а? Что ты мне сделаешь? Мне, наверное, хватит и двух

пальцев, чтобы переломить твою симпатичную тонкую шейку.

Спокойно, Блэр. Не показывай ему, как тебе страшно.

— Я не боюсь тебя. Квартира Пьера прямо вон за той дверью. Я могу пойти туда и предоставить ему с ребятами отличный повод навешать тебе, который они ждали весь вечер. — Я и впрямь раздумывала, не сходить ли за помощью, но боялась, что он тем временем столкнет Элли с лестницы и попытается улизнуть.

Пока он переваривал мои слова, его хватка ослабла.

— Да пошла ты. Меня не запугать кучке гребаных слабаков.

Я прислонилась плечом к стене и, скрестив руки на груди, незаметно откинула колпачок маленького баллончика.

— Возможно. Но кем станешь ты против десятерых? Десятерых парней, каждый из которых — хороший друг Элли. И которые очень-очень расстроятся, увидев, что ты с ней сделал. — У меня не было уверенности, что они все были ее друзьями, но ему знать об этом было необязательно. — Если ты отпустишь Элли прямо сейчас, я не стану никого приводить. Я позволю тебе уйти до того, как тебе сделают больно. — Улыбаясь ему, издеваясь над ним, я приготовилась пустить в ход баллончик. — Так уж и быть. Я тебя пожалею.

И мой план сработал. Он оттолкнул Элли в сторону и начал было идти мне навстречу, но Элли, застав врасплох нас обоих, заехала ему по паху коленом, отчего он с криком свалился на пол. Затем она выхватила у меня перцовый баллончик и с залитым слезами лицом подошла к нему.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Козел, между нами все кончено. Больше ты руку на меня не поднимешь. — И с этими словами она прыснула ему в лицо содержимым баллончика. Мы оставили его завывать от боли, а сами вернулись в квартиру Пьеру.

Как только мы рассказали, что случилось, Пьер вызвал копов. Прижимая к брови пачку замороженного гороха, Элли повернулась ко мне и подтолкнула меня плечом.

— Спасибо тебе. Я...

— Ты не обязана объясняться.

Она помолчала немного, глядя в пол.

— Знаешь, это было ужасно рискованно, — тепло проговорила она наконец.

Мой взгляд сфокусировался на ее разбитой губе, потом опять поднялся к ее глазам.

— Знаю, но это было меньшее, что я могла сделать.

— Я не хочу показаться неблагодарной, потому что мне очень повезло, что ты вышла... — Она на мгновение прикрыла глаза и вздохнула. — Я... я не знаю, что было бы, если б не ты, но почему ты просто не сходила за Пьером? Мне казалось, ты не из тех, кто...

— Кто способен протянуть руку помощи?

Позорно краснея, я смотрела, как на ее бледное лицо возвращаются краски.

— Да...

— Я и впрямь не такая. — Я небрежно пожала плечом, начиная чувствовать себя неудобно: приближался разговор по душам.

Она довольно долго рассматривала меня, словно видела в первый раз, пока я ежилась под ее взглядом, думая о том, что, быть может, она-таки видит меня насквозь.

— Я ошибалась. Ты такая, просто тебе нравится притворяться...

— Бессердечной эгоистичной сукой?

— Я не собиралась выражаться так прямо, но... да.

— Я и есть бессердечная сука, Элли, и это еще мягко сказано. Не обманывайся тем, что я сделала. Так сделал бы кто угодно.

Она покачала головой, улыбаясь все шире.

— Убеждай себя сколько влезет, но моего мнения ты не изменишь. Пусть тебе и больно это признать, но ты хороший человек, Блэр.

— Слушай, все это не делает нас друзьями.

— Нет, делает.

— Нет, не делает. Мне нравится быть одной. Я не завожу себе лучших подружек и прочую муть.

— Спасибо тебе, Блэр.

— Не забивай себе голову. На моем месте так поступил бы любой.

— Это неправда, и ты это знаешь.

Вот так и родилась наша дружба.

Я нахожу Элли и ее спутника около очень известной картины с пейзажем, висящей над камином в гостиной. Я не удивляюсь — я и сама впала в оцепенение, когда впервые увидела этот бессмертный шедевр.

Я останавливаюсь и в который раз восхищаюсь смелыми красками на холсте.

— С ума сойти можно, да?

Элли оборачивается ко мне, и у нее такое лицо, что хочется рассмеяться. Мою подружку впечатлить нелегко, но Лоренсу, кажется, это только что удалось. Серьезно, это так типично для него. И так несправедливо.

— Блэр, умоляю, скажи мне, что это всего лишь копия, — просит Элли, благоговение в ее голосе сражается с недоверием. Но не успеваю я открыть рот, как она перебивает меня: — Нет, у него правда есть чертов Моне? — Она крутит головой. — Я не верю.

Мой взгляд — перед тем, как отскочить назад к ошарашенной Элли — падает на мгновение на прекрасного мужчину с ней рядом. Ее реакция, кажется, позабавила и его.

— Лучше поверь, подружка. Он, что называется, коллекционер.

— Как это банально и по-миллиардерски с его стороны.

— Не то слово. — Я подхожу к ней и, что есть сил, обнимаю. Боже, как же я соскучилась по этой женщине. — И ты и половины еще не видела.

Отпустив ее, я наблюдаю, как она, оглядываясь, впитывает величие дома. Шторы из тяжелого шелка, непременный персидский ковер, отполированную до блеска деревянную мебель, светильник «Тиффани», украшающий один из журнальных столиков... список можно продолжать бесконечно. Но вульгарной обстановка не выглядит. Напротив, она пропитана вечной красотой и изяществом. Такой тонкий вкус невозможно купить — с ним надо родиться. Все-таки фамильные деньги — это фамильные деньги.

— Так вот, как живет тот пресловутый один процент, а? Это даже неприлично, я бы сказала.

— Неприлично, но впечатляет.

Она вздыхает и одновременно закатывает глаза.

— Не хочется признаваться, но да. Я впечатлилась еще в момент, когда ты отправила за нами Ронана на «роллс-ройсе». — Слетевшее с ее губ имя Ронана застает меня врасплох, но

Элли моего секундного замешательства не замечает.

— А я веду себя очень невежливо. — Она берет меня за руку и тянет к своему красивому спутнику, так и стоящему у камина. — Блэр, познакомься, это Алессандро. Алессандро, это Блэр.

Пока мы пожимаем друг другу руки, я оглядываю его. Да... выбирать мужчин Элли умеет. Он выглядит словно ошибка, которую я никогда себе не позволю. Пронизывающие темные глаза, похожие на два бездонных моря греха. Черные, как моя душа, волосы и созданное для удовольствий тело. Он не просто ходячий секс, он надвигающийся оргазм.

— Приятно наконец с тобой познакомиться, — говорю я.

Он медленно раздвигает губы в соблазнительной полуулыбке-полуусмешке. Иисусе.

— Взаимно. Элли столько рассказывала о тебе.

— Боже. Мне уже страшно.

Элли смеется, взяв его за руку и сплетаясь с ним пальцами.

— Алессандро, детка, ты не сходишь за подарком, который мы принесли для Блэр? Я оставила его у двери.

Красавец Алессандро прихватывает ее за шею и, притянув к себе, глубоко и пылко целует. Пока их языки переплетаются, я краснею. Я сама далеко не ханжа, но в этом поцелуе столько интимного жара и страсти, что невольно начнешь представлять, как они трахаются, но даже у меня есть какие-то рамки.

Я неловко откашливаюсь, и Алессандро отстраняется от нее.

— Смотрите, не влипните в неприятности.

Элли усмехается.

— Мы? *Никогда.*

Он берет ее за бедро и, коротко вжав ладонь в ее плоть, уходит. И пока она глядит ему вслед, я слышу, как моя лучшая подруга — моя стойкая Элли, — томно вздыхает и машет ресницами, как мультяшная героиня. Что за...?

— Кто эта женщина и что случилось с моей лучшей подругой?

— Случился... он. — Она кивает в сторону двери.

— Подружка, если он так он целуется, то что же он вытворяет у тебя между ног? — дразнюсь я.

— Фу, Блэр! — восклицает она со смехом.

Я тоже смеюсь и подмигиваю ей.

— И все-таки?

Она широко улыбается, потом закрывает лицо руками.

— О, боже, ты даже не представляешь... Я начинаю ерзать от одной только мысли.

— Шлюшка.

— Его язык... Что тут скажешь? Его стоит внести в реестр национального достояния.

Смеясь, мы падаем на диван. Она отодвигает мои волосы в сторону и начинает их заплетать.

— Ладно, шутки в сторону...

— Да?

— Как у тебя дела? Ты счастлива? Все идет, как ты и хотела?

Перед тем, как посмотреть ей в лицо, я поднимаю взгляд к потолку.

— Что есть счастье? Случайное ощущение, которое никогда не задерживается надолго.

Я думаю о Лоренсе. О времени, проведенном с ним вместе, и о том, как сегодня утром

он ушел без единого слова, ясно продемонстрировав, кем он меня считает. Вспоминаю свое волшебное лето с Ронаном и то, как он смотрел на меня в нашу последнюю встречу.

— Нет, Элли, я не ищу счастья. Мне нужна надежность, и в этом отношении да... все идет, как я и хотела.

— Ох, Блэр...

— Не «блэркай» мне, Элли. У меня все прекрасно. Правда. — Ее глаза, полные сомнений и грусти, сообщают мне, что она ничему из сказанного не верит.

Я улыбаюсь ей ярче.

— Ладно. Может, по бокалу шампанского?

— Блэр, шампанское твоих проблем не решит.

— Ты права. Но с ним все намного лучше.

Глава 13

Ронан

— Сэр, у вас есть приглашение? — спрашивает меня человек в униформе у железных ворот. Он с сомнением оглядывает мой побитый пикап.

— Нет, но меня ожидают. — *Надеюсь.*

— Ваше имя? — спрашивает он еще менее вежливо — очевидно, считая меня полным дерьмом.

— Ронан Герати.

Я наблюдаю за тем, как охранник ищет меня в списке гостей, который держит в руках. Наконец, изучив с максимальной неторопливостью пару страниц, он поднимает лицо и говорит с неохотой:

— Приятного вечера.

Я снова завожу двигатель. Рэйчел, судя по всему, не шутила.

Он отходит в сторону и нажимает кнопку на кирпичной стене. Я смотрю, как железные створки ворот медленно открываются — искушая, заманивая меня в неизвестное. Тихим шепотом ворота зовут меня в изобильный мир, который они охраняют, в мир, где нет ничего невозможного, где все просто и нет никаких проблем — кроме проблемы с преждевременно закончившимся шампанским. Пока я еду по длинной извилистой дороге к особняку, который уже вздымается передо мной, точно ярко освещенная гора, на холме, я думаю о том, что вот-вот *добровольно* нырну в неизведанные воды плавать с акулами.

В какой же я заднице.

Я передаю ключи от машины слуге и смотрю, как он с ужасом на лице отъезжает за рулем моего подержанного пикапа. Как и моей машине, мне здесь не место. Поправляя галстук, который внезапно ощущается как удавка, я поворачиваюсь к парадному входу одного из самых больших особняков, какие я только видел.

Я колеблюсь секунду, раздумывая, не уехать ли. Но за эту секунду перед моими глазами проносится все — мое прошлое, настоящее, будущее. Вот мама читает «Маленького принца» мне на ночь. Вот она с папой медленно покачивается в танце на кухне, пока мы с Джеки подсматриваем за ними из-за дивана. Вот мои родители счастливо машут мне вслед, пока я убегаю в класс с головой, забитой комиксами и спортом. Вот бабушка с дедушкой говорят нам, что мама с папой теперь на небесах. Вот я — становлюсь взрослым в мгновение ока. Рыдаю, прощаясь с детством, в пропитанную слезами подушку. Заново учусь жить и

смеяться. Нахожу утешение в фотографии и в конце концов в Олли. Вот я стою у музея, жду, когда выйдет мой босс, жду, когда моя жизнь снова возобновится. И это случается — в момент, когда мой взгляд падает на нее, колдунью с голубыми глазами, которая прячет свою лживую душу за отравляющей красотой. Ее смех заполняет пустоту моей спальни и пустоту в моем сердце. Ее поцелуи, ее рот, ее тело, вкус, стоны ставят меня на колени, обманом заставляя поверить в то, что она и правда моя. Вот она говорит, что одной моей любви ей недостаточно, что все это было сном, что мне, черт подери, пора просыпаться. Вот я смотрю, как она, скрываясь за дверью, забирает меня всего, все, что осталось. Вот долгие дни и еще более долгие ночи. Обида на Эдгара за то, что он добился успеха, и ненависть к себе за эту обиду. Встреча с Рэйчел. Ее податливое тело, движущееся подо мной. Ее искушающие слова. Вот я после ее ухода. Оглядываю свою паршивую квартиру и задаюсь вопросом... А почему бы и нет? И вот я здесь. Пришел сюда в погоне за несбыточными мечтами.

Если уехать, я вернусь в ту же точку — снова стану никем, — но если остаться...

Возможно.

Я представляю себя в окружении роскоши и успеха. И — черт! — до чего соблазнительная выходит картина. Я провожу рукой по волосам и ступаю за порог этого раззолоченного мира, что сияет передо мной.

Она стоит у подножья широкой лестницы. Рэйчел. Ее тело цвета слоновой кости, затянутое в кремовый шелк, сияет, словно одинокая звезда, среди моря черных платьев и смокингов.

Мне надо бы подойти к ней, но я хочу еще немного ею полюбоваться. Она великолепна. Я наблюдаю за тем, как какой-то мужчина подходит к ней слишком близко и, положив ей на поясницу ладонь, что-то шепчет ей на ухо. Она поворачивается к нему и вежливо улыбается, но одними губами. Той самой холодной как лед, отстраненной улыбкой, которую я впервые увидел около галереи. И мне почему-то приятно, что я не вижу в этой женщине ни намека на Рэйчел, которая провела в моей постели одну необузданно-дикую ночь. Рэйчел, которая существует за этим ухоженным и дорогостоящим фасадом, спрятана от ее собеседника.

Я делаю глоток пива, которое прихватил у проходящего мимо официанта. Уже собираюсь направиться к Рэйчел, как вдруг чувствую чье-то присутствие рядом с собой.

— Ронан? Это ты?

Я оглядываюсь и вижу слева знакомые черты. Каштановые волосы до подбородка. Хорошенькое лицо.

— Элли, верно? — Та самая девушка, которую я на днях вез в городской особняк Лоренса. Лучшая подруга Блэр.

— Угу. Что ты здесь делаешь? Ты что, работаешь... — Она спохватывается и краснеет. — Извини. Я иногда такая бестактная идиотка.

— Не извиняйся. Если честно, я спрашиваю себя о том же.

Она смеется, в карих глазах вспыхивают теплые искорки.

— Та же фигня. Рехнуться можно, что за вечеринка, да?

— Не то слово. — Пока она обводит помещение взглядом, я откашливаюсь и как можно равнодушнее спрашиваю: — Ты здесь вместе с Блэр?

— Нет, я пришла с Алессандро. Его родители знают женщину, которая устроила вечеринку. Рэйчел, кажется, да?

— Понятно. — Я засовываю руку в карман своего арендованного смокинга.

Элли долго рассматривает меня. Между ее бровями появляется маленькая морщинка. Одну или две минуты она молчит.

— Знаешь, я чувствую себя героиней исторического романа из тех, что так любит Блэр. Где девушка в прекрасном платье попадает на бал, и в нее после одного-единственного танца влюбляется герцог. Ну или вроде того.

Глядя куда-то перед собой, я представляю Блэр — раскрасневшуюся, раскинувшуюся у меня на кровати с книжкой в руках. Вспоминаю, как она читала мне вслух, и невольно улыбаюсь при этом воспоминании.

— Я всегда шутил, что против герцога не потяну.

Стоит мне пробормотать эти слова, как я понимаю, какую ошибку я сейчас совершил. Я смотрю украдкой на девушку, которая только что вытянула из меня правду, и вижу, как на ее обманчиво невинном лице появляется понимание.

— Это ведь ты, да? Тот парень, с которым Блэр встречалась все лето. От которого она была без ума.

Вздрагнув, я отворачиваюсь.

— Я так и знала. Она так странно посмотрела на меня, когда я упомянула твое имя. Тогда я решила, что мне показалось, но теперь мне все ясно.

— Ну и что с того, если это и правда я? Между нами все кончено.

— Я так не думаю, — говорит она тихо. — У тебя, как и у Блэр, все написано на лице.

Я стискиваю кулаки. Даже не будучи здесь, она умудрилась нарушить мое душевное равновесие. От нее нет спасения. Раньше она была моим раем, но теперь я горю в воспоминаниях о ней, как в аду.

— Она уже в прошлом. А теперь, если позволишь...

Я начинаю уходить, но она ловит меня за руку и останавливает. Ее маленькая ладонь с неожиданной силой сжимает мое запястье.

— Не отказывайся от нее, — умоляет она.

— С меня хватит. Она сделала выбор и выбрала не меня.

— Ты же любишь ее. До сих пор. По глазам видно.

— Нет, Элли. Ты ошибаешься. Я любил вовсе не Блэр. — Я криво улыбаюсь. — Я любил ложь. — И на этом я ухожу, оставляя ее позади.

— Она любит тебя. Просто слишком боится это признать!

Остановившись на миг, я прикрываю глаза. Меня тянет вернуться назад и спросить, что она имела в виду. Я хочу, чтобы Элли дала мне надежду, осветила темноту, которая засасывает меня. Но вместо того, чтобы вернуться, я заставляю себя идти. Я отгораживаюсь и от Элли, и от того парня, которым я был. Каждый мой шаг пружинит злостью, обидой и ревностью.

Я становлюсь позади Рэйчел, которая разговаривает с каким-то мужчиной. Подойдя к ней вплотную, я ощущаю, как мой член вдавливается в ее сладкую попку, а потом отвожу ее длинные волосы в сторону и целую изгиб ее шеи — и мне плевать, что на нас кто-то смотрит. Она содрогается под моим ртом.

— Привет, Рэйчел. Скучала?

Она поворачивается ко мне. Краснеет.

— Ты пришел.

Я выгибаю бровь.

— Ты что-то не особенно удивлена.

— Я знала, что ты придешь.

— Правда?

— Да.

Костяшками пальцев я ласкаю ее покрасневшую щеку.

— Я забыл, как мило ты выглядишь, когда краснеешь из-за меня.

Кто-то откашливается, напоминая нам, что мы не одни. Она облизывает губы, словно может ощутить там мой вкус.

— Веди себя хорошо, — произносит беззвучно.

— Не хочу, — шепчу я, наклонившись, ей на ухо. — Я бы лучше еще раз тебя трахнул.

— Ты невозможен.

Когда она, пряча довольную улыбку, встряхивает головой, я усмехаюсь. Затем она берет меня за руку и разворачивает к новому гостю, пожилому мужчине в вычурном галстуке-бабочке и ярко-зеленых очках.

— Карл, я хочу представить тебя Ронану. Он тот фотограф, о котором я тебе говорила. Ронан, это Карл Брансвик, мой близкий друг и владелец The Jackson.

Черт подери. Мои глаза округляются. *The Jackson?* Это же самая престижная арт-галерея Нью-Йорка с филиалами в Лос-Анджелесе, Париже, Гонконге, Дубае, Токио и Милане. Дьявол, если к тебе проявил интерес сам Карл Брансвик, значит ты добился вершины успеха. Даже Эдгар со своими картинами за миллион долларов не смог попасть к нему в галерею.

— Рад знакомству, сэр, — говорю я.

Он пожимает мне руку.

— О да, да, я вспомнил. Наш неограниченный алмаз. — Сделав паузу, он оглядывает меня, рассматривает мою одежду, волосы, лицо, мои руки. — Рэйчел, он бесподобен. Где ты его нашла?

Она колеблется перед ответом.

— На выставке Эдгара Хуареса.

На его лице появляется лукавая улыбка.

— Неужели? Если память не изменяет мне — чего кстати, никогда еще не случалось, — то я, кажется, припоминаю, как несколько часов ждал тебя *внутри* галереи, однако ты так и не появилась.

Я чувствую, что Рэйчел неловко, и потому вмешиваюсь и говорю:

— Это я виноват. Пригласил ее на коктейль еще до того, как она успела войти.

— На коктейль? Так это теперь называется у вас, молодежи? — хмыкает он. — Впрочем, неважно. Если Рэйчел считает тебя талантливым, значит оно наверняка так и есть. У нее одни из самых пронизательных глаз в нашем бизнесе. — Далее он обращается к Рэйчел, но его взгляд по-прежнему остается прикован ко мне. — Рэйчел, сладкая, если его работы хотя бы вполовину так хороши, как его лицо, то у меня есть ощущение, что твой протеже далеко пойдет... очень далеко. С небольшой помощью старого доброго меня, разумеется.

Остаток вечера проходит словно в тумане. Бесконечные тосты. Люди, которые обращаются ко мне не походя, а как к человеку. Женщины, которые становятся слишком близко, призывно задевая меня, нашептывая соблазнительные слова. Я больше не невидимка.

Я слышала, вы фотограф. Мне бы хотелось увидеть ваши работы.

Рэйчел представляет меня все новым и новым важным, влиятельным людям. Еще

шампанское. Еще икра. Кубинские сигары. Винтажные вина.

Кто он? Новая игрушка Рэйчел. Роскошный... Везет же некоторым. Я слышала, им заинтересовался Карл. Может, представить его Лауре? Она обожает всех этих художников и фотографов. Надо будет как-нибудь позвать его к нам на ужин.

Шепот и сплетни обо мне. Глаза, устремленные на меня.

Боже, от него просто дух захватывает. Ты когда-нибудь видела такой рот? Мужчинам следует запретить быть настолько красивыми. Интересно, он спит с Рэйчел из-за денег или просто так? Хотя разумеется из-за денег. Зачем же еще? Наверное, хочет продвинуться. Мог бы обратиться ко мне. Элизабет! Он же годится тебе в сыновья. Можно подумать, он будет первым.

Я впервые понимаю, каково это — быть по другую сторону, там, где не ты открываешь кому-то двери, но кто-то открывает двери тебе. И я солгу, если скажу, что мне здесь не нравится. Я солгу, если скажу, что мне не нравится ощущать себя человеком среди тех, для кого я всю свою жизнь был невидимкой. И все же что-то мешает мне полностью раствориться в этом очень отчетливом и необычном сне.

Мы выходим подышать свежим воздухом на веранду. Смотрим на звезды.

— Мне кажется, ты произвел хорошее впечатление.

— Вот как?

— Да. В особенности на Карла. Он хочет как можно скорее увидеть твои работы. Он очень заинтересован.

Отхлебнув шампанского, я пожимаю плечами. Рэйчел забирает у меня хрустальный бокал, ставит его на балюстраду. Потом поворачивается лицом ко мне и берет меня за руки.

— В чем дело? Я думала...

— Ты думала, я хотел всего этого? — Я смотрю на простирающиеся перед нами сады. — Не знаю, Рэйчел. Все это охерительно — вечеринка, шампанское, интерес, — но я всегда думал, что добьюсь успеха самостоятельно. Я даже не представлял, что мне придется пробиваться наверх через постель.

Я слышу, как она резко вдыхает.

— Я не верю, что ты серьезно. Ронан, эти слова тебя недостойны.

— Извини. Ты этого не заслуживаешь, но разве это не правда? Если бы мы не потрахались, я бы не стоял сейчас здесь и не разговаривал о том, чтобы показать свои работы Карлу Брансвику. Я по-прежнему был бы никем, на которого всем насрать.

— Я бы назвала это счастливым стечением обстоятельств, — негромко добавляет она. — Но на самом деле тебя беспокоит вовсе не это — или не только это, — ведь так?

Я молчу, глядя на холмы перед нами.

— Просто я всегда был уверен, что пробиваться человек должен сам.

Она ловит мое лицо, заставляя посмотреть на себя.

— Ронан, послушай меня внимательно. Как бы Карл ни любил меня, он не станет рисковать своей репутацией или бизнесом только потому, что я с тобой сплю. Если он увидит в твоих работах потенциал, то даст тебе шанс. Если же нет — то не станет скрывать свое мнение. Если ты пробьешься наверх, то исключительно благодаря себе самому, а не мне.

Я открываю рот, чтобы заметить, что без нее у меня не было бы и возможности шанса, но она перебивает меня.

— Перестань, упрямый ты человек. Я всего лишь подтолкнула тебя в правильном

направлении. Все остальное сделает твой талант. А теперь замолчи и поцелуй меня. — Она притягивает меня к себе. Наши губы почти что соприкасаются. — Поцелуй меня.

Она не переубедила меня, но я все равно целую ее. Ищу в ее губах спасения от своих мыслей, хочу ее тело и то облегчение, которое она может мне предложить в этот момент. Когда мы отрываемся друг от друга, я хватаю ее за задницу, обтянутую мягкостью шелка, и втираю в ее промежность свой набухающий член.

— Идем в спальню.

— Я не могу оставить гостей, — выдыхает она, но ее подернутые страстью глаза говорят совершенно противоположное.

— Да плевать мне на них. Я хочу тебя, а ты хочешь меня. Или ты предпочтешь, чтобы я взял тебя прямо перед всеми твоими гостями?

Она стонет, ее дыхание ускоряется.

— Ты этого не сделаешь.

Радуюсь, что мы стоим в уединенном месте, я стягиваю с ее плеч бретельки и, обнажив ее груди, зарываюсь между ними лицом.

— Сделаю, и ты это знаешь.

Я посасываю, покусываю ее сосок, омываю языком его кончик.

— О боже.

— Прибереги это на потом, крошка.

Она смеется, и ее горловой, хрипловатый смех для моего слуха как секс.

— Что же мне с тобой делать, Ронан?

— Как что? Естественно, до полусмерти оттрахать меня. А теперь идем, пока мы не устроили им незабываемое представление.

По пути в спальню она спрашивает:

— Кем была та девушка, с которой ты разговаривал, как только пришел?

А. Значит мы все-таки обратили внимание.

— Никем важным.

В спальне я говорю ей сесть в кресло возле кровати.

— Зачем?

— Увидишь.

Опустившись на колени, я стягиваю вниз ее стринги и раздвигаю ее ноги.

— Тебе нравится вечеринка, Ронан? — мягко спрашивает она. Ее глаза закрыты, голова откинута на спинку кресла. Пальцами погружаясь мне в волосы, она притягивает меня к себе.

— Теперь да, — отвечаю я перед тем, как забыться в ее вкусе на языке.

Глава 14

На следующее утро я звоню в офис и сообщаю Джине, что сегодня меня на работе не будет. Все равно я не нужен ей — Лоренс еще не вернулся, а Блэр, судя по всему, сделала своим постоянным водителем Тони. Ну и ради бога, думаю я про себя, пусть эти слова и звучат фальшиво и пусто.

Я возвращаюсь в постель и смотрю, как обнаженная Рэйчел улыбается мне, пытаюсь натянуть на себя простыню и прикрыться.

— У тебя не будет проблем?

Я качаю головой. Наши взгляды встречаются.

— Убери простыню. Дай мне посмотреть на тебя.

Она заливается краской, однако позволяет ткани водопадом соскользнуть со своего обнаженного тела, и я, будто загипнотизированный, впитываю открывшееся мне зрелище — разметавшиеся по плечам светлые волосы, розовые соски, столь соблазнительные мягкие формы. Пока Блэр по-прежнему трахает мне мозги, я ищу успокоения в теле Рэйчел.

— Раздвинь ноги, — шепчу я хрипло.

Рэйчел слушается — такая застенчивая, неуверенная в себе. Ее глаза маняще горят. Лаская свой член, я становлюсь перед ней на колени. Я снова ее хочу.

— Проблем не будет. Моего босса нет в городе.

— Значит, днем ты водитель? — спрашивает она, следя за движениями моего кулака.

— Среди прочего.

Она наблюдает за мной, а я склоняюсь над нею, беру ее за запястья и завожу руки ей за голову. Ее зрачки от возбуждения расширяются. Губы приоткрываются, и я целую ее — грубо и глубоко. От этого жадного поцелуя у нас обоих перехватывает дыхание, а внутри разгорается пламя. Опустив голову, я прикусываю ее плечо, потом захватываю ртом ее грудь и, пока она мурлычет мне в ухо, ласкаю языком ее сосок до тех пор, пока он не становится болезненно твердым.

Она выгибает спину, вдавливая пятки в матрас.

— Ронан, прошу тебя... — Горящий на ее скулах румянец ползет вниз и заливает ей шею. Я вижу, как часто вздымается ее грудь, чувствую ее нарастающее отчаяние.

Не отрываясь от ее кожи, я улыбаюсь.

— Что ты хочешь?

Она качает головой.

— Нет, Ронан... Я...

— Покажи мне, — говорю я, а после кусаю ее за шею.

Рэйчел тянется вниз, и ее маленькая рука обхватывает мой член. Выгнувшись, она начинает тереть себя мною, увлажняя головку, заставляя меня дрожать, сводя нас обоих с ума, затем приставляет набухшую головку к своему входу и, взявшись за мою задницу, заставляя войти в свою мокрую тесноту. Она обхватывает меня ногами, выдыхает, и когда я оказываюсь в ней до упора, у меня вырывается стон.

Удерживая одно ее запястье, я начинаю трахать ее медленными, размеренными толчками, чувствуя, как стенки ее промежности растягиваются для меня, сжимаются вокруг моей плоти.

— Что ты... — стонет она. *Внутрь*. — ...творишь со мной... — *Наружу*. — Я не могу насытиться тобой... — *Внутрь*. — И Карл ждет... — *Наружу*.

— Подождет. Я завтракаю.

Отпустив ее руки, я приподнимаюсь над нею и продолжаю вторгаться в нее, входя и выходя с каждым разом все дальше. Мои руки дрожат, а ее тело содрогается подо мной. У меня темнеет перед глазами. Ее всхлипы становятся все безнадежней. Ритм сейчас быстрый и жесткий. Беспощадный. Нетерпеливый. И только разрядка способна успокоить лихорадку, распространяющуюся в наших телах.

Я прекращаю двигаться. Все мое тело дрожит от мучительной необходимости кончить. Не выходя из нее, я продлеваю пытку, оттягиваю наслаждение, пока она отчаянно крутит бедрами в погоне за своим собственным высвобождением.

— Ронан... Я не могу больше. Мне нужно...

— Трогай свой клитор, Рэйчел. Чувствуй меня в себе.

Глядя туда, где мы соединены в единое целое, я вижу, как она ласкает себя, как поглаживает мой член — покрытый ею, поблескивающий ее страстью. Я выпускаю стон. Теряя самоконтроль, начинаю вторгаться в нее снова и снова, погружаясь все глубже и глубже, все сильнее и сильнее. Я слышу, как стучается о стену спинка кровати, как сердито дребезжит зеркало, висящее на стене, как громко стонут пружины, пока крики Рэйчел становятся громче с каждым толчком.

— Пожалуйста, — молит она хриплым голосом. — Я не могу...

— Можешь. Еще и еще.

Я трахаю ее все сильнее. И когда стенки ее промежности начинают сжиматься вокруг меня, накрываю ее рот своим ртом. Глотая ее крики, я увожу нас за край и кончаю в нее.

Стоя на кухне, мы с Рэйчел наблюдаем за Карлом, который в гостиной просматривает мои фотографии, и ждем, когда он решит мое будущее. Забавно иногда случается в жизни. Каких-то две недели назад я полагал, что достиг дна. Моя жизнь лежала в руинах. У меня была бесперспективная работа и разбитое сердце. Потом я познакомился с Рэйчел, и вот у меня дома находится и оценивает мои работы Карл Брансвик.

Рэйчел подталкивает меня плечом.

— Ты такой тихий. О чем задумался?

Я встречаю ее взгляд и усмехаюсь.

— Вспоминаю о завтраке.

Она улыбается. Забывшись в воспоминаниях о сегодняшнем утре, мы замечаем, что Карл подошел к нам, только в момент когда он оказывается всего в двух шагах.

— Ронан, мальчик мой, Рэйчел не ошибалась. Ты и впрямь очень талантлив. — Он бросает взгляд в сторону Рэйчел. — Милая, ты хорошо себя чувствуешь? Ты вся горишь.

— Просто... здесь очень жарко. Все хорошо. Прошу прощения. — Взгляд ее голубых глаз мягкий и затуманенный. — Мне нужно воспользоваться уборной. — Сделав несколько шагов, она останавливается, поняв, что не знает, куда идти. — Ронан, сюда?

— Давай я тебя провожу. — Я оглядываюсь на Карла, который многозначительно улыбается нам. — Прошу прощения.

Я веду ее за собой и, как только мы выходим из поля зрения Карла, прижимаю к стене, так что бугор у меня в штанах упирается в мягкое, теплое место у нее между ног. Похозяйски накрыв ладонями ее круглую задницу, я склоняюсь к ее лицу.

— Перестань краснеть, или мне придется взять тебя снова.

— Нет... там же Карл... — Она откидывает голову, предлагая себя, и закрывает глаза.

— Плевать.

Она хрипло смеется.

— Ты еще не наелся? Я еле хожу.

— Нет, Рэйчел. — Прижав нижнюю часть ее тела к себе, я впечатываюсь своим членом в ее модную юбку, накрываю поцелуями ее шею, задеваю губами жемчужины ожерелья, холмики вздымающихся под блузкой грудей. — Даже и близко — нет.

— Ронан, прошу тебя. Будь серьезен. — Она сглатывает. За шею тянет меня к себе, и ее

тело, вопреки словам, с готовностью встречает меня.

Я откидываю ее прямые, идеально гладкие волосы в сторону и присасываюсь к ее шее, помечая ее.

— О боже... Да, Ронан. Хорошо. Все потом.

Я отпускаю ее и ухмыляюсь, как последний ублюдок, пока смотрю, как она уходит на подкашивающихся ногах — с горящими глазами, с жаром, разливающимся на щеках.

В гостиной я застаю Карла за разглядыванием очередной фотографии. Заметив меня, он кладет снимок обратно на стол и возвращается на мою крохотную кухню.

— Ты очень талантливый молодой человек. Даже удивительно, что ты так долго не попадался мне на глаза.

— Спасибо. Думаю, я никогда не занимался карьерой всерьез. Всегда на пути вставала жизнь.

Вскоре после того, как я поступил в арт-колледж, моя сестра забеременела. Я был обязан помочь ей и потому отложил свои мечты в дальний ящик. Бросил колледж и устроился на работу. Мы не могли и дальше сидеть на шее у бабушки с дедушкой. Потом, спустя пару лет, в дверь постучался еще один шанс. Эдгар познакомил меня с арт-дилером, которому попала на глаза и понравилась моя съемка для одного малоизвестного журнала мод. Мы договорились о встрече у него в галерее за день до его отъезда в Милан. Но перед встречей мне позвонили из школы. Олли упал с брусьев на детской площадке и сломал себе руку. Джеки, которая уже начала работать, не могла отпроситься с работы, а наши бабушка с дедушкой навещали друзей во Флориде. Так что я позвонил арт-дилеру, извинился и сказал, что не приду. Мы так никогда и не встретились.

— Ясно... Можно один совет?

— Да? — Я выгибаю бровь.

— Будь с нею добр. Она только что пережила довольно гадкий развод.

Прислонившись к холодильнику, я складываю руки на груди.

— Мы просто развлекаемся, вот и все.

Он снимает свои очки и начинает тщательно протирать их платком.

— Все это весело лишь до тех пор, пока кому-то не станет больно, нет?

— При всем уважении, то, чем мы с ней занимаемся, вас не касается.

— Разумеется, но...

— Она взрослая женщина и знает, что делает.

— Да, но знаешь ли ты?

Я хмурюсь.

— В смысле?

— У меня есть ощущение, что ты ведешь очень опасную игру, Ронан. Таковую, которая впоследствии причинит боль многим людям. Знаешь, что я думаю?

— Просветите меня.

Карл смотрит на меня так, словно может видеть сквозь все мои стены.

— Я думаю, ты гонишься не только за славой, но за чем-то еще, что мы с Рэйчел не в состоянии тебе дать. Я могу ошибаться, но это случается редко.

Возвращение Рэйчел вынуждает нас замолчать, и я заставляю себя разжать челюсти, чтобы улыбнуться ей, пока она внимательно наблюдает за нами.

— О чем это вы разговаривали? У вас такие серьезные лица.

Глядя на Карла, я беру Рэйчел за руку. Подношу ее к губам и целую.

— Ни о чем важном.

— Так что ты думаешь, Карл? — Она улыбается нам обоим. — Как по-твоему, Ронан взорвет мир искусства?

Он откашливается, но убрать с лица выражение обеспокоенности у него не выходит, и у меня, пока я смотрю на него, возникает ощущение, что в глубине души он хочет, чтобы я отказался от их помощи. Своим молчанием он предоставляет мне шанс поступить правильно и уйти от Рэйчел, но дело в том, что мне надоело поступать правильно. Впервые в жизни я хочу думать лишь о себе.

И продолжаю молчать.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, Рэйчел. Вопрос в том, мальчик мой... — он поворачивается лицом ко мне, — готов ли ты сам?

Итак, игра продолжается, но я нисколько не удивлен. Дело в том, что несмотря на все свое беспокойство о Рэйчел, Карл не может скрыть жадность, которую написана у него на лице. Он хочет мои работы так же сильно, как Рэйчел хочет меня самого.

Я пожимаю плечами.

— Я позвоню своим контактам в The New York Minute, The City и Vanity. Кто-нибудь из них набросает твою биографию. Нам нужно начать генерировать шум. Ты показал мне все, что у тебя было? Ты сейчас работаешь над чем-то еще?

Кивнув, я коротко описываю ему идею того, что мне хотелось бы сделать дальше.

— О! Ну ты, негодник! — Он взволнованно потирает руки. — Это будет великолепно.

Остаток часа они проводят, обговаривая детали и размечая все мои будущие шаги на дороге к успеху (или к гибели). По мере того, как их голоса, заполняющие мою кухню, начинают сливаться в бессмысленный шум, у меня перед глазами возникает образ из прошлого: моя мама, стоящая на коленях и перевязывающая загрубевшие, покрытые мозолями руки отца.

— ...Ноэль, ты слишком много работаешь. Посмотри на свои бедные руки.

— Неправда. Встань, Джозефина. Ты же знаешь, мне не нравится, когда ты стоишь на полу на коленях. Не думай о моих руках. Я ими горжусь. Они дают нам крышу над головой, одевают и кормят нашу семью. И для меня это главное.

— Но...

— Любовь моя, никаких «но». Я хочу, чтобы Ронан и Джеки знали, что если изо дня в день упорно трудиться, то добиться можно всего. — Он берет мамино лицо в ладони и с любовью заглядывает в ее глаза. — И что мечты на самом деле сбываются...

Я трясусь головой. *Что я делаю?*

— Подождите. Я еще не сказал «да». Мне надо подумать.

Внезапно они оба начинают смотреть на меня, как на теленка с двумя головами. Рэйчел кладет ладони на стойку.

— В каком смысле «подумать»? Мне казалось, вчера вечером мы все это обговорили. Карл предлагает тебе шанс, который выпадает раз в жизни. Шанс, за который люди готовы убить.

— Я понимаю, но...

Неумолимая, она меня игнорирует.

— Он хочет поставить на кон свое имя ради тебя, потому что считает, что ты далеко пойдешь. Только представь — твое лицо на обложках журналов, статьи о тебе, интервью с тобой, вечеринки, люди, которые восхищаются тобой и твоими работами. — Она делает

паузу. — Ты больше не будешь стоять, будто незначительный гость, около выставки Эдгара Хуареса. В следующий раз это будет *твоя персональная* выставка, и люди придут туда *исключительно ради тебя*.

Карл изучает свои наманикюренные ногти.

— Она права, Ронан. Достоинство с гордостью не вытащат тебя... — он оглядывает мою квартиру, — из этого места.

Я запускаю обе руки в свои волосы, борясь с желанием дернуть за них.

— Я не сказал «нет». Мне просто надо немного подумать, окей? Дайте мне передышку.

Карл похлопывает меня по плечу.

— Мы лишь пытаемся помочь тебе. А ты, мальчик мой, ведешь себя так, словно продаешь душу дьяволу.

Но почему я чувствую именно это?

Позже, пока нас везет ее «кадиллак-эскалейд», Рэйчел дотягивается до моей руки и спрашивает:

— Чего ты так сильно боишься?

Я перевожу взгляд за окно и вижу пару синих глаз, которые глядят на меня.

— *Я трахаюсь за деньги, ясно? — Она смотрит на меня с жестокой усмешкой на до боли прекрасном лице. — И, откровенно говоря, не похоже, что ты потянешь мой ценник.*

— Получить то, что хочу.

Глава 15

Блэр

Когда открывается дверь, я сижу у туалетного столика и готовлюсь к сегодняшней костюмированной вечеринке.

Пока я, подняв лицо, смотрю в отражении зеркала, как Лоренс идет через комнату — такой мужественный и вместе с тем безукоризненно элегантный, из прически не выбивается ни волосок — во мне нарастает необъяснимая грусть. Мой заботливый и нежный любовник, каким он был неделю назад, бесследно исчез. И его взгляд в зеркале доказывает мою правоту. Тот огонь, та страсть и игривость, которые были со мной несколько коротких замечательных дней, испарились, и от чувства утраты мне хочется заскулить. Его лицо опять стало бесстрастной и отстраненной маской. Но в глазах появилось новое — лед.

После своего возвращения несколько дней назад Лоренс не сказал мне практически ни единого слова. Он трахает меня, получает удовольствие от моего тела, но шуточные разговоры, интимность... ничего этого больше нет. Теперь все начинается и заканчивается в его спальне. Что-то изменилось, но что именно, я не могу объяснить.

Я покрепче сжимаю кисть для румян. Мне ненавистно то обстоятельство, что его отчужденность угнетает меня, что его холодность оказывает на меня влияние — что мне больно. Я знаю, я сама на все это подписалась. Я сама этого захотела. Но мне казалось, что перед тем, как Лоренс уехал из города, между нами произошло нечто особенное. Я думала... сама не знаю, о чем. Мне ясно одно: после его возвращения из поездки все стало иначе. Хмурясь, я смотрю на свое отражение и наконец признаюсь себе, что скучала — что мне не хватало его.

В повисшей тишине, долгой и неудобной, мы глядим друг на друга, и я не вижу в его глазах ни проблеска смеха или эмоции. Надеюсь скрыть от него свои чувства, я

отворачиваюсь к своему покрасневшему отражению в зеркале.

— Я почти все, — говорю, протягивая руку к помаде.

Нанося на губы тот же оттенок красного, что и мое алое платье от Валентино, я чувствую, как Лоренс становится за спиной, еще до того, как мне на плечи ложатся его холодные руки. Сложно поверить, что те же самые руки еще недавно ласкали меня так умело и страстно. От этой мысли меня охватывает печаль.

— Лоренс... Я...

Я схожу с ума, пытаюсь понять, что изменилось. Неужели я все придумала? Ту мягкость в твоих глазах, ту твою нежность? Неужели мне показалось, что мы на миг перенеслись в начало чего-то, что я не могу ни понять, ни описать, но сердцем знаю, что это было прекрасно? Я хочу быть с ним честной, но мне мешает ледяное отчуждение в его взгляде. Я напоминаю себе, что наши отношения — исключительно деловые. Ни больше, ни меньше.

— Да? — Он медленно гладит мои ключицы. Ласка легкая, точно перышко, и вызывает во мне желание откинуться на него.

Мне не хватает смелости договорить.

— Ничего. Забыла, что хотела сказать.

Отпустив мою шею, Лоренс кладет передо мной черный футляр.

— Открой, — приказывает он голосом, от которого у меня слабеют колени.

Я беру футляр с туалетного столика и делаю, как было велено. И ахаю от неожиданности при виде знакомого ожерелья.

— Это оно? — Я поднимаю взгляд к его отражению в зеркале. — Не может быть. — Недоверчиво кручу головой. — Ты не мог.

— Естественно, мог, и это оно. — Он вынимает ожерелье из его шелкового белоснежного ложа. — Подними, пожалуйста, волосы.

Выполнив его указание, я смотрю, как Лоренс оборачивает мою шею нитью бриллиантов с рубинами. Поднимаю руку и кончиками пальцев веду по рядам камней, образующих розу. То самое ожерелье, которым я любовалась в музее в ночь нашей встречи. Он не шутил, когда сказал, что может себе позволить его.

— Почему? — спрашиваю я, встречаясь с ним взглядом.

Он безразлично пожимает плечами.

— Спасибо, Лоренс, но это уже чересчур. Даже для меня.

— Кто бы мог подумать. — Он смотрит на меня с таким холодным презрением, что я даже опешиваю. И опускаю голову, покраснев от стыда.

— Нет, не опускай голову. Посмотри на меня. Я хочу полюбоваться тем, за что заплатил.

Я выполняю приказ, и наши взгляды сталкиваются в отражении зеркала. Он поднимает руку и костяшками пальцев обводит мои ярко горящие скулы.

— Тебе не идет скромность, Блэр. В конце концов, разве не этого ты от меня хочешь?

Он опускает одну руку в глубокое декольте моего платья. Когда его пальцы входят в контакт с моей кожей, я вздрагиваю от страха... а может, от предвкушения. Как бы то ни было, я не могу отрицать, что его прикосновения поработили меня.

— Разве не этого ты от меня ждешь? — продолжает он.

Я задерживаю его руку, останавливая на полпути движение его пальцев.

— А тебе не идет жестокость, Лоренс. Но да, я хочу от тебя только этого. — Я делаю

паузу, собирая в кулак всю свою храбрость, чтобы солгать ему. И овладев эмоциями, пренебрежительно усмехаюсь. — Чего еще здесь можно хотеть, кроме денег?

Я нацеливаюсь на то, чтобы ранить его — хотя бы словами, раз на данный момент другого оружия нет. И не промахиваюсь, но опять же, такое случается редко. Вижу вспышку эмоций в этих его леденяще-спокойных зеленых глазах. Хорошо.

Он холодно улыбается.

— Вот она, та Блэр, с которой я познакомился. Полная ненависти и яда, и все же невыразимо прекрасная.

Я отпускаю его, и загорелая рука Лоренса продолжает движение за вырезом моего платья, скользя по груди, пока я слежу за блеском его дорогих «пиаже».

— Смотри на нас, — командует он.

Его рука опускается все ниже и ниже. Ткань натягивается — его не заботит то, что платье может порваться. Когда он задевает мое бедро, я непроизвольно развожу ноги в стороны, и Лоренс вставляет в меня один палец, затем, наблюдая за мной, добавляет второй. Тянет закрыть глаза, но я не могу — и не стану. Я хочу запомнить все, что он со мной делает, хочу впечатать происходящее в память, чтобы после, оглядываясь назад, не испытывать ни боли, ни грусти, ни сожалений.

Лоренс вынимает из меня пальцы, подносит к своим губам. Пробует меня. Затем опять опускает руку и входит — на сей раз сразу тремя пальцами, смазанными своей слюной и реакцией моего тела. Мое дыхание обрывается, пульс подскакивает так, что я хватаюсь за край туалетного столика и, чтобы не застонать, закусываю губу. Я не выдам, что он творит со мной. Не доставлю ему этого удовольствия. Его пальцы начинают двигаться то внутрь, то наружу, яростно вталкиваясь в меня, отчего моя голова начинает кружиться от наслаждения, переплетенного с болью. Или наоборот?

В воздух проникает сладкий и пикантный аромат секса. Мне слышно, как в моей промежности собирается влага, пока его жестокие пальцы совершают божественные, безжалостные толчки. Я чувствую его всем своим существом, его имя пропитывает меня до мозга костей.

Потирая большим пальцем мой клитор, он трахает меня, восхитительно сгибая пальцы и задевая мою точку G. По щекам девушки в зеркале растекся огненный, жаркий румянец, ее глаза затуманены похотью. Дыхание Лоренса ускоряется, и я изнываю от неудовлетворенной страсти, пока он, продолжая пальцами трахать меня, утягивает меня в небытие. Перед глазами мутнеет. Мое тело горит. Я тону. Я взлетаю. Все поет, все взрывается. Я кончаю. Я распадаюсь на части. Это чистый экстаз.

Придя в себя, я смотрю, как его рука выскользывает из моего тела. Он поднимает ее и влажными пальцами ведет по моим губам.

— Открой рот, — приказывает он.

Я не реагирую, и тогда он насильно вталкивает пальцы мне в рот, заставляя почувствовать свой собственный вкус. Вытащив пальцы, он накручивает мои волосы на кулак и оттягивает мою голову, вынуждая посмотреть на себя. Нависнув надо мной, он со злостью шипит:

— Попробуй, что можно купить на мои чертовы деньги.

Наклонившись, Лоренс впивается губами в мой рот, затем, оборвав поцелуй, отпускает меня и уходит к двери, где в последний раз оглядывается на меня. Он выглядит собранным и, черт бы его побрал, таким равнодушным.

— Я подожду тебя внизу. — Он делает паузу. — Ты очень красивая в этом платье.

— Тебе нравится? — Я мило улыбаюсь ему, ощущая себя полной дешевкой. — Хотя, как же иначе. Оно ведь тоже куплено на твои деньги. — Когда он выходит, я открываю помаду и провожу ею по губам еще раз.

Не чувствуй.

Чего ты ждала? Он просто очередной мужчина.

Костюмированная вечеринка проходит в доме Алана Вандерхолла, друга Лоренсовой семьи. Величественное поместье в Гринвиче похоже на то, что обычный человек может увидеть только в кино. При виде дома — пусть он и меньше особняка Лоренса на Лонг-Айленде — я разеваю рот. *Откуда, черт побери, берутся все эти богачи?*

Дорога освещена японскими бумажными фонарями, деревья окутаны сеткой мерцающих огоньков. Невероятное зрелище.

К моменту, когда мы заходим в дом, мне кажется, что я сплю и вижу очень яркий, красочный и богатый сон. Пока Лоренс снимает пальто и передает его батлеру, я веду взглядом по холлу. Мои глаза задерживаются на хрустальных светильниках, которые сияют точно небольшие созвездия, на сотнях, нет, тысячах цветов во всех уголках, на океане людей, скрытых за масками. По коридорам особняка будто струится какая-то магия, которая заставляет мое сердце взбудораженно биться.

На Лоренсе маска с изображением китайского дракона. Сложный рисунок и яркие краски превращают ее в настоящее произведение искусства, и в сравнении с ней моя полумаска черного лебедя кажется слишком простой, но опять же, на свете вряд ли существует женщина или мужчина, которые могли бы затмить величие Лоренса.

Стоит нам появиться, и толпа замолкает. Головы поворачиваются к нам, и я сквозь бешеное биение сердца перестаю слышать оркестр. Я почти ожидаю, что Лоренс уйдет от меня, как когда-то ушел Уолкер в музей, но внезапно мне на поясницу ложится его ладонь, крепкая и уверенная.

Удивленно подняв лицо, я обнаруживаю, что Лоренс пристально смотрит на меня этими своими загадочными зелеными глазами.

— Идем, — приказывает он. Я не решаюсь, и тогда он добавляет помягче: — Тебе нечего бояться. Ты со мной. Я не отпущу тебя.

— Я не боюсь, — лгу я, вздергивая подбородок. Он явно не верит мне, и меня раздражает то, с какой легкостью он считывает всю мою ложь.

Его рука обнимает меня за бедро.

— Тогда пошли. Покажи им, из чего ты сделана.

Мгновение, которое кажется вечностью, мы глядим друг на друга, а потом, уступив его просьбе, я решительно шагаю вперед. Что бы он ни чувствовал ко мне и чем бы ни было то, что случилось между нами в особняке, я не сомневаюсь в одном: за свои слова Лоренс всегда отвечает. Он не отпустит меня, и эта мысль дарит мне ощущение безопасности.

Он представляет меня Бену Стэнвуду, своему адвокату — мужчине с приятнейшими глазами цвета теплого меда и лицом, закрытым полумаской пантеры. После короткого обмена любезностями я, извинившись, ухожу искать дамскую комнату.

На обратном пути я вижу, что Лоренс общается с группой людей, и, чтобы не мешать

ему, ухажу в бальный зал — посмотреть, как кружатся под музыку пары. Я останавливаюсь у колонны около входа, полускрытой за высоким коктейльным столиком, и прислоняюсь затылком к прохладному мрамору. Отсюда открывается прекрасный вид на танцпол. Когда ко мне кто-то подходит, я, погружившись в мысли, смотрю, как мужчины и женщины танцуют медленный танец. Я чувствую его тепло еще до того, как он заговаривает, и мой пульс предательски ускоряется. Он берет меня за руку и крепко сплетается со мной пальцами. Когда мелодия подходит к концу, повисает долгая, гулкая пауза.

— Потанцуй со мной? — наконец просит он хрипло. Вопрос напоминает мне о другом моменте, когда он пробормотал те же слова. И мой пульс подскакивает при этом воспоминании.

Не в силах ответить отказом, я поворачиваюсь к нему. Лоренс снимает с нас маски и кладет их на столик.

— Так-то лучше. — Он касается моей щеки с такой нежностью, что у меня сжимается сердце. — Теперь я могу тебя видеть.

Сквозь расступаящуюся перед нами толпу Лоренс заводит нас на середину танцевальной площадки. Мое сердце не прекращает гулко стучать. Он кладет мою дрожащую левую руку себе на плечо, стискивает правую одной своей рукой, а второй обвивает мою талию, сокращая расстояние между нами. Мы так близко, что я чувствую жар его тела, слышу в его дыхании запах шампанского, вижу, как его глаза поглощают мое лицо — лед медленно тает, и они вновь начинают сиять теплым светом.

Когда оркестр приступает к следующей композиции, мы начинаем двигаться. Я больше не думаю. Я окружена волшебством. Мы снова на Кони-Айленде. На пляже. У меня в спальне. Неделя без него и то, что случилось между нами по его возвращении, кажется теперь не более, чем уродливым сном.

Прикрыв ненадолго веки, я плыву в объятьях мужчины, который держит меня, словно нечто бесценное. Это пьянящее ощущение. Открыв глаза, я вижу на себе его взгляд. И чувствую себя самой прекрасной женщиной в этом зале — и во всем мире. Я вижу перед собой только его. Чувствую только его руки и тело, его дурманящий запах. Он больше не незнакомец, каким был в начале этого вечера. Он мой Лоренс, мужчина, который обнимал меня, пока я плакала. Мой друг.

Наклонившись, он прикладывается к моему лбу в ласковом поцелуе, так отличающемся от предыдущих, наполненным чем-то, что я боюсь осознать.

— Прости меня.

В его голосе столько невысказанных слов, что у меня в груди разливается тепло, а в животе начинают беспорядочно метаться бабочки. Может, это делает меня доверчивой душой, но прямо сейчас я безоговорочно верю в то, что он искренен. Спрятав лицо у него на груди, я говорю:

— Ты меня тоже прости.

Он перестает танцевать.

— Посмотри на меня, Блэр.

Я поднимаю лицо, и он берет мои щеки в ладони.словно загипнотизированная им, я кладу поверх его ладоней свои и тихо спрашиваю его:

— Лоренс, что изменилось?

— Бесполезно. Как ни пытался я задушить свою лю... — Он делает паузу. Его прикосновение становится более собственническим, более напряженным. — Неужели ты

правда не видишь? — с мольбой произносит он, и в его голосе вибрирует глубокая страсть.

Я в ошеломлении трясую головой. Лоренс улыбается болезненно нежной улыбкой. В ней столько красоты, что я готова заплакать.

— Я ревную ко всем мужчинам, которые смотрят на тебя. Я ревную ко всем, кто был у тебя до меня. Я хочу, чтобы ты была моей и только моей.

Он прижимается губами к моим губам и одним этим волшебным, завораживающим поцелуем прогоняет весь мой внутренний несмолкаемый шум. Разум твердит мне, что это всего лишь очередной поцелуй мужчины без сердца, но мое собственное сердце просит прислушаться к его молчанию, просит почувствовать и понять, что его тело пытается до меня донести — но это не может быть правдой...

Он отстраняется.

— Любовь моя, — шепчет хрипло, — изменилось все.

Я в оцепенении, я словно сплю, все это будто бы не со мной, но у меня кое-как получается вымолвить:

— Лоренс... я...

Я замолкаю, краем глаза увидев, как какой-то человек снимает с лица маску. Я бы не обратила внимания, но что-то в нем кажется мне знакомым. Повернувшись, чтобы присмотреться получше, я вижу, что он разговаривает со светловолосой женщиной, своей спутницей. Спустя бесконечное мгновение он лихо улыбается ей, наклоняется к ее шее и целует туда. И мое сердцебиение останавливается. Возникает ощущение, что меня сейчас вырвет — боль и ревность бьют меня в грудь.

В момент, когда его губы опускаются на ее бледную кожу, Ронан поднимает взгляд и смотрит мне прямо в глаза.

Глава 16

— Ты так побледнела. Все хорошо?

— Все нормально. Не беспокойся... Просто я... извини. — Я отпускаю Лоренса и оставив его стоять посреди бального зала, спешу выбежать из помещения. Я бегу, наткнувшись на сердитых гостей и официантов, пытающихся не уронить подносы с шампанским и деликатесами. Я бегу, спасаясь от Ронана, Лоренса, от боли, в которой тону, бегу, не останавливаясь, пока не оказываюсь снаружи, в саду, окружающем дом.

Перед глазами мелькают картинки — Ронан с той женщиной, его губы на ее коже, то, как интимно он целовал ее. Ревность запускает свои острые когти мне в грудь, и у меня темнеет перед глазами. Я твержу себе, что не имею права на такую реакцию, что я сама его отпустила, что мне должно быть плевать на то, что он с ней, однако убедить себя не выходит. Мозг приказывает забыть его, но сердце — мое глупое, вероломное сердце — не поддается.

Когда мое дыхание наконец-то выравнивается, я перехожу на шаг и несколько минут бесцельно брожу, сосредоточив внимание на окружающем мире. Мои высокие шпильки проваливаются в мягкую землю. Хруст травы — единственное свидетельство того, что я здесь. После недавнего дождя в воздухе висит запах земли и осени.

Дойдя до фонтана, спрятанного за увитой цветами беседкой, я останавливаюсь. Здесь темноту озаряет только свет серебристой луны. Звуки музыки, доносящиеся издалека, ласкают мне душу в такт ласкающему кожу осеннему бризу. Когда мимо проносится порыв

ветра, от которого листья на деревьях пускаются в пляс, я отмираю. Поднимаю лицо и смотрю в небо, надеясь, что спокойствие мира вокруг усмирит мой внутренний шум.

Бесполезно.

Я устало обхватываю себя за живот и впервые за вечер позволяю себе снизить бдительность. Я без сил. Мне хочется одного: свернуться в клубок и заплакать.

Я горько смеюсь. Сколько бы я ни пыталась сбежать от Ронана, он всегда меня настигает.

Вздыхнув, я решаю, что пора вернуться на вечеринку. Стремление отправиться напрямиком к Лоренсу, к его надежным объятьям становится неодолимым. Меня гложет чувство вины, но думать получается только о том, чтобы скорее вернуться к нему и обрести утешение в его руках и в его завораживающих поцелуях.

Пока я поправляю платье, сзади вдруг раздаются чьи-то шаги. Подумав, что это Лоренс, я натягиваю на лицо фальшивую улыбку и оборачиваюсь.

— Прости. Я не хотела вот так убежать... просто я...

— Привет, Блэр, — слышу я мужской голос, и меня бросает одновременно в холод и в жар.

Я пытаюсь сглотнуть, но такое ощущение, что мой рот забит ватой.

— Что ты здесь делаешь?

Мой ночной спутник выходит из тени, позволяя мне увидеть мучительно прекрасные черты своего лица. В этом дорогом смокинге он выглядит совсем другим человеком. Недостигаемым. С зачесанными назад каштановыми волосами и чисто выбритым лицом он похож на незнакомца. Пока он идет ко мне, я замечаю, что еще он стал гораздо самоуверенней.

— Наслаждаюсь *твоим* миром, Блэр, — отвечает он, улыбаясь. В его улыбке нет былого тепла, от которого у меня все трепетало внутри.

— Правда? И как тебе? Нравится?

Он пожимает плечами.

— Вполне.

Я знаю, что лучше смолчать, но не могу удержаться. Я должна это выяснить.

— Не знала, что ты увлекаешься женщинами постарше. — Мои глаза, изголодавшиеся по нему, путешествуют по всей длине его тела. Я замечаю на нем дорогие часы. Из тех, что он бы не смог позволить купить себе сам. — Трахаешь ее ради денег?

Он нагло улыбается мне.

— Как я уже сказал, я наслаждаюсь твоим миром и *всем*, что к нему прилагается.

Я смеюсь, пытаюсь скрыть то, как сильно он меня ранил.

— О, как низко могут пасть даже благороднейшие из нас.

Невозмутимо — словно моя насмешка не задела его — Ронан достает из внутреннего кармана своего черного пиджака пачку «мальборо». Вытряхивает из нее сигарету, сует в рот и прикуривает. Глубоко затянувшись, он запрокидывает голову и выдыхает дым в небо. И я, глядя на него, понимаю, что он изменился не только внешне. Он изменился *весь*. Раньше его не окружала аура безбашенности и уверенности в себе. Теперь он всем своим обликом заявляет, что плевать хотел на то, что о нем думают люди. И вместе с тем умудряется выглядеть, как чистый секс.

— Ты в курсе, что курение убивает? — Я забираю у него сигарету, подношу к губам и затягиваюсь. — Не знала, что ты куришь, — говорю и, вернув ее, выпускаю дым.

В момент, когда наши пальцы соприкасаются, а взгляды встречаются, меня прошивает дрожь.

— Есть способы умереть и похуже.

Неожиданно он касается моего ожерелья. Пальцами ведет по нему и саркастически хмыкает.

— Как мило, Блэр.

Я бью его по руке.

— Не трогай меня.

— Забавно. А ведь было время, когда ты упрашивала меня об обратном.

— Серьезно? Не припоминаю такого, — роняю я пренебрежительным тоном. Отвернувшись от горящего в его глазах ада, я смотрю в ночь. Обхватываю себя за плечи, чтобы удержаться и не броситься к нему с признанием, что я помню *все*.

— Ты когда-нибудь думаешь обо мне? И о нас? — слышу я его голос.

Каждый день и каждую ночь. Ты преследуешь меня во сне, наяву — каждую секунду, которую я провожу без тебя.

— Нет. О чем тут вообще можно думать?

Ронан подходит вплотную ко мне. Подняв руку, касается большим пальцем моей нижней губы, и меня моментально охватывает желание закрыть глаза и раствориться в его прикосновении.

— Что в тебе такого, что сводит меня с ума? — Пока взгляд его карих глаз держит меня в плену, его ласка начинает делать мне больно. — Почему у меня не выходит освободиться? Даже когда я по самые яйца нахожусь в ней, ты все равно умудряешься отравлять мои мысли.

— Ты свинья, — говорю я, отталкивая прочь его руку.

Я не хочу оставаться ни секундой дольше наедине с ним и потому разворачиваюсь, но не успеваю сделать и пары шагов, как Ронан ловит меня за левую руку и, заломив ее мне за спину, притискивает к себе так резко, что я выдыхаю. Я пытаюсь вырваться на свободу. Не получается. Я вся в его власти, и он это знает. Я — глина в его руках.

Тяжело дыша, Ронан обхватывает мою грудь. Прикосновение грубое и призвано наказать нас обоих.

— Он хорошо тебя трахает? Не хуже меня?

Его рука скользит вниз, трогает меня там. Натягивая ткань платья, погружается мне между ног.

— Он отлизывает тебе так же хорошо, как и я?

— Ронан, хватит, — молю его я, задыхаясь от боли и страсти.

— Знаешь, я ведь любил тебя. Но теперь смотрю на тебя и понимаю, что зря тратил время.

Раздавленная его словами, я использую единственное оставшееся у меня оружие — свое тело. Вжимаясь в него, я тянусь вниз и стискиваю его эрекцию.

— Тогда почему у тебя стоит? — мурлычу.

Отпустив мою руку, он на шаг отступает. Он кажется холодным и полностью контролирующим ситуацию, но я знаю, что происходящее не могло его не затронуть.

— Потому что нельзя отрицать: трахаться ты умеешь отменно. Может, это все, на что ты годна.

Я со всей силы, до красного отпечатка на коже бью его по лицу. А он, коснувшись своей правой щеки, улыбается.

— Правда ранит, да, Блэр?

Меня всю трясет.

— Иди к черту, Ронан.

Когда я начинаю уходить, он ловит меня за руку и снова притягивает к себе.

— Как, я даже не получу прощального поцелуя? — зло шипит он мне в ухо, и от его теплого дыхания меня пробирает трепет.

Мое сердце бьется так быстро, словно скоро взорвется. В такой близости от него воспоминания уступают место реальности. Его прикосновения вновь становятся настоящими, они прожигают меня насквозь и обращают в пепел. В ноздри, опьяняя меня, врывается его запах. Ронан здесь, совсем рядом — и в то же время как никогда далек от меня. На мгновение у меня возникает мысль — *так вот на что похож ад*.

— Что... — Я пытаюсь высвободиться из его хватки. — Отпусти меня, Ронан.

— Нет, Блэр. — Его руки сжимаются туже. — Ты вообще когда-нибудь любила меня? Или я был для тебя очередной игрушкой?

— Какая разница? Между нами все кончено. Я с Лоренсом.

— Вранье, снова вранье. Ничего нового не можешь придумать?

Я дергаюсь сильнее.

— Убирайся.

Он отвечает мне нахальной улыбкой.

— С радостью. Но сперва сделаю *это*.

Он запускает пальцы мне в волосы. Обхватив мой затылок, тянет к себе, пока наши рты не сливаются воедино, и мое тело, пронизанное ощущением, что я вновь обрела нечто утраченное, моментально начинает реагировать на него, на его прикосновения, на агрессивные движения языка.

И все же наш поцелуй полон не только желания, но и ненависти.

Он горит огнем у меня на губах, расплавляет меня, сжигает дотла.

Он словно восхитительная война.

И словно возвращение домой после долгой разлуки.

Ошеломленная, околдованная им, я таю в его объятьях и позволяю эмоциям одержать победу над логикой. Наши языки сплетаются в страстном сражении, которое требует полной капитуляции от нас обоих, и на мгновение я сдаюсь, опьяненная его вкусом, его запахом, им самим. Я толкаюсь к нему с такой силой, словно хочу сплавить наши тела воедино, пока сквозь меня — или сквозь него? — пронесется дрожь. И, боже, как это хорошо. Но вскоре на меня обрушивается реальность, и я осознаю, что наделала. Чему я разрешила случиться. Я упираюсь ладонями ему в грудь и отталкиваю его, резко оборвав поцелуй.

Моя грудь быстрыми толчками вздымается и опадает. Я смотрю на совершенно спокойного Ронана — его наш поцелуй будто бы и не тронул, в то время как я еле стою на ногах.

— Чувствуешь, Блэр? Вот она, правда. Но ты продолжай себе врать. Мне уже все равно.

Тыльной стороной ладони я тру свои губы, пытаюсь унять жжение, которое оставил его поцелуй, а может, пытаясь втереть его глубже, пока оно не окажется впечатано в кожу. И в этот момент слабости я срываюсь.

— Ты должен был исчезнуть из моей жизни. Ты не должен был возвращаться и все портить.

— Но я вернулся. — Убрав мою руку, он трет большим пальцем мою губу. — И что ты

намерена с этим делать?

— Ничего. Я теперь с Лоренсом.

При упоминании Лоренса его лицо темнеет от ненависти.

— Я любил тебя, Блэр. Я бы мог подарить тебе целый гребаный мир.

Мои глаза обжигает слезами.

— Нет, не мог бы. А Лоренс может.

На этом я срываюсь на бег и мчусь за спасением к вечеринке — пока не успела выставить себя на посмешище и взмолиться, чтобы он принял меня обратно.

Ронан

Глядя, как она убегает от меня, я приваливаюсь к дереву и обмякаю. Дрожа, лезу за сигаретами, достаю одну и сую себе в рот. Щелкая зажигалкой, я бесстрастно отмечаю то, как сильно трясутся у меня руки. Сделав глубокую затяжку, я закусываю губу, выдыхаю дым. Я хочу прогнать с языка ее вкус, пропитанный надеждой и страхом, но все равно ее чувствую. И это настоящая пытка.

Проклятье.

Вернувшись в дом, я отправляюсь на поиски Рэйчел и нахожу ее в компании Алана и Лоретты Вандерхолл. Улыбка на ее лице — натянутая и неестественная. *Выходит, она знает.*

Я обнимаю ее за талию и шепчу ей на ухо:

— Хочешь уйти отсюда?

Она накрывает мою руку своей. Кивает. И, пока мы идем к выходу, замечает невыразительным голосом:

— Она очень мила, Ронан.

— Не думай о ней. Она в прошлом. — Глядя ей прямо в глаза, я подношу ее руку к губам и целую. — Я смотрю в будущее, а все остальное не имеет значения.

На следующее утро я увольняюсь с работы, а потом звоню Карлу. Мое первое интервью будет журналу Times, и оно назначено через две недели.

Я забуду тебя, Блэр. Вот увидишь. Пусть и ценой своей души, но я сломаю свою любовь к тебе.

Глава 17

Блэр

Я спешу обратно на вечеринку, вот только мне больше не хочется, чтобы Лоренс обнял меня. Волшебство, пережитое нами в бальном зале, забылось. У меня больше нет сил себе врать. Не сейчас, когда каждая клеточка моего тела призывает меня вернуться в сад. Когда моя кожа еще горит воспоминанием о том, как Ронан обнял меня после столь долгого перерыва.

Раскидистые деревья, вызывая клаустрофобию, словно надвигаются на меня. Я начинаю идти быстрее, ориентируясь на теплые огни особняка, огни, которые обещают временное убежище от окружающей меня темноты. На долю секунды меня охватывает надежда, что

ноги принесут меня в место, где сковывающих воспоминаний не существует, где я смогу стать свободна от прошлого. Но опять же, бегство ничего не решит. Меня держит в плену вовсе не прошлое, а мое проклятое сердце.

В доме, заметив Лоренса, я замираю на месте, переполненная печалью — за него и за нас. Мои ступни словно врастают в пол. Пока я пытаюсь взять себя в руки и спрятать бушующее за моим безупречным фасадом волнение, он поднимает голову и, когда наши глаза встречаются, улыбается той своей редкой, невероятной улыбкой. Но когда я не отвечаю, она исчезает.

Прости меня, Лоренс. Прости. Я говорила тебе, что недостойна хорошего отношения. Я — яд.

Испугавшись, что он прочтет мои мысли, я отворачиваюсь. И в этот момент вижу вернувшегося из сада Ронана. Его лицо неподвижно, но он прекрасен как раньше, а может и больше — теперь, когда я знаю, что он перестал быть моим. Я, впрочем, не единственная женщина в помещении, которая обратила внимание на него. Далеко не единственная. Со всех сторон на него устремлены похотливые взгляды, пока он движется легким и чувственным шагом, так не похожим на его былую походку. Разум говорит мне, что он — тот же самый мужчина, благодаря которому я поверила в лето и в солнечный свет, но, глядя на него, я понимаю, что тот мужчина исчез, и его заменил этот незнакомый мне человек.

Когда он по-хозяйски обнимает свою подругу за талию и тянет ее к себе, у меня возникает желание выцарапать себе глаза. Интимность этого жеста подразумевает, что он очень хорошо знаком с ее телом. И то, как она глядит на него, доказывает, что она тоже ослеплена его светом и всем, что он есть. У меня кружится голова. Парализующая боль сжимает грудь так, что становится трудно дышать.

— *Ронан...*

— *Что, малыш?*

— *Что будет, когда все закончится?*

— *Ничего не закончится.*

— *Закончится. Все ведь заканчивается.*

— *Я точно знаю, что ничего не закончится. А знаешь, почему?*

— *Не знаю, но расскажи. Убеди меня, Ронан.*

Он берет меня за руку, разворачивает пальцы и прижимает мою ладонь к центру своей груди.

— *Чувствуешь, Блэр? Оно твое и останется твоим навсегда. Вот почему.*

С ощущением, что я вот-вот упаду в обморок, я опираюсь о стену. На меня снисходит прозрение. Я же сама его оттолкнула. Вот и поделом мне, что он упал в чужие объятия.

— Хватит пялиться на него. Ты выставляешь себя на посмешище, — слышу я сердитое шипение Лоренса, пока вокруг моего предплечья сжимаются его пальцы.

— Лоренс, уйди, — умоляю я. — Прошу тебя, дай мне побыть одной.

— Он пришел с другой, Блэр. Отпусти его.

Ронан с блондинкой исчезают в толпе, и все вокруг становится черно-белым. Раздавленная, я поворачиваюсь к Лоренсу. Его лицо снова непроницаемо.

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы я отреклась от своего сердца? — Я смеюсь, как безумная. — Я не могу. Не сегодня.

Он хватается меня за руки, причиняя мне боль. В его глазах горит ярость.

— Мне насрать, что ты можешь, а что не можешь. Я не позволю, чтобы из меня делали

дурака.

— Но ты и есть дурак, Лоренс.

— Собирайся. Мы уходим прямо сейчас, — говорит он убийственно-тихим голосом.

Я кручу головой.

— Нет.

— И что же ты собираешься сделать, Блэр? Упасть этому мальчишке в ноги и попроситься обратно? И если он тебя примет, много ли времени пройдет, пока его любовь не начнет душить тебя? Пока ты снова не почувствуешь себя с ним, как в ловушке? Рано или поздно ты вернешься ко мне, станешь умолять, чтобы я тебя трахнул, и предлагать мне свое тело в обмен на мои деньги. — Он делает паузу. — Мы это уже проходили, не так ли?

— Не вернусь. Я могу измениться, — возражаю я слабо.

— Честно говоря, и ты, и эти твои истерики начинают меня утомлять. Идем же, и прекрати себе врать. — Я не двигаюсь с места, и тогда он протягивает мне руку. — Идем. На нас уже смотрят.

Я смотрю на его ладонь, пока во мне сражаются сердце и разум. Разум выигрывает. И я, приняв его руку, иду за ним следом.

Лоренс прав. Я не смогу измениться.

— Я хочу поехать к себе. Нет настроения ночевать у тебя, — говорю я спустя какое-то время после того, как машина трогается с места.

— Нет.

— Что?

Лоренс смотрит в окно, сидя на максимальном расстоянии от меня.

— Сегодня ты к себе не поедешь, так что выбрось это из головы.

— Я сказала, что хочу поехать к себе, и поеду. Я не нуждаюсь в твоём разрешении. — Я уже тянусь к кнопке, чтобы опустить перегородку, которая отделяет нас от водителя, и дать ему новые указания, но Лоренс вдруг заговаривает.

— Осторожнее, Блэр. На твоём месте я бы не делал этого.

В другое время я бы не вняла его предупреждению, но опасные нотки в его тоне и исходящая от него энергия заставляют меня остановиться.

— Что ты мне сделаешь? Возьмешь меня силой? — Я раздвигаю колени и, задрвав подол платья, обнажаю перед ним свои ноги и ничем не прикрытое естество. — Зачем ехать к тебе домой, когда ты можешь получить все, что хочешь, прямо здесь и сейчас?

— Еще раз, осторожнее, Блэр...

— Или что? Что ты мне сделаешь, о всемогущий Лоренс?

Я стягиваю платье с плеч, и ткань собирается складками вокруг моих бедер и талии.

— Нравится то, что ты видишь? Почему бы тебе не закончить начатое? Это тело твоё. — Голая, в одном только мерцающем в темноте его бриллиантовом ожерелье, я надменно улыбаюсь ему. — Но сколько бы и где бы ты ни трахал меня, какими бы подарками ни осыпал, я никогда не стану твоей. Я смотрю на тебя, но хочу только его, думаю только о нём. Для меня всегда существовал только Ронан.

Я хочу привести его в ярость. Я хочу, чтобы он сделал мне больно. Чтобы возненавидел меня, ударил меня, причинил физическое страдание. Может, тогда боль и стыд, которые

разламывают мне грудь, исчезнут, и внутри все онемееет.

Он движется так молниеносно, что я едва успеваю понять, что происходит, перед тем, как он оказывается надо мной, а его руки смыкаются вокруг моей шеи. Моя душа отравила и его своим ядом.

Я не могу вздохнуть. Не могу шевельнуться. Я вся в его власти, но вместе с тем что-то во мне ликует. *Лиши меня силы воли сказать тебе «нет». Сделай так, чтобы мне было проще отречься от своего сердца, проще ненавидеть себя. Пожалуйста, прости меня, Лоренс.*

— Больше не упоминай при мне его имя, — предупреждает он, чуть ослабляя хватку.

Даже с его пальцами, опасно сжимающими мою шею, я кое-как выдавливаю смешок.

— Это неважно. Он...

Прежде, чем я успеваю договорить, Лоренс впивается в мои губы. Его поцелуй смертелен, как пуля в самое сердце. Он разрывает меня, пускает мне кровь, и при каждом прикосновении его губ я умираю медленной смертью, но мазохистская сторона моей натуры тянется к этой боли и к пустоте, которую он мне приносит. Я извиваюсь. Пинаю его и царапаю, разжигая в нем еще большую ярость. Это битва за доминирование. В его руках — моя жизнь, в моих — его гордость. Мы оба обречены.

Освободив одну руку, он просовывает ее между нами и раздвигает мне ноги, потом распускает ремень, расстегивает брюки, вытаскивает свой член и вонзает его в меня. От нехватки кислорода у меня мутнеет перед глазами, но мне это нравится. Мне нравятся его агрессивные, безжалостные толчки. Обхватив его ногами за талию, я притягиваю его еще ближе, мои пальцы погружаются ему в волосы, с силой тянут за них. Его лицо искажено гневом. Каждый быстрый и жестокий удар его бедер пронизан моей деградацией. И господи, помоги, но я хочу его, жажду его с животным, пугающим голодом. Он так хорошо меня трахает. Он трахает меня, пока не помечает собой меня всю, и я, кончая, вскрикиваю в приправленном болью экстазе, все во мне взрывается атомной бомбой, когда разъяренный Лоренс тоже достигает вершины своего временного безумия и кончает в меня.

Спустя секунду — или же вечность — Лоренс отпускает мою шею и выходит из меня, словно моя плоть обжигает его, затем отталкивается и, содрогаясь всем телом, откидывается на сиденье. С бледным лицом он следит пустыми глазами за тем, как я сажусь и, взявшись за горло, пытаюсь вдохнуть как можно больше воздуха. Легкие горят огнем, но тело поет от воспоминания о его жестоких прикосновениях.

— С твоей стороны это было очень глупой выходкой, Блэр. Больше не провоцируй меня. — Немного дрожащей рукой он проводит сквозь волосы. — Но если ты хочешь, чтобы с тобой обращались именно так, будь по-твоему. Мне плевать.

Одевшись, я отворачиваюсь к окошку и, чувствуя, как веки обжигает непролитыми слезами, закрываю глаза.

Что же я сделала?

И мой собственный внутренний голос насмешливо дает мне ответ. *То, что у тебя получается лучше всего, разумеется. Уничтожила все, что тебя окружало.*

Сидя на холодной расправленной постели в спальне Лоренса, я смотрю на рассвет за окном. Обхватываю покрепче колени и кладу на них щеку. И пока лучи заливают пол своим теплым светом и прогоняют прочь темноту, мечтаю пропасть вслед за ними. Может тогда я

наконец перестану отравлять и уничтожать прекрасные вещи.

Я вспоминаю Ронана и его добрую улыбку в ночь нашей встречи, а потом человека, которого встретила на вечеринке. Такого холодного. Ожесточенного. Полного ненависти. Я знаю, кто виноват в этом — я. Я уничтожила его и его красоту.

Я думаю о Лоренсе и вспоминаю, как он смотрел на меня и целовал, пока мы танцевали, как предлагал себя мне. Но чем я ему ответила? Приняла его предложение и разорвала в клочки, лакомясь его болью.

Но утренний свет принес с собой кристально четкую ясность. И я отчетливо понимаю: я больше не могу жить такой жизнью. Я больше не могу делать больно тем людям, которые заслуживают этого меньше всего. Не могу. Лоренс достоин лучшего. Я знаю, что надо сделать, чтобы искупить свой грех перед ним и раз и навсегда истребить поселившееся во мне зло. Закрыв глаза, я нежусь в ощущении покоя, охватившего меня от мысли, что конец уже близок, пусть у меня и не получается подавить боль, которая угрожает поглотить меня изнутри.

Одевшись в кое-что из немногочисленных оставшихся вещей, купленных мною до Лоренса, я отправляюсь искать его. После того, как мы приехали с вечеринки, он приказал службе не беспокоить его и закрылся в библиотеке. Остановившись за дверью, я делаю вдох, потом без стука открываю ее и захожу. Он поднимает голову. Его взгляд сразу находит меня, наши глаза встречаются, и я, увидев, сколько в них неприкрытой боли, чувствую, как земля уходит у меня из под ног.

Я делаю неуверенный шаг в его сторону.

— Лоренс...

— Признаться, я удивлен, что ты еще здесь. Я думал, ты уже стоишь на коленях и делаешь тому мальчишке то, что у тебя получается лучше всего. — Он откладывает книгу, которую держит в руках, на журнальный столик рядом с собой. Его губы сжаты в тонкую линию, в голосе слышна высокомерная неприязнь. — Что тебе нужно?

— Я пришла попроситься. Я ухожу.

— Так уходи. Тебя никто не задерживает.

Я вздрагиваю от его слов, как от удара хлыстом, но я заслужила его ярость и ненависть. На моих щеках проступает краска стыда.

— Я знаю: никаких слов не хватит, чтобы извиниться за то, как я вчера с тобой обошлась. — Мое горло внезапно сжимается. — Или рассказать, что я на самом деле испытываю к тебе. Но я бы хотела объяснить, почему...

— Довольно! — Он встает и, засунув руки в карманы, уходит к окну. — Я наелся твоим враньем до конца своих дней, Блэр. Ты больше не обязана притворяться ради меня. — Он стискивает челюсти. — Если ты переживаешь насчет своих денег... то зря. Они твои. Мне они не нужны.

— Лоренс, пожалуйста. Дай мне договорить, — умоляю я. На трясущихся ногах я подхожу к нему и становлюсь за его спиной. — Ты можешь просто посмотреть на меня?

— Зачем? Чего еще тебе нужно? — слышу я его ответ с вибрирующим в голосе бескрайним презрением.

Я обхожу его кругом, тем самым вынуждая посмотреть на себя. И на мгновение замираю при виде чистой ненависти, плещущейся в его глазах.

— Лоренс, прошу тебя... выслушай. Прости меня за все. Я была такой эгоисткой. — Эмоции, которые переполняли меня со вчерашнего вечера, переливаются наконец-то за край

и водопадом обрушиваются на меня. Комната начинает кружиться. По моим щекам катятся слезы, но мне все равно. — Я обидела тебя... моего дорогого друга... и это убивает меня. Ты меньше всех заслуживаешь такого отношения к себе, и я больше так не могу. Ты слишком мне до...

— Дьявол! — Он хватает меня за руки и начинает трясти, моя плоть немеет под его цепкими пальцами. — До тебя еще не дошло? Я сыт твоей чертовой ложью по горло!

— Прости меня, — всхлипываю я, — прости, прости.

— Не смей извиняться! Мне не нужны твои извинения. — Руки, которые стальной хваткой удерживают меня, замирают. Вплотную склонившись к моему лицу, он неистово шепчет, дыша так, словно каждый вздох стоит ему невероятных усилий: — Мне нужна была ты... ты, Блэр! Как ты не понимаешь? Проклятье, я же люблю тебя!

Признание оглушает меня, и я теряю дар речи. А потом он стискивает меня в объятьях так крепко, что я почти задыхаюсь, но я не противлюсь — я сама хочу перестать дышать.

— Любить тебя — это саморазрушение, Блэр, но я, похоже, неспособен остановиться, — исторгается из его груди новое признание. Я плачу в его объятьях, оплакивая свои ошибки и все то, чего у нас никогда не будет, пока меня разъедает печаль.

Со сквозящими в каждом движении гневом и разочарованием Лоренс опускает голову и начинает осыпать мое лицо отчаянными, обжигающими поцелуями, собирая мои слезы и спрятанную в них боль. Я погружаюсь пальцами ему в волосы, притягиваю его к себе, а его жестокий рот продолжает клеймить меня, мою кожу, и скулы, и веки, и все, до чего только может достать. Когда я начинаю искать его губы, он моментально мне уступает, и сквозь все его тело проносится дрожь.

Я знаю, это наше «прощай».

Зло чертыхнувшись, он отталкивает меня, словно я его обжигаю. Его грудь тяжело вздымается.

— Уходи! Уходи и никогда больше не возвращайся.

У двери я в последний раз оглядываюсь на негибавшего мужчину, стоящего у окна. И пока я смотрю на него, пока впитываю его искаженные мукой черты, я наконец понимаю то, что мое слепое сердце столько времени отрицало. Истина становится ясной, как весеннее небо, и не замечать ее больше нельзя. Я люблю его. *Я люблю его.* Другой любовью, чем Ронана, но такой же непреодолимой и всеобъемлющей.

Взявшись за дверную ручку, я останавливаюсь и делаю свое единственное правдивое признание.

— Я люблю тебя, Лоренс. — Мой голос срывается.

Он оглядывается, и когда наши глаза встречаются — в последний раз, — я вижу, что ярость в них уступила место отчаянию.

— Но не настолько, чтобы остаться. — Лоренс отворачивается, начинает опять смотреть прямо перед собой, отмечая меня словно уже забытую мысль.

— Прощай, Блэр.

Глава 18

Ронан

— Просыпайся, соня!

— М-м-м... — Я тянусь к теплому телу, которое должно лежать рядом со мной, но

нашупываю только пустую подушку. — Вернись в кровать, Рэйчел.

— Ни за что. Открой глаза, Ронан! — восклицает она, ее голос вибрирует от радостного волнения.

Я хватаю ее за талию и тяну на себя, и пока в ушах звенит ее смех, чувствую, как она садится на мои бедра верхом, а ее длинные ноги обхватывают меня. Открыв глаза, я вижу, что она с широкой улыбкой наблюдает за мной. Я поднимаю руку и, обводя костяшками пальцев ее маленькую идеальную грудь, наслаждаюсь тем, как ее тело трепещет от моей ласки.

— Вот, ради *такого* зрелища я могу и проснуться, — говорю я, глядя на вершинки ее твердых сосков, проступающих под кремовым шелком.

— Ты ненасытен, — шутливо упрекает меня она. — Но посмотри же! — Она тянется к чему-то, лежащему рядом. Показывает мне — это журнал с моим лицом на обложке. Заголовок провозглашает меня новым именем в фотографии.

Рэйчел взволнованно открывает журнал и, быстро перелистав страницы, находит нужную ей статью. Потом, бросив на меня озорной взгляд, театрально откашливается и начинает читать.

— Ронан Герати: уникальный талант с лицом голливудского сердцеда. Когда я впервые услышала слухи о том, что сам Карл Брансвик, владелец Святого Грааля мира искусств, галереи The Jackson, взял под свое крыло новый талант, мой интерес в тот же миг пробудился.

Сделав паузу, Рэйчел улыбается мне.

— Люди, обладающие способностью впечатлить Карла Брансвика, появляются далеко не каждый день, но когда это происходит, самое главное — не пропустить то, что обычно приходит со скоростью шторма. Хотите узнать, в какой дерзкий и чувственный хаос мистер Герати повергнет нас, своих ничего не подозревающих жертв? Я была приглашена к нему в студию, чтобы одной из первых поприсутствовать при его съемке, и могу с уверенностью сказать, что увидела начало блестящей карьеры. Фотографии получились провокационными, чувственными, почти непристойными, и от каждой у меня захватило дух...

Удовлетворенная, она откладывает журнал.

— Ты станешь звездой, Ронан. Я это *чувствую*. Смотри, по тебе уже сходят с ума.

Я вспоминаю женщину, которая приходила в студию Карла, о присутствии которой я моментально забыл, как только начал снимать позирующую мне модель, пытаюсь щелчками камеры запечатлеть ее душу.

— Ты так думаешь? — спрашиваю я, злясь на нотки неуверенности в своем тоне.

— Я уверена. — Наклонившись вперед, Рэйчел соблазнительно трется о мою грудь своими грудями, а потом целует меня.

Я пробираюсь под ее шелковую сорочку и, обнаружив, что она под ней голая, вминаюсь пальцами в мягкую плоть ее задницы, начинаю двигать ее на себе, лениво втираясь своим набухающим членом в ее горячую влажность.

С расстроенным стоном она заканчивает поцелуй и зарывается лицом мне в плечо около шеи.

— Боже, ты сводишь меня с ума. Я не узнаю себя, когда я с тобой. Я так сильно хочу тебя.

Накрутив ее волосы на кулак, я тяну за них и, наслаждаясь видом ее зарумянившихся скул, заставляю посмотреть на себя. Мое сердце остается безмолвным, но я не могу

отрицать, что она по своему нравится мне, что мое тело жаждет ее, что я не могу ею насытиться. Рэйчел нужна мне, чтобы унять мою боль и заполнить ту пустоту, которая угрожает поглотить меня целиком.

— Я тоже хочу тебя.

Она закусывает губу. Ее ясные голубые глаза затуманиваются, и я большим пальцем касаюсь ее губы.

— Что?

— Расскажи мне о ней, — шепчет она.

Воспоминания о Блэр на мгновение ослепляют меня, и мне начинает казаться, будто я падаю в бездонный колодезь. Но я сопротивляюсь им до тех пор, пока Рэйчел, ее светлые волосы и тело, прижатое к моему, не возвращают меня в реальность — и к ней.

— Что ты хочешь узнать?

— Ты еще ее любишь?

— Прямо сейчас... — я тяну за подол сорочки, оголяя ее задницу, обнаженную промежность, плоский живот и идеальную грудь, — не люблю. — Когда трепещущая подо мной Рэйчел оказывается полностью обнажена, я небрежно бросаю сорочку на пол, подхватываю за ее бедра и направляю ее естество к своему рту. — Позволь, я тебе покажу.

Статья позабыта...

Вместе с женщиной, которую я когда-то любил.

Глава 19

Блэр

...В дверь кто-то стучит. Я просыпаюсь и постепенно понимаю, что нахожусь в своей детской, потом в замешательстве откидываю одеяло и поднимаюсь с кровати.

— Иду, — отзываюсь, когда стук становится громче. Открыв дверь, я обнаруживаю за ней свою мать. Она стоит в коридоре, одетая в ту же одежду, которая была на ней, когда годы назад мы с ней распрощались. Время словно остановилось. Она несколько не постарела и осталась такой же прекрасной, как в день, когда я уходила из дома.

— Мама? Что ты здесь делаешь?

Она молча протягивает мне конверт.

Я беру его и смотрю на буквы на белой бумаге.

— Что это?

— Все, что осталось от твоего отца.

— Что ты имеешь в виду? Где он?

Моя мать разворачивается и начинает уходить.

— Мама! — Мне в грудь своими уродливыми когтями вцепляется страх. — О чем ты? Где папа?

Остановившись где-то посреди коридора, она оглядывается. В ее глазах пустота.

— Его больше нет, Блэр. Его больше нет.

Во мне, разрывая меня изнутри, взрывается опустошительная боль. Комната начинает кружиться, люди, мебель, предметы вокруг сливаются в разноцветную карусель.

А потом я оказываюсь в чьих-то объятьях. Я не вижу лица этого человека, пытаюсь взглянуть на него, но мое зрение каждый раз затуманивается и не дает мне определить его личность. Но я узнаю эти ласковые прикосновения, от которых во мне разливается

ощущение нежности и любви.

Не говоря ни слова, человек притискивает меня к груди. Его молчание успокаивает лучше каких бы то ни было слов, но важнее всего то, что он рядом — именно его присутствие дарит мне силы дышать.

— Мой папа умер, — шепчу я прерывисто. — А я с ним так и не попрощалась. — Я прижимаю к сердцу ладонь и спрашиваю себя, как можно испытывать такую сильную боль и оставаться живой.

Он прикладывает губами к моему лбу.

— Но ты хотела бы?

— Я не знаю... Я так запуталась.

— Возвращайся домой, Блэр. Поезжай к нему. Поезжай к своей матери, — настаивает человек.

— Не могу. Слишком поздно. — Я пытаюсь снова посмотреть на него, а он начинает растворяться, словно его тело было сотворено из дыма. — Нет! — кричу я в истерике. Тянусь к нему, но хватаю пальцами только воздух. — Не уходи. Останься со мной. Ты мне нужен.

— Возвращайся к ним, Блэр... Пришло время простить и исцелиться...

...Меня резко выбрасывает из сна, и я с бешено бьющимся сердцем хватаю ртом воздух. Пока глаза приспособляются к темноте, я почти верю, что вокруг окажется моя детская, но знакомая мебель возвращает меня в реальность. Я вскакиваю с кровати. Иду к двери, хоть и боюсь того, что обнаружу за нею.

Там ничего. Только моя пустая гостиная.

С облегчением включив свет, я ухожу на кухню попить, и пока жадно пью воду, перед моими глазами продолжают мелькать образы мамы и папы и человека, лицо которого я так и не разглядела. Голоса становятся все громче и громче. Отставив стакан, я закрываю уши, чтобы их заглушить, но ничего не выходит. Они кричат так отчаянно, что каждая клетка моего тела начинает требовать, чтобы я поехала к ним и помирилась с ними. В один поразительно яркий момент — еще вчера я бы не поверила, что он однажды наступит — потребность поехать к ним становится важнее необходимости сделать следующий вдох. Охваченная внезапным страхом, что сон может быть вещим, я принимаю решение вернуться за ответами туда, откуда все началось.

Но сперва мне нужно кое о чем позаботиться здесь...

— Спасибо, что пришла. Ты не представляешь, как много это для меня значит.

— Ерунда.

Мы стоим напротив офиса Лоренса, а Элли обнимает меня за плечи. Раньше я бы вздрогнула от столь близкого контакта, но это было целую жизнь назад. Сейчас Элли нужна мне как никогда, и больше всего — та спокойная сила, которую предлагает ее объятье.

— Тебе лучше?

Я вспоминаю обо всем, что случилось, и мое сердце разбивается заново.

— Нет, но он по крайней мере получил назад свои деньги. Мне они не нужны.

— Его ассистент была добра к тебе.

Когда мы пришли к Лоренсу на работу, я ожидала, что меня сразу же выставят вон. Однако Джина встретила нас и спросила, чем может помочь. Мне хотелось взмолиться,

чтобы она позволила мне увидаться с Лоренсом, но зная, что об этом не может идти и речи, я просто передала ей конверт с чеком на все деньги, которые он мне давал, и попросила сказать Лоренсу, что это принадлежит ему.

— *Джина, спасибо за все, что вы для меня сделали. Я правда очень вам благодарна. Я знаю, что выхожу за рамки, но можно попросить вас об одной последней услуге?*

Она поколебалась немного.

— *Конечно.*

— *Вы не могли бы передать ему, что я говорила от чистого сердца? Он поймет, что это значит.*

— Элли, он был там. В соседней комнате. Я его чувствовала. Так жаль, что я не увиделась с ним. Может... может на этот раз он бы позволил мне все объяснить.

— Лучше не надо. Прошло всего несколько дней. Может быть позже...

Я тупо смотрю на припаркованные перед нами машины.

— Я очень сильно обидела его, Элли.

Я знаю, что, оборвав наши с ним отношения, сделала правильно, но от этого знания мне не становится легче. Наоборот, только больней. Теперь, когда у меня есть время оглянуться назад и подумать обо всем, что привело к нашему расставанию, я вижу, что винить могу только себя. Я была капризной и эгоистичной. Я принимала благословенное забытье, которое предлагал Лоренс, как должное. Я использовала его, чтобы забыться, и ни разу не задумывалась, что при этом чувствует он. Я верила его словам о том, что ему нужно от меня лишь мое тело, но отказывалась верить в то, о чем говорили мне его ласки, его поцелуи и то, как он смотрел на меня.

Я не обращала на все это внимания, потому что мне так было удобно.

И посмотрите, какой катастрофой оно обернулось.

— Блэр, я бы и рада была сказать, что предупреждала тебя, но подозреваю, что ты и сама это знаешь. И хоть меня бесит, что это звучит как дурацкая мотивационная цитата, но я думаю, что сейчас ты можешь сделать только одно: попытаться извлечь из своих ошибок урок.

Я собираюсь ответить, но неожиданно чувствую, как меня похлопывают по плечу. Оглядываюсь, и мои глаза распахиваются при виде стоящей за моей спиной женщины.

— Джеки?

Она складывает руки на груди.

— Так значит, это ты, да?

— Прости, что? — хмурюсь я. — О чем ты?

— Не разыгрывай со мной дурочку, Блэр. Я тебе не Ронан и не Лоренс. Я на твоё цирковое представление не куплюсь.

— Эй! — вмешивается готовая атаковать Элли.

Я кладу ладонь ей на руку и одними губами говорю, что я справлюсь. Затем вновь поворачиваюсь к Джеки.

— Я работаю здесь. — Она кивает на здание компании Лоренса. — Пару недель назад я видела тебя с Лори. Решила тогда, что мне показалось. Но вот ты заявила сюда, и теперь мне все ясно.

— Что ясно?

— Господи, и что они находят в тебе? — Она качает головой. — Только не надо изображать невинность. Со мной этот номер у тебя не пройдет. Лучше скажи, как ты себя

чувствуешь после того, как разбила сердце не одному хорошему парню, а двум? Очевидно, гордишься собой?

Как только эти слова вылетают из ее рта, меня бьет по лицу прозрение. Джеки и есть та женщина, которую много лет назад любил Лоренс. Все вдруг приобретает смысл. Олли. Брэдли. Сделанное на кухне признание Джеки о ее прошлом. Рассказ Лоренса о ее родителях. Кусочки головоломки складываются в единое целое, и оно до глубины души потрясает меня.

— Джеки... если ты только дашь мне объяснить...

— Что именно? Что ты можешь мне объяснить? Прости, но ничто из того, что ты можешь сказать или сделать, не оправдывает в моих глазах то, как ты обошлась с моим братом. Он любил тебя, Блэр. Очень сильно. А потом ты его бросила, и он стал другим. Я его больше не узнаю. Но тебе этого показалось мало, да? — Она оглядывает меня с головы до ног. — Таким, как ты, всегда мало. Тебе понадобилось причинить боль еще и Лори... и Лоренсу.

Морщась, я поднимаю руку. Пытаюсь заговорить, но слова застревают в горле.

— Мне очень жаль. Я...

— А знаешь что, Блэр? Если подумать, я даже рада, что ты ушла из их жизней. Без тебя им будет гораздо лучше. Прощай.

Ее слова еще звенят у меня в ушах, когда я вижу, как на улице появляется Лоренс и у вращающихся дверей встречается с Джеки. Он кладет ей на поясницу ладонь, и они начинают идти в нашу сторону. Наши взгляды на миг пересекаются, а потом он отворачивается от меня и садится в дорогую машину, которой я раньше не видела. За рулем не Тони, а кто-то другой. Он словно намеренно стер из своей жизни все, что напоминало ему обо мне.

Чувствуя, как пальцы Элли сжимают мои, я смотрю ему вслед.

— Пусть он обернется на меня, Элли. Пусть он... — Мой голос обрывается. Я отпускаю ее руку и ищу утешения в ее объятьях. — Пусть он вернется.

— Что ты будешь там делать? — спрашивает Элли, наблюдая за мной с дивана. — И ты можешь остановиться? А то ты напоминаешь гиену в клетке, которую я видела в зоопарке в Сан-Диего.

Вздыхнув, я прекращаю мерять шагами ее маленькую гостиную.

— Наверное, сначала просто приеду домой, а там будет видно. — Потирая предплечья, я опускаю взгляд на ковер и вижу на нем следы своих блужданий по комнате. — Может, моя мама давно уже там не живет.

— И что ты в таком случае будешь делать?

— Не знаю пока. Поспрашиваю соседей, наверное. А если ничего не узнаю, то просто начну жить своей жизнью. Мне надо срочно найти работу. Кстати, со стороны Алессандро было очень благородно одолжить мне машину.

Внимание Элли вдруг переходит к журналам, которыми завален столик в ее гостиной. Быстро наклонившись, она собирает их в стопку и удаляется в спальню. Когда она возвращается, я вижу на ее лице облегчение. И не вижу журналов.

— Прости, что ты сказала?

Я озадаченно хмурюсь в ответ на ее странное поведение.

— Что в тех журналах?

Элли моментально отводит глаза, но я успеваю увидеть в них чувство вины. Не давая ей шанса остановить меня, я ухожу в ее спальню, чтобы выяснить, что она прячет.

— Блэр, нет. Не надо!

Быстро оглядевшись, я нахожу журналы у нее под кроватью. Потом сажусь, скрестив ноги, на пол и, пока просматриваю обложки, мой пульс ускоряется, а в груди возникает плохое предчувствие.

— Оно не стоит того, — грустно шепчет мне Элли.

— О чем ты...

Мой голос прерывается, словно незавершенная мысль, когда я обнаруживаю, почему Элли хотела спрятать журналы. Быстро, словно на кону стоит моя жизнь, я перелистываю страницы и наконец нахожу интервью с Ронаном. Мои глаза впитывают написанные о нем слова, а потом, закончив читать, я еще сильнее наказываю себя тем, что рассматриваю, запоминая их все, его фотографии. Ту, на которой он запечатлен с той самой блондинкой, которую я видела на вечеринке. Он обнимает за талию и, смешав ее, что-то шепчет ей на ухо. Ее зовут Рэйчел. Она светская львица. И ту, на которой он сфотографирован в профиль. На этом снимке он смотрит в окно и очень похож на того мужчину, которого я полюбила одним похожим на сон летом, но это просто иллюзия. Объекта моей любви больше нет. Он исчез.

— Я не хотела, чтобы ты это видела. Подумала, что лучше не надо.

— Он добьется успеха, Элли. Я так счастлива за него.

— А я нет, — говорит она мрачно.

Качая головой, я веду дрожащими пальцами по контуру его губ.

— Нет, не говори так. Я... я все это заслужила. Ох, Элли, есть ли предел боли, которую может вынести человек?

— Хотела бы я знать, моя милая.

— Джеки права. Без меня им только лучше. — Я все смотрю на его фотографию, и она начинает расплываться перед глазами. — Я... я бы отдала все на свете...

Я прижимаю руку к груди, словно таким образом у меня получится не дать своему сердцу разбиться. Бесполезно. Я распадаюсь на миллионы осколков, и разрушает меня любовь, которую я чувствую к ним.

— Я не могу. Мне слишком больно, Элли. Я не могу.

Глава 20

Несколько лет назад я покинула это место, чтобы *никогда* больше не возвращаться. Я похоронила свое сердце где-то среди стен этого дома, а вместе с ним — и воспоминания. Я думала, что смогу убежать от прошлого, и оно никогда меня не догонит, что я всегда буду на пару шагов впереди.

Но теперь я понимаю, что поверить в это могла только круглая дура. Призраки прошлого преследовали меня, когда я смотрела в зеркало. Они спали со мной. Шли со мной рядом. Управляли всеми моими мыслями и поступками. Я думала, что стала свободной, но теперь я вижу, что это было глупой иллюзией. Я так и осталась одинокой маленькой девочкой, которая считала себя недостойной любви и рыдала, умоляя глухого бога сделать так, чтобы родители ее полюбили. Нет, теперь ясно: я так и не смогла по-настоящему оставить позади этот дом, заполненный страхами и сожалениями.

Пожевывая нижнюю губу, я смотрю на белый дом в викторианском стиле, где я выросла. На две цветочные клумбы, симметрично выставленные у поблекшей красной двери, на синие жалюзи окон. Я даже не слишком уверена, что мой визит сюда хоть чем-то поможет, однако избавиться от чувства, что мне нужно быть здесь, не могу.

Стоит мне нажать на кнопку звонка, и я начинаю нервно мяться на месте. Я еще раз оглядываю себя и поправляю одежду, затем над крыльцом вспыхивает фонарь, а женский голос обещает скоро открыть.

Она открывает дверь и, когда ее взгляд натывается на меня, от изумления ахает.

— Блэр? — Она открывает дверь шире. — Это ты?

— Привет, мама, — говорю я. Мой голос звучит на удивление ровно.

Она молча глядит на меня, и я уже жду, что сейчас мне скажут уйти, когда она делает шаг вперед и обнимает меня с такой силой, что из моих легких выходит весь воздух. Я прирастаю к земле. Мне хочется тоже обнять ее, но озлобленная сторона моей натуры мешает мне, и я просто стою, не в силах пошевелиться.

Наконец моя мать отодвигается. Кажется, будто она хочет притронуться ко мне еще раз, но не смеет. Она окидывает мое лицо взглядом.

— Я думала, что никогда больше тебя не увижу.

Я засовываю ладони в задние карманы своих облегающих черных джинсов.

— Я тоже.

Моя мать опускает глаза на свои руки.

— Прошло столько времени.

— Да. Очень много. — Слова повисают в воздухе вместе со всеми жизнями, прожитыми нами вдали друг от друга. Я думаю о том, помнит ли она, как мы прощались, так же отчетливо, как я сама.

— Боже, где же мои манеры. — Она поднимает голову и печально мне улыбается. — Ты зайдешь?

— Я...

— Пожалуйста, — умоляюще просит она.

Когда мне было четырнадцать, я впервые влюбилась. Его звали Брендан, и у него была привычка обливаться туалетной водой Aqua Di Gio. В тот год я обожала Aqua Di Gio. На испанском, пока Брендан сидел передо мной, я закрывала глаза, чуть-чуть подавалась вперед и дышала его ароматом. Я представляла, как он приглашает меня в кино. Как мы идем туда, держась за руки, как покупаем попкорн с газировкой. Как потом, в кинозале, он делает вид, что потягивается — чтобы после закинуть руку мне на плечо. Это была приятная, но несбыточная мечта. Брендан не подозревал о моем существовании. Ему нравилась Пейдж. Каким-то образом Пейдж разнюхала, что Брендан мне нравится, и подговорила его пригласить меня на свидание. С быстро бьющимся сердцем я пришла в кинотеатр. На свое первое свидание с мальчиком. Брендан пришел — но не один. Он был с Пейдж. И боже, они устроили для меня целое представление.

После этого случая я возненавидела запах Aqua Di Gio.

Он стал ассоциироваться у меня с предательством и моим первым любовным крушением, и да, я до сих пор не выношу этот запах.

Пока я иду за мамой в гостиную, наш дом, подобно запаху Aqua Di Gio, облучает меня воспоминаниями — по большей части болезненными. Меня тянет сбежать и забыть, что я сюда приходила.

Но отступать уже поздно.

Я сажусь на диван, который не помню. Оглядываюсь, и мое внимание привлекает фотография с моими родителями. На ней они вместе. И старше, чем были, когда я ушла. Я хмурюсь, а мама, заметив, куда направлен мой взгляд, подходит к рамке и берет ее в руки. Она гладит стекло, пальцы нежно касаются лица моего отца. Я хмурюсь еще сильнее. *Я что, пропустила что-то? Или нахожусь в параллельной реальности?*

Мама — по видимому, заметив у меня на лице замешательство — ставит рамку на место и улыбается грустной улыбкой.

— Я люблю этот снимок.

— Да... вижу, — говорю я, хотя на самом деле хочу спросить, почему.

Мгновение она внимательно изучает меня. Мне хочется заерзать под ее взглядом, но я кое-как перебарываю себя.

— Ты еще красивее, чем мне запомнилось, — мягко шепчет она.

— И тебя это напрягает, мама? — отвечаю я, и каждое мое слово сочится ядом.

Она вздрагивает как от пощечины.

— Я это заслужила.

— Нет, — возражаю я, злясь на себя за грубость. — Не заслужила. Извини меня.

Мама садится рядом со мной на диван.

— Мы раньше часто так делали, да? Вгрызались друг другу в глотку. Проверяли, кто глубже ранит, кто ударит больнее.

Избегая смотреть ей в лицо, я делаю вид, будто разглядываю свой маникюр.

— Теперь это уже неважно, разве нет?

В наступившей оглушительной тишине на нас кричит наше прошлое. Все до единого воспоминания просыпаются и требуют, чтобы их выслушали.

— Блэр, зачем ты вернулась?

Я быстро поднимаю глаза.

— Прости, если своим появлением доставила тебе неудобства. — Я встаю, готовясь уйти. — Я пойду. Это была плохая идея.

Мама ловит меня за руку.

— Подожди, Блэр. Не уходи. Я не то имела в виду.

Глядя на ее руку, я вспоминаю, как в последний раз она притрагивалась ко мне. Это была пощечина.

— В детстве у меня было только одно желание: чтобы ты прикоснулась ко мне. Полюбила меня. Но это было тогда. А сейчас... ты не могла бы отпустить мою руку?

Она немедленно слушается. В ее глазах — неприкрытая боль.

— Мы с отцом подвели тебя. Моя прекрасная девочка... Что мы с тобой сотворили?

Я не знаю, то ли засмеяться ей прямо в лицо, то ли упасть перед ней на колени и взмолиться, чтобы она обняла меня и никогда больше не отпускала. Может, и то, и другое. Да, определенно и то, и другое.

— Знаешь, что? Прямо сейчас я не могу с этим разбираться. — Я трясую головой. — Мне надо подумать.

На этот раз она не останавливает меня, а просто смотрит, как я беру с дивана свою

кожаную сумочку и поднимаюсь на ноги.

— Ты надолго приехала?

— Не знаю. Еще не решила.

— Где ты остановилась?

— В «Уитморе».

Она встает и подходит ко мне, а я, пока она приближается, пользуюсь случаем и ищу на ее лице следы, которые оставило время. И не нахожу их. Время пощадило ее. Она все так же прекрасна, какой я ее запомнила. Настоящая королева. Но в ней, однако, появилось и что-то новое, что у меня не выходит определить. *Мягкость?*

— Может, останешься здесь? Все-таки это твой дом, — тихо добавляет она.

Я беру ключи от машины.

— Спасибо, но нет. Думаю, сегодня мне лучше побыть одной.

— Хочешь, завтра вместе позавтракаем?

У меня с языка готов сорваться отказ, но я проглатываю его.

— Давай. Буду рада.

Я уже переступаю порог, когда мама просит меня остановиться. Я оглядываюсь. Наши глаза встречаются.

— Знаешь, о чем я жалею больше всего, Блэр? — Вопрос звучит еле слышно.

— О чем? — натянуто спрашиваю я.

— Когда я уходила в тот первый раз, тебе едва исполнилось шесть. Ты бежала за мной со слезами на твоём хорошеньком личике, потом вцепилась в меня, сквозь слезы умоляя не оставлять тебя. А я смотрела на тебя и чувствовала, как разбивается мое сердце. Я жалею, что не взяла тебя на руки и не осталась ради тебя. Но я не могла больше жить с твоим отцом ни единого дня. Это убивало меня.

Во мне закипает гнев. *И она говорит мне все это сейчас? Спустя двадцать лет? Слишком поздно, мама.*

— Знаешь, мам, а ты вообще задумывалась хоть раз, каково было мне — твоей *дочери* — смотреть, как ее мать уходит с чемоданом в руке, даже не оглянувшись? А как же я, мам? Тебе не приходило в голову, что мое сердце тоже оказалось разбито? — Мой голос взвизгивает, но мне наплевать. — Ты бросила меня и бросила папу. И папе после этого стало еще хуже.

В прекрасных синих глазах моей матери блестят слезы.

— Прости меня, Блэр. Прости. Мне бы так хотелось вернуться во времени и сделать все по-другому.

Злость ушла из меня, и я безучастно смотрю на свою мать.

— Не знаю, смогу ли.

На следующее утро мы встречаемся в маленьком уютном кафе. Когда я прихожу, она уже ждет меня. Поначалу обстановка остается до крайности напряженной. Она молчит, и я тоже. Избегая смотреть друг на друга, мы смотрим то в стол, то в окно. Боль еще чересчур ощутима. Раны, которые никогда так и не зажили, еще кровоточат.

Она нарушает молчание первой.

— Хочешь еще кофе?

Я опускаю взгляд в кружку и впервые замечаю, что она пуста.

— Угу.

Она подзывает нашу официантку и просит ее подлить мне кофе. Когда официантка приходит с кофейником, моя мать берет меня за руку, а я обнаруживаю, что меня разрывают два противоречивых желания: мне хочется и насладиться ощущением своей ладони в материнских руках, и отдернуть ее.

Я выбираю первое.

— Блэр... Ты должна узнать одну вещь.

В ее тоне есть нечто такое, отчего у меня в голове начинает звенеть тревожный сигнал. Я поднимаю лицо, и наши взгляды встречаются.

— Какую? Это как-то связано с папой?

Мягко сжав мою руку, она кивает.

— Твой отец скончался два года назад.

Ресторан начинает кружиться. От слабости перед глазами мутнеет, и я ощущаю взрыв боли, а за ним — абсолютную скорбь и печаль. *Выходит, я опоздала.*

— Как он умер? — спрашиваю я, преодолевая боль.

— Обширный инфаркт, — с грустью говорит моя мать.

— А ты... — Я делаю паузу. Пытаюсь сглотнуть. — Ты была с ним?

Она кивает. А потом моя мать — женщина, которую я всегда считала самым сильным, самым прекрасным и самым бессердечным существом на планете — срывается и начинает плакать. Рыдания рвутся из ее груди, словно что-то разрывает ее изнутри, пока она, закрыв руками лицо, целиком отдается печали.

Сердце просит предложить ей поддержку, однако стена обид и болезненных воспоминаний, которая стоит между нами, заставляет меня остаться на месте. Но пока я смотрю на нее, на несчастную женщину перед собой, мое сердце одерживает победу. И я, быстро поднявшись, пересаживаюсь к ней на диванчик и обнимаю.

Мамины руки смыкаются вокруг меня, притягивая меня ближе к ней.

— Он умер, Блэр... умер, — всхлипывает она. Проходят минуты. Когда моя мать успокаивается, она отпускает меня и вытирает лицо бумажной салфеткой. — Мне столько всего нужно рассказать тебе о твоём отце и о себе.

— Та фотография...

Она высмаркивается.

— Да, на ней твой отец. После всего, что случилось, нам каким-то образом все же удалось найти путь друг к другу. Мы опять поженились. Мы разыскивали тебя. Отец даже ездил в Нью-Йорк, пусть никто и не знал, куда ты отправилась. — Она тянется к своей сумочке, достает оттуда конверт и передает его мне. — После первого приступа он написал тебе это письмо. Думаю, в глубине души он всегда был уверен, что ты вернешься.

Я не мигая смотрю на конверт.

— Спасибо.

Мама берет меня за руку.

— Милая, у нас с твоим отцом были очень сложные отношения. Мы до безумия любили друг друга, но эта же любовь и развела нас в разные стороны. Она была слишком яркой. Ты теперь взрослая, поэтому наверняка понимаешь, что в отношениях простоты не бывает. Брак дарит огромное счастье, но в то же время — сильную боль. Ты была нашим благословением. Благодаря тебе мы продержались вместе гораздо дольше, чем нам было суждено.

Я опускаю свои полные слез глаза в стол. Ее слова и ранят, и исцеляют.

— Ты не виновата, что у нас не сложилось. Мы любили тебя, но были слишком эгоистичны и зациклены на себе для того, чтобы показать тебе нашу любовь. Блэр, взгляни на меня, — просит она ласково, но настойчиво и, когда я поднимаю лицо, проводит по моей щеке тыльной стороной ладони. — Я не в силах изменить прошлое. Я бы сделала это, если бы могла, но я не могу. Время ушло. Я могу лишь попросить у тебя прощения и, если ты не сможешь дать его мне прямо сейчас, попросить, чтобы ты дала мне шанс попытаться и заслужить его.

Пока она ждет моего ответа, у меня возникает ощущение, словно я пробуждаюсь от сна. Мой отец умер, так и не узнав, что я любила его. И вот судьба предоставляет мне шанс не повторить ту же ошибку и со своей матерью. Иногда люди покидают тебя навсегда, и тебе остаются только горькие воспоминания и бесконечные «что было бы, если». И как бы ты ни старался забыть их, они становятся сожалениями, которые режут тебя больней самых острых ножей, кромсают тебя снова и снова.

— Милая, ты не обязана давать мне ответ прямо сейчас. Прочитай письмо своего отца. И не спеши. Когда ты будешь готова, я буду ждать тебя.

Попрощавшись с ней, я возвращаюсь в гостиницу. А там принимаю душ, крашу ногти, читаю и занимаю себя чем угодно, лишь бы не открывать то письмо, но в конце концов все-таки нахожу в себе смелость взять его и прочесть.

Моя дорогая Блэр, если ты читаешь это письмо, значит, я опоздал.

Моя жизнь — это сплошная цепь сожалений. Я жалею о том, что не водил тебя в школу. Что слишком редко ходил гулять с тобой в парк. Что не смешил тебя. Что недостаточно часто говорил, что люблю тебя. Но больше всего я сожалею о том, что не видел, как ты росла и становилась той прекрасной женщиной, которой, я знаю, ты стала.

Я так хотел бы, чтобы ты была с нами и увидела, кем мы стали. Твоя мама подарила мне лучший подарок, какой я только мог себе пожелать — свое прощение. Она говорит, что сделала это, потому что прошлого больше не существует и важно лишь то, кто мы сейчас. И она права, Блэр. Не позволяй демонам прошлого омрачать твоё настоящее.

Прости меня, Блэр, за то, что был тебе таким паршивым отцом. Моя звездочка. Мой дорогой синеглазый ангел.

В моменты трезвости ты была тем, что придавало моей жизни смысл. А в моменты, затуманенные алкоголем, ты была той, о ком я больше всего горевал.

Я люблю тебя, моя девочка.

Всегда твой, папа.

Крепко прижимая к себе письмо, я оплакиваю девочку, которой когда-то была, и семью, которой мы могли стать, но не стали. Я плачу, потому что мне так и не довелось сказать папе, что в моих глазах он никогда не был неудачником. Я плачу, потому что та маленькая девочка до сих пор его любит, а он умер, так этого и не узнав.

Глава 21

Моя мать открывает дверь и, увидев меня, сияет улыбкой.

— Ты пришла.

— Да. — Я тоже ей улыбаюсь. — Я хочу попытаться, мама.

До сих пор моей жизнью и моими решениями правил страх. Страх, что мне причинят боль. Страх слишком много почувствовать. Страх перед любовью. Страх близости.

Страх.

Страх.

Страх.

Когда-то я думала, что освободилась от страха, но я обманывала себя.

Хватит мне убегать.

Пришло время взглянуть страху в лицо.

И, будем надеяться, исцелиться.

Глава 22

— Вау... с ума сойти можно, — выдыхаю я, пока Элли устраивает мне экскурсию по дому Алессандро на горнолыжном курорте в Вермонте. Когда мы спускаемся на первый этаж, целиком отданный под гостиную, с огромным камином из камня и окнами от пола до потолка, я останавливаюсь и впитываю открывающийся вид на горы и ярко-синее небо.

— Вид — это нечто, — говорит Элли.

— Да. Здесь все изумительно, Элли. — Я отхожу от окна и сажусь на большой молочно-белый диван. Взяв одну из уютных подушек, я прижимаю ее к груди и встречаю взгляд Элли. — Спасибо, что пригласила меня.

Элли садится рядом со мной, берет меня за руку и переплетается со мной пальцами.

— Как ты?

Зафиксировав взгляд на горящем в камине огне, я вспоминаю события последних недель своей жизни и тот мир, который я обрела, отказавшись от злости и чувства обиды — мир, который я обрела, прося прощения и прощая сама.

— Давным-давно я пообещала себе не влюбляться, потому что любовь делает меня слабой. Я решила не слушаться сердца и доверять все свои решения разуму и потому спряталась за деньгами и комфортом, который они обеспечивают. Я знала, счастье не купишь, но деньги могли сделать мою жизнь очень удобной... окутать ее своей сверкающей безопасностью. Теперь я понимаю, что ошибалась. В смысле, не пойми меня неправильно — деньги тоже важны. Но они далеко не главное. — Я поворачиваюсь к ней лицом и, вспоминая об отцовском письме, невесело улыбаюсь. — Любовь может быть разной. Жестокой. Волнующей. Лживой. Ревнивой. Полной ненависти. Но в своей чистейшей форме любовь может быть искупительной... всепрощающей. — Мой голос срывается, но я сквозь камень в горле все равно договариваю. — Любовь может подарить исцеление, Элли.

Она сжимает мою руку.

— Это прекрасно.

Рукавом свитера я вытираю слезы со щек.

— Фу... как же меня это бесит, — говорю, шмыгая носом. — В последнее время меня что угодно может заставить сорваться, и я начинаю без остановки реветь.

Я слышу ее мелодичный смех.

— О-о, да твое ледяное сердце оттаивает.

— Заткнись. — Я закатываю глаза, пока улыбка тянет вверх уголки моих губ. — Это чистый кошмар. — Мы переглядываемся, а потом взрываемся смехом. Когда мы

успокаиваемся, я беру с своих коленок подушку и бросаю ей в голову, но к несчастью промахиваюсь. — Что бы я делала без тебя?

— Ясное дело, пропала бы. — Она притворно содрогается. — Но скажи... как ты справляешься? Ну, насчет Ронана с Лоренсом.

Как мне объяснить Элли события минувших недель, если я сама их не до конца понимаю? Я смеюсь, потому что столько времени берегла свое сердце и не давала никому получить над собой власть, но в итоге влюбилась — и не в одного мужчину, а сразу в двоих.

— Плохо, Элли. Боль еще слишком свежа. Но у меня было время подумать.

— И?

— Тяжело объяснить. Ведь как можно объяснить любовь к двоим мужчинам одновременно?

— Только ты могла влюбиться сразу в двоих после того, как настроилась совсем не влюбляться.

Я хмыкаю.

— Карма в ее лучше виде. — Я закусываю губу. — Ронан перевернул мой мир вверх тормашками. У меня не было ни единого шанса устоять против него — он захватил мое сердце. А с Лоренсом все было иначе. Нет, у того, что я чувствую к Лоренсу, нет ни конца, ни начала. То, что началось, как отвлечение, переросло в нечто прекрасное, что нельзя не назвать, ни объяснить, ни измерить. Каждый из них владеет разными частями меня.

— Паршиво, подружка. Жалко, что это не роман о менаже, где ты могла бы оставить обоих.

У меня вырывается невольный смешок.

— Да уж. А теперь у меня нет ни одного.

— К черту их. Мы приведем тебя в норму. Только пообещай, что в будущем больше не станешь намеренно портить свои отношения.

Мы еще смеемся, когда в дом с полными руками продуктов возвращается Алессандро. Мы поднимаемся, чтобы помочь ему, и на этом наш разговор прекращается.

...Уже полночь, но сон ко мне не идет. Несколько часов проворочавшись, я откидываю одеяло и поднимаюсь. Потом подхожу к окну и, отодвинув в сторону штору, выпускаю в комнату серебристый свет полумесяца. Покусывая губу, я вновь и вновь вспоминаю, что сказала мне Элли.

— Да... «портить» это еще мягко сказано, — шепчу я в пустоту.

После завтрака я принимаю решение немного пройтись, чтобы успокоить нервы. Бессонная ночь вымотала меня. Кажется, что если остаться дома еще хоть на секунду, то я окончательно спячу. Я надеваю куртку и через заднюю дверь выскальзываю наружу.

На деревянной веранде, я, дрожа, останавливаюсь. От величественного вида на горы у меня перехватывает дыхание. Вокруг так спокойно и тихо, что я оживаю. Спускаясь по ступенькам, я вспоминаю, как Алессандро рассказывал, что за домом протекает ручей, и решаю пойти поискать его.

Когда я возвращаюсь обратно, из дома доносится смех. Должно быть, прибыли и остальные гости. Я уже готова открыть дверь, как вдруг слышу слева чьи-то шаги. Непроизвольно оглядываюсь, и из моих легких выходит весь воздух. Ко мне, не замечая

моего присутствия, приближается высокий мужчина. И пока мои глаза впитывают родные черты, щетину на челюсти и вокруг его чувственных губ, и то, как очаровательно (и до невозможности сексуально) он выглядит в своей синей шапочке...

Я с абсолютной ясностью понимаю, что он — мой единственный.

Пусть он и делит мою любовь с другим человеком, но душой и телом я принадлежу только ему. Осталось только понять, не опоздала ли я...

Я отпускаю дверную ручку. Поворачиваюсь к нему лицом. Как в последний раз, делаю вдох и, пустив осторожность по ветру, ставлю на кон свое сердце.

— Привет, Ронан.

Услышав мой голос, Ронан в тот же момент замирает как вкопанный. Наши глаза встречаются, и я вижу на его лице целую гамму разных эмоций.

— Что ты здесь делаешь? — цедит он с такой ненавистью, что я на секунду опешиваю. — Чертова Элли.

Вздрагнув, я делаю в его сторону шаг.

— Я...

Но тут открывается дверь и выходит женщина, лица которой я никогда не забуду. Спеша к нему, она задевает меня плечом, а после протягивает Ронану свои унизанные кольцами руки.

— Вот ты где. А я-то думала, куда ты пропал.

Ронан ставит сумки на землю, потом берет ее за руки и притягивает к себе. Улыбаясь медленной, обольстительной улыбкой, он делает вид, будто меня не существует.

— Что, уже успела по мне соскучиться?

Рэйчел смеется переливчатым смехом, а меня пожирает ревность. *Господи, она даже смеяться умудряется элегантно.* Она что-то щебечет ему, но за звоном в ушах я их не слышу. Почувствовав внезапное головокружение, я приваливаюсь к стене.

Отпустив ее, Ронан сплетается с нею пальцами, подхватывает свободной рукой сумки и начинает идти в сторону дома. Когда они проходят мимо меня, его глаза сталкиваются с моими, и я не вижу в них ничего, кроме застывшего равнодушия.

— Прошу прощения, — обращается он ко мне. Его голос так холоден, что внутри у меня все превращается в лед.

Когда они скрываются в доме, я прижимаюсь макушкой к стене и закрываю глаза.

Вот он, гребаный ответ на твой вопрос, Блэр.

Ты опоздала.

Глава 23

— Блэр, прости, — с грустью умоляет меня Элли. — Я понятия не имела, что Алессандро их пригласил.

— Все нормально. — Оторвав взгляд от разделочной доски, я сжимаю ручку ножа. — Ты же не виновата в том, что я наконец-то получила по заслугам за то, как паршиво вела себя в прошлом. Но как он попал сюда? Я не знала, что вы с ним виделись после того раза, как он вез вас ко мне.

Она объясняет, как случайно пересеклась с ним на вечеринке у Рэйчел. При упоминании ее имени у меня в желудке разливается желчь, но отчаянное желание узнать о нем перевешивает неоправданную неприязнь к этой женщине.

— Алессандро сказал, что на прошлых выходных наткнулся на Ронана в баре в Сохо и пригласил его. Он не знал, что у вас с ним что-то было. Господи, я так на него разозлилась, когда их увидела.

— Бедняга. — Я снова принимаюсь с напускной тщательностью резать чеснок. — Надеюсь, ты была с ним не слишком сурова.

— Выживет, — дерзко роняет Элли, и я невесело хмыкаю.

Элли отпивает вина, а потом крутит жидкость в бокале — по-видимому, взвешивая свое следующее заявление.

— Блэр... Я не думаю, что он разлюбил тебя.

— Не говорит так, — шепчу я, но мое сердце начинает колотиться так громко, что я едва слышу сквозь его стук свои мысли.

Перед глазами вспыхивает картинка: Ронан и Рэйчел стоят у огня, его рука — вокруг ее талии, ее — спрятана в задний карман его джинсов. Они смеются, общаются с Элли и Алессандро и с остальными гостями. У меня могло быть все это, не будь я такой идиоткой, но Ронан теперь с Рэйчел, и я ничего не могу с этим поделать.

— Ты ошибаешься, Элли. — Я кладу нож на стол и становлюсь к ней лицом. — Он меня ненавидит.

— Я бы не была так уверена. Блэр, он лжет себе. Я это чувствую. Когда он думает, будто никто не смотрит, то следит за каждым твоим движением. Он не может оторвать от тебя глаз.

— Элли, хватит, — умоляю я, начиная сердиться. *Хватит меня обнадеживать.* — Он привез с собой Рэйчел. Он с ней.

— То, что они трахаются, еще не значит, что они влюблены. — Элли пожевывает свою нижнюю губу. — Но должна признаться, я не представляю, что с ней и делать.

— Ничего!

Она поднимает руку.

— Она ему симпатична, тут можно не сомневаться, но он не смотрит на нее такими глазами, как на тебя.

— И какими же глазами он на меня смотрит? — спрашиваю я тихо.

— Блэр, ну в самом деле. Неужели ты настолько слепа? Он смотрит на тебя, будто ты центр Вселенной. Он, конечно, дико рассержен, но...

— Элли, давай больше не будем об этом, — прошу я. — Некоторые вещи исправить нельзя.

Она надувает губы.

— Я думала, ты покончила с ложью.

— Покончила. Но отрицание, — я беру у нее бокал и, сделав большой глоток, возвращаю, — это единственное, что позволяет мне хоть как-то держаться с тех пор, как он прибыл. Ну все, давай готовить.

Я отправляю Элли накрывать на стол, а сама заканчиваю с готовкой. Не уверена, насколько вкусно это получится, но разве сложно сделать мясной соус и сварить спагетти? Как только выключается таймер, я сливаю воду и перекладываю пасту на блюдо. Начав искать оливковое масло, я внезапно чувствую у себя за спиной его. И застываю на месте в момент, когда мы соприкасаемся.

— А где Лоренс?

Я вздрагиваю, чувствуя, как в меня вжимается его крупное тело. Сглатываю и трясусь

головой. Я боюсь быть с ним наедине, боюсь, что кто-нибудь зайдет и застукает нас, боюсь своей головокружительной тяги к нему. Опершись обеими руками о стойку, я выдыхаю:

— Мы... мы больше не вместе.

Медленно положив обе ладони поверх моих, он заключает меня в ловушку между своими руками.

— Что, уже надоела ему? — тянет он.

— Нет... — Я знаю, что должна развернуться и выйти, но не могу. Невозможно. Даже спустя столько времени чары Ронана по-прежнему воздействуют на меня. — Все не так. Я просто больше не могла продолжать. Я люб...

— Тихо. — Он толкает меня к столу, и его край впивается мне в живот. — Я не могу думать, когда я рядом с тобой, — шипит он.

— Мне столько всего нужно тебе объяснить...

— Что тебе от меня надо? — шепчет он хрипло мне в ухо. — Почему каждый раз, когда мне кажется, что я забыл тебя и все теперь хорошо, ты возвращаешься в мою жизнь и заново рушишь ее? Зачем ты напоминаешь о том, что мне недоступно?

Ругнувшись, он прижимается к моему горлу губами, ведет ими по шее, отчего по всему моему телу начинают бежать мурашки. Страх смешивается с возбуждением. Страсть с реальностью. Желание с острой потребностью.

Он проталкивается пальцами за пояс моих джинсов, за кромку белья. Находит меня.

— Но мне теперь наплевать. — Своими прикосновениями он начинает штурмовать все мои чувства, заставляя меня постанывать от удовольствия. — Всегда такая восприимчивая. На него ты реагируешь так же?

Безэмоциональность и холодность его голоса разрушает то гипнотическое воздействие, которое он оказывает на меня. Физически Ронан рядом со мной, ласкает, наказывает меня, в то время как его сердце во всем этом участия не принимает. Оттолкнувшись от стойки, я разворачиваюсь, и вот мы глядим друг на друга.

— Да что с тобой? — Чтобы остановить дрожь, я обнимаю себя за живот. Я чувствую себя такой грязной. — И что, черт побери, со мной?

Он хмыкает.

— Раньше ты не был настолько жесток, — плачу я.

Смех сходит с его лица, сменяется тихой яростью, горячей в глазах. Он наклоняется так близко ко мне, что наше дыхание смешивается.

— Ты. Вот, что со мной. — Он поднимает руку. Хочет коснуться меня, но отдергивает обратно и сжимает в кулак. — Я хочу понять, как жить без тебя, — сердито бормочет с бурей в карих глазах. — Но, черт, никак не могу.

Я делаю шаг вперед и уже тянусь к нему...

— Ронан...

— Кажется, я видела, как он заходит на кухню... — очень громко говорит Элли, предупреждая нас о своем появлении.

Мы с Ронаном расходимся в разные стороны и в следующее мгновение видим, как на кухню заходят Элли и Рэйчел. Не в силах смотреть на них, я прошу себя извинить и, не оглядываясь, в спешке убегая из комнаты.

Ронан

— Такая красивая ночь.

Обернувшись, я вижу у дверного косяка Рэйчел, столь совершенную в кашемировой водолазке и кремовых брюках. Глядя на ее прекрасное лицо, я приказываю своему проклятому сердцу почувствовать хоть что-нибудь, но оно, как всегда оставаясь спокойным, молчит и не бьется.

— Да. — Я тушу сигарету и прислоняюсь к деревянным перилам. — Иди сюда, красавица.

— В доме так тихо. — Ступив на крыльцо, она приходит прямо в мои объятия и обхватывает руками мой торс. — Похоже, только мы с тобой не пошли после ужина в бар.

Я провожу рукой по ее спине. Она немного дрожит под моей лаской.

— Ты тоже хочешь пойти? Мы, наверное, еще успеем догнать их.

Покачав головой, Рэйчел трется щекой о мою грудь.

— От тебя так приятно пахнет.

Я целую ее в макушку и приказываю себе перестать думать о Блэр. *Пошло оно к черту. Рэйчел заслуживает лучшего отношения.*

После паузы Рэйчел произносит негромко:

— Нам было хорошо вместе, правда ведь?

Догадываясь, что она имеет в виду, я покрепче заворачиваю ее в объятия.

— Я думала, ты забыл ее, но ошиблась. Я не люблю тебя, Ронан, однако чувствую, что начинаю влюбляться. И потому ухожу. — Она мягко целует меня в щеку. — Я больше так не могу. Только не после развода.

— Рэйчел, прости.

— Не извиняйся. — Ее голос срывается. — Иначе это будет значит, что все, что у нас было, являлось ошибкой, а это не так. Это было прекрасно. — Она отпускает меня и, распрямив плечи, гладит меня по груди. — Как прекрасен ты сам.

Мои руки ложатся на ее бедра, сжимают мягкую плоть.

— Как же мне хотелось бы...

— Полюбить меня? — Она улыбается слабой, печальной улыбкой, которая не доходит до глаз. — Нет, мой прекрасный слепец... ты меня не полюбишь. Пока ты принадлежишь ей — нет.

Я стискиваю челюсти. Я ненавижу себя, потому что все это правда, и, как бы мне того ни хотелось, отрицать ее бесполезно. Мною владеет Блэр. Я думал, что могу выбирать, что могу заставить себя позабыть ее, жить без нее, но то был самообман. Все равно, что попросить солнце перестать вставать на рассвете. И тем не менее во мне продолжает свирепствовать, стирая остатки нежности к ней, всепоглощающая потребность причинить ей равнозначную боль. Желание голыми руками растерзать ее и попить крови — вот, что все это время питало меня и давало мне силы существовать. Потому что, если быть с собой честным, я отступился от своей наивной мечты пробиться самостоятельно и принял помощь Рэйчел и Карла исключительно из-за нее. За всеми моими выборами и решениями, которые привели меня в эту точку, стоит Блэр.

— Ронан... если ты любишь ее — а ты ее любишь, — то почему не пойдешь за ней?

Я отворачиваюсь от ее голубых глаз, которые, кажется, способны видеть сквозь любые возведенные мною барьеры.

— Я не могу.

Как объяснить, что моя жажда мести перевешивает мою никчемную любовь к женщине, которой эта любовь не нужна? Но это не имеет значения. Жизнь наконец-таки улыбнулась мне, поставив Блэр у меня на пути, и я заставлю ее заплатить.

Она заставляет меня снова посмотреть на себя.

— Как же я люблю в тебе эту упрямую жилку. Но будь осторожен, иначе она погубит тебя.

— Рэйчел, я не заслуживаю тебя. Я плохо с тобой обошелся.

— Ронан, не надо. Не говори так. Я большая девочка и с самого начала понимала, во что я ввязываюсь. Больно ли мне? — Она пожимает плечами. — Может, немного. Но ты этого стоил. Как же ты этого стоил. Я оправлюсь. Теперь я в этом уверена. — Она притрагивается к груди. — Знаешь, когда я с тобой познакомилась, то все внутри меня было словно сковано льдом. Теперь его нет. Ты напомнил мне, что такое заниматься любовью, смеяться, ощущать себя красивой и желанной. Спасибо тебе за то, что я снова стала собой.

Я наклоняюсь и целую ее за то, что никогда не случится.

Когда мы отстраняемся друг от друга, она, погладив меня по плечу, улыбается — преувеличенно ярко. Ее глаза блестят от непролитых слез.

— Мне лучше уйти. Пару часов назад я вызвала водителя, и он уже здесь. — У самой двери она останавливается. Оглядывается и смотрит мне прямо в глаза. — Жизнь скоротечна, Ронан. Не трать ее зря.

Глава 24

Блэр

Вечером, сидя в баре и глядя, как люди вокруг смеются и выпивают, я не смогла заставить себя присоединиться к веселью, притвориться, что все хорошо. В итоге, вымотанная и физически, и душевно, я решила вернуться домой.

Закрыв за собой дверь, я кладу ключи от машины Алессандро в чашу на деревянном столике у двери и иду к себе в спальню. Элли вызвалась уехать вместе со мной — по видимому, испугавшись, как бы я не столкнулась с Рэйчел и Ронаном, — но я сказала, чтобы она осталась и провела время с друзьями.

На секунду представив их вместе в постели, я отталкиваю эту картинку прочь. *Об этом мне точно лучше не думать.* В спальне я прислоняюсь к двери и, закрыв глаза, растворяюсь в тишине и в сопровождающем ее покое.

— Ты победила.

Я распахиваю глаза. Смотрю в направлении голоса и, когда зрение приспособливается к темноте, различаю в кресле у окна Ронана. Его лицо залито лунным светом. Не в силах произнести ни слова, я смотрю, как он поднимается и неспешным шагом подходит ко мне.

— Давай послушаем, что тебе есть сказать.

Я все молчу, не в состоянии произвести ни одной связной мысли.

— Что с тобой? — Каждое его слово сочится сарказмом. — Ты еще недавно так рвалась объясниться. Ну так вот он, твой шанс.

— Нет... — протестую я слабо. Потом откашливаюсь и собираюсь с силами, чтобы поступить правильно и отказать ему. — Теперь в этом больше нет смысла. Иди назад к Рэйчел.

— Рэйчел уехала. Между нами все кончено. Здесь только ты и я. Ты теперь счастлива?

Сейчас, когда он стоит напротив меня на расстоянии дюйма, мне требуется вся сила воли на то, чтобы не упасть перед ним на колени и не начать умолять о прощении.

— Нет, Ронан. Как я могу быть счастлива после всего, что совершила?

— Понятно. — Хмыкнув, он проводит ладонью по волосам. — Так вот, какая у тебя новая игра, Блэр? Прибереги ее для очередного ничего не подозревающего ублюдка. Передо мной можешь не устраивать представление. Я уже признал, что ты победила. Я ведь здесь, разве не так?

Мое сердце готово взорваться от воюющих друг с другом эмоций — страх, надежда, печаль и любовь смешиваются воедино. Но громче всего звучит моя любовь к мужчине, которого я безуспешно пыталась забыть. Именно эта яростная любовь и толкает меня к нему. Нет больше страха, что он ранит или бросит меня. Нет больше мыслей, что нашей любви окажется недостаточно. Значение имеет одно — возможность наконец-то обнять его без стоящих между нами людей.

— Это не игра, Ронан.

— Я же сказал, не надо. — Он выставляет руку вперед. — Я вижу, каким взглядом ты на меня смотришь... Я здесь, чтобы трахнуть тебя и разделаться с этим.

— Я не верю, что ты серьезно. — Я осмеливаюсь подойти к нему ближе. Подняв руку, смотрю, как он втягивает в себя воздух, пока я тыльной стороной ладони касаюсь его лица, выпуская эмоции, которых так долго лишала себя.

И это чудесно.

И одновременно безумно.

И дарит сладчайшую из надежд, которая разрастается с каждым ударом сердца и распространяется во мне точно пожар.

— Почему на самом деле ты здесь, Ронан?

Его взгляд пронзает меня насквозь, и я растворяюсь в янтарном море.

— Почему я здесь? — с нажимом повторяет он. — Потому что рядом с тобой я не могу притворяться. Да и как? Если ты выросла в меня... въелась в мою проклятую душу. Я здесь, потому что ничего не могу с собой сделать. Тырываешь меня на части, но все равно мне нужна. — Его глаза сквозь темноту сжигают меня дотла, пока слова оживляют.

Он берет мое лицо в обе ладони, поработает меня своими то собственническими, то беспощадными прикосновениями.

— Я твердил себе, что должен уйти, что должен забыть тебя, что ты этого не стоишь.

— И у тебя получилось? — спрашиваю я тихо.

— Нет. Я же, в конце концов, здесь. Хочу тебя сильнее, чем когда бы то ни было, и, черт, это убивает меня. — Его хватка становится крепче. — Я ненавижу тебя за то, что ты влюбила меня в себя, и ненавижу себя за то, что не могу перестать.

Наши взгляды остаются скрещенными, пока я мягко отвожу от лица его руки и начинаю осыпать их медленными, почтительными поцелуями. *Пожалуйста, прости меня. Поцелуй. Для меня всегда существовал только ты. Поцелуй. Чувствуешь? Поцелуй. Вернись ко мне. Вернись ко мне.*

Вернись ко мне.

Побежденный, он стонет, заворачивает меня в крепкие объятия, и я словно наконец-то возвращаюсь домой. Время, проведенное врозь, превращается в бессмысленное ничто.

— Прогони меня, — молит он. Его голос охрип от эмоций.

— Не могу. — Я притягиваю его к себе.

— Почему? — исторгается вопрос у него из груди.

— Потому что я не могу тебе врать. — Я поднимаю глаза, предлагая ему себя. —

Жестокий ты человек, я не хочу, чтобы ты уходил.

— Тогда я останусь.

— Разденься.

Пока я снимаю одежду, он стоит у кровати и смотрит, как слой за слоем исчезают прикрывающее мое тело вещи. Нервно, я ощущаю себя так, словно мы вернулись в тот незабываемый летний вечер и собираемся в первый раз заняться любовью. К тому времени, когда я оказываюсь совершенно обнажена, он тоже раздевается и встает напротив меня.

— Ляг на кровать.

От его тона, из которого внезапно исчезают эмоции, у меня по спине бежит холодок, но я его игнорирую, как и странный свет, которым поблескивают его глаза. Желание показать Ронану, что я принадлежу ему и только ему, ослепило меня.

Когда я ложусь, он становится у меня между ног, подхватывает под бедра и, подтащив к себе, раздвигает мне ноги. Его движения грубые и отстраненные. В глубине души я понимаю: так он наказывает меня за все, что я ему сделала, и потому не противлюсь, надеясь, что ему необходимо действовать именно так, чтобы после простить меня. Не подготовив меня к своему вторжению, Ронан толкается вперед, пока не оказывается во мне до упора, и я, вскрикнув от боли, схожу с ума от сладкой агонии — наконец-то он снова во мне, снова так близко. Тяжело дыша, он останавливается, и по всему его телу проносится дрожь. Злость на его лице пугает, но единственное, что сейчас имеет значение и что для меня важно, — это отдаться ему.

Его торс в затрудненном ритме вздымается и опадает. Руки дрожат, пока он удерживает себя надо мной.

— Блэр, я... — Его голос срывается.

— Ш-ш...

Я тянусь к нему, заворачиваю в объятия и, стремясь своей любовью показать ему дорогу назад, привлекаю к себе, так что наши тела становятся одним целым.

— Я люблю тебя, Ронан.

Он делает попытку оторвать себя от меня, но я ему не даю.

— Не надо, — шепчет он хрипло. — Не говори так.

Мы боремся, но я продолжаю удерживать его так упорно, словно на кону стоит моя жизнь. Чувствую, как все мышцы его тела сотрясаются под моими руками.

— Я люблю тебя, — повторяю я, лаская его, осыпая его поцелуями, пытаюсь через прикосновения донести до него то, что он отказывается принимать через слова. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Желание бороться покидает Ронана, и он наконец-то сдается. И это словно шторм с громом, молнией и дождем. Он вибрирует, он грохочет глубоко внутри нас. Завывая...

Сокрушая...

И исцеляя...

Разрывая нас, чтобы наши поцелуи и наше смешавшееся дыхание, его движения внутри

меня и его сердце, бьющееся рядом с моим, могли снова соединить нас в любой месяц, в любую неделю, в любой день, в любой час, любую минуту и любую секунду, когда мы не вместе. Это святое причастие наших тел.

— Ронан, прости меня. — Я еще теснее прижимаюсь к нему, стискиваю вокруг его талии ноги в попытке поглотить его своим телом, слиться с ним душами, и он начинает вколачиваться в меня.

Жестко...

Больно...

Агонизирующе...

Он не занимается со мной любовью. Он пытается поработить меня, заклеить собой с каждым толчком. И сквозь все это я говорю, как сильно люблю его, надеясь, что все до единой преграды, которые нас разделяют, падут. Лоренс. Рэйчел. Вся ненужная боль.

Ревность...

Злость...

Предательство...

Ложь...

Притворство...

Все это теряет значение.

Запрокинув голову, Ронан выходит и с криком, исторгшимся из глубины нутра, кончает мне на живот. Я отлучаюсь в ванную, чтобы привести себя в порядок, а потом возвращаюсь к постели и вижу, что лежит, распластавшись на животе, волосы в беспорядке, глаза закрыты. Я подхожу к нему. Мое сердце наливается любовью и счастьем. Не говоря ни слова, он притягивает меня к себе, заворачивает в яростные объятия, и мы засыпаем. Уже в полусне я наконец-то понимаю, что значит истинное счастье.

Вот этот момент.

В его объятиях.

Я просыпаюсь с ощущением буйного, невероятного счастья. Приятное жжение между ног напоминает о том, сколько раз Ронан брал меня этой ночью — с такой неубывающей страстью и обжигающим пылом, что можно лишь удивляться, как наша кровать не рассыпалась в пепел. Я тянусь к нему, улыбаясь, но мои руки возвращаются обратно ни с чем. Открыв глаза, я обнаруживаю, что в постели его больше нет. Сажусь и нахожу его все в том же кресле. Успев принять душ и одеться в джинсы и красную клетчатую рубашку, он пристально наблюдает за мной. Стоит моему взгляду упасть на него, и сердце вновь подпрыгивает в груди.

Вдруг оробев, я заворачиваюсь в простыню.

— Доброе утро.

Ронан молча встает и становится возле кровати. Его красивое лицо сурово. Непроницаемо. От того, как невыразительно он смотрит на меня — как на какое-то нежеланное зрелище, — по моей спине бежит холодок, но я говорю себе, что это всего лишь игра моего утомленного воображения. Это же тот человек, который всю ночь, крепко обнимая и не отпуская ни на секунду, делал меня своей.

Он достает из заднего кармана джинсов бумажник, открывает его и вытаскивает пару

купюр. Когда я, сдвинув брови, собираюсь спросить, зачем эти деньги, он небрежно бросает их на кровать, и, пока я смотрю, как зеленые бумажки, точно перья, медленно опускаются на матрас, у меня обрывается сердце.

— Что это? — спрашиваю его через силу.

— Разве обычно это делается как-то иначе? — Скользнув по мне равнодушным взглядом, он прячет бумажник в карман. — Я плачу за твои услуги. Помнится, ты как-то обмолвилась, что я не могу позволить твой ценник. Ну так теперь могу.

Нет. Нет. Нет. Нет.

Вцепившись в простыню на груди, как в спасательный круг, я говорю себе, что вижу сон. Я скоро проснусь, и окажется, что это был ужасный кошмар. Но глядя на человека передо мной и чувствуя, как мое едва исцелившееся сердце снова начинает раскалываться, я понимаю, что сном была прошлая ночь, а то, что происходит сейчас, — жестокая реальность.

— Ты же не... — Почувствовав дурноту, я подношу пальцы к вискам. — Кажется, я неверно тебя расслышала.

— О нет, ты не ослышалась, Блэр. Надеюсь, ты не настолько наивна, чтобы думать, будто сегодняшняя ночь имела хоть какое-то отношение к любви, — произносит он с отстраненным спокойствием. — Только идиот может снова влюбиться в тебя. И если позволишь заметить, твоя игра становится слишком отчаянной. Необязательно притворяться влюбленной, чтобы я тебя трахнул. Я хочу тебя — в этом нет никакого секрета. Как и в том, что ты захотела меня, потому что я теперь не никто, моя амбициозная и алчная Блэр.

Я рассыпаюсь в ничто. Любовь к Ронану явилась ко мне, как салют в небесах. Неожиданно и захватывающе. Моя вечная тьма внезапно озарилась всполохами сверкающих искр, которые вместе могли бы посоперничать с ярчайшей из звезд. Он наполнил ее своим мощным светом, расписал мой мир прекрасными красками. А прошлой ночью небо не просто сияло — оно горело, как самое яркое солнце. Но как только его слова вскрыли меня, свет ушел, вновь швырнув меня в слепую абсолютную тьму.

— Думаю, тебе лучше уйти, — говорю я оцепенело.

Когда он подходит к двери, я слышу, как говорю ему в спину:

— Постой.

Обернувшись, он со скучающим видом приподнимает бровь.

— Да?

— Я всем своим сердцем желаю, чтобы моя любовь к тебе умерла.

Внезапно перед моим взглядом вспыхивает давно забытое воспоминание о другом, но очень похожем прощании. Я вижу другого мужчину и девушку намного моложе меня, я слышу, как Мэтью Каллахан желает мне полюбить человека, который разобьет мое сердце. Чтобы я поняла, какую боль могу причинять.

— Если это все... — тянет он.

Я ложусь на бок и, желая, чтобы он скорее ушел, закрываю глаза. В момент, когда хлопает дверь, я с силой закусываю губу, чтобы сдержать беспомощный всхлип, и по моему лицу начинают струиться горячие слезы.

Глава 25

Ронан

Я давно решил, что поднимусь в этом мире, где таким, как я, места нет, и покорю его своими руками, глядя, как люди теряют из-за меня — их неограненного алмаза — свой жалкий рассудок. Я продал свою душу и, чтобы забыть о Блэр, окружил себя людьми, которые прежде отвергали меня.

Вчера ночью, когда я принял ее в свои объятия и погрузился в восхитительную глубину ее плоти, меня впервые за очень долгое время одолели сомнения. Я подумал, а что, если начать все сначала? Оставить всю чушь позади и позволить своей любви — своему безумию — к ней стать хлебом, который будет питать нас и поддерживать жизнь. Но хотя сердце настаивало, чтобы я уступил ее песне сирены, другой голос, громкий и резкий, приказал мне не быть дураком и больше не верить ее вранью.

Блэр была со мной, потому что ее отверг Лоренс. Она захотела меня, потому что теперь я мог дать ей то, чего у меня не было раньше. Тот же голос сказал мне, что я зашел чересчур далеко, чтобы бросить все ради заманчивого, но мимолетного сна. Да, то был всего лишь сон. И пока во мне бушевали эмоции, я проснулся и пришел наконец-то в себя. Стоит образу Блэр промелькнуть перед глазами, как я прекращаю собирать чемодан и ухожу к окну. Я вспоминаю, сколько неприкрытой боли было в ее глазах, когда я бросил ей деньги. Стиснув челюсти, я говорю себе, что это была просто игра — как и ее фальшивые признания в любви. Меня накрывает новой волной ненависти и отвращения. Когда-то я отдал бы все, чтобы услышать от нее эти слова, но сейчас они ничего больше не значат. Они пусты. Бесполезны. Она не любит меня. Она никого не любит, кроме себя.

Вскоре после того, как я заканчиваю собирать чемодан, раздается стук в дверь. Я открываю ее. Это Элли.

— Надеюсь, ты доволен собой, — произносит она.

Я выгибаю бровь.

— Ты о чем?

— Она уехала. — Держась за бедра, Элли встряхивает головой.

— Побежала обратно к Лоренсу, да? — глумливо интересуюсь я, мечтая о том, чтобы у меня отказали все чувства. — Что ж, ненадолго ее хватило.

— Какой же ты гад. — Элли делает шаг вперед, бесстрашно сокращая дистанцию между нами. — Она порвала с Лоренсом.

— В самом деле?

— Да, и она к нему уже не вернется.

— Очень сомнительно, что все произошло именно так. Скорее она наскучила Лоренсу, вот он и кинул ее. — Круто развернувшись, я ухожу к своему чемодану, раскрытому на кровати. — Но мне теперь наплевать. Пусть живет, как ей нравится.

— Господи, как же ты слеп. А я-то, дура, подумала...

Я оглядываюсь и в упор смотрю на нее.

— Что мы помиримся и будем жить охерительно долго и счастливо? Не будь ты такой наивной, Элли. Этот поезд ушел уже очень-очень давно.

— Знаешь, что? Может, так даже лучше. Ты не тот человек, которого она полюбила — ты просто не можешь им быть. Я едва знаю тебя, но уверена, что такой, как ты, ей в жизни не нужен.

Я откидываю голову и смеюсь, но в моем смехе, как и внутри меня, — пустота.

— Нет, того человека нет. Элли, она никогда меня не любила.

— Любила!

— Да что ты? Тогда почему она убежала? Почему она разбила мое проклятое сердце, когда я рвался любить ее? Я не просил многого. Я хотел только Блэр. Знаешь, почему она вернулась? Потому что я перестал быть нищим никем.

— Нет, погоди, — ошарашено прерывает меня она. — Ты все неправильно понял. Совершенно неправильно. Разве она не сказала тебе? Черт, Блэр. Ну почему ты... — бормочет она себе под нос, а потом, вновь сфокусировавшись на мне, торопливо подходит и умоляюще кладет мне на руку ладонь. — Ронан, ты все неправильно понял.

Сбросив с себя ее руку, я отворачиваюсь от нее и от обманчивого света в ее глазах.

— Не трать слова, Элли. Между нами все кончено. Уходи. Хотя лучше я сам уберусь.

Она дотягивается до меня и снова разворачивает к себе.

— Ну уж нет. Ты выслушаешь, что я скажу. Мне надоело смотреть, как вы оба зря тратите время и понапрасну причиняете друг другу боль. В тот первый раз Блэр ушла, потому что считала, что недостаточно хороша для тебя.

— Я тебя умоляю. Она порвала со мной, потому что у меня не было денег. Она выбрала Лоренса из-за его толстого кошелька. Она золотоискательница. — Я выплевываю слова, точно яд.

— *Нет.* Ронан, она влюбилась в тебя. Безнадежно. Ты был первым мужчиной, с которым Блэр захотела всего. Абсолютно всего. Любви. Отношений. Вечности. Она все лето сияла. Она была счастлива — в первый раз в жизни. Я не знала твоего имени, но знала, что все это из-за тебя.

Качая головой, я сажусь на кровать, а ее слова стараются прорваться за стену внутри меня.

— Этого просто не может быть. — Я поднимаю глаза. — Ты мне лжешь.

— Нет, не лгу. И ты это знаешь. В душе ты должен знать, что я говорю правду. Но чего ты ждал от девушки, которая всю жизнь считала себя недостойной любви, которой причиняло дискомфорт даже простое объятье? Для нее это было слишком, Ронан. Послушай, я не оправдываю ее поведение. Она должна была поговорить с тобой. Но она поступила единственным известным ей образом. Убежала. Блэр солгала тебе, потому что знала: она сможет уйти только в том случае, если вызовет у тебя ненависть. Иначе она была бы не в силах расстаться с тобой.

Мое сердце начинает гулко стучать. На меня обрушиваются воспоминания о нашем коротком лете, о вечеринке, о прошлой ночи — особенно о прошлой ночи. Все было по-настоящему.

По-настоящему.

— Значит, она не лгала, — сипло бормочу я, потрясенный до глубины души. — Сегодня ночью, когда она... — Я крепко зажмуриваюсь, и мне становится дурно. — Что я наделал?

Она предлагала мне не только свое тело. Она предлагала мне и свою любовь. И я это знал. Чувствовал. Но жажда мести ослепила меня.

— Ты позволил гордости встать у себя на пути. И потом, я видела тебя с Рэйчел и читала статьи о твоей карьере. Так что, Ронан, не тебе ее осуждать.

Побежденный, я открываю глаза и сосредотачиваюсь на Элли.

— Каким же чертовым идиотом я был.

— Вы оба. Но послушай меня. Она тебя любит. Для нее всегда существовал только ты. Так почему, черт побери, ты еще здесь? *Иди за ней.*

Меня привели в этот мир, но я так и не смог понять, почему был выбран именно я, а не

кто-то другой. Зачем я здесь, когда во мне нет ничего особенного? Я был самым обычным парнем, пытающимся пробиться. Но когда слова Элли разбивают возведенные вокруг меня стены — и я остаюсь нагим, незащищенным, но окрыленным надеждой, которая пульсирует в каждом ударе моего недостойного сердца, — я вдруг понимаю, зачем.

Поднявшись, я иду к двери и уже на пороге слышу за спиной голос Элли:

— Что, передумал?

Я оглядываюсь с печальной улыбкой.

— Мне жаль твоих врагов, Элли. Ты грозный противник. А теперь, если позволишь, я должен отправиться за своей женщиной.

Она усмехается.

— Давно пора.

Глава 26

Блэр

Прибыв из Вермонта на Пенсильванский вокзал, я ловлю такси и еду к себе. Откинувшись на сиденье, я закрываю глаза и позволяю себе расслабиться под знакомое убаюкивающее гудение города. В момент слабости я вспоминаю о прошлой ночи и о сегодняшнем утре, но стоит этой мысли возникнуть, как я отметаю ее. Пока что я не готова думать об этом.

Дома я бросаю сумки на пол и в поисках еды отправляюсь на кухню. Как только мой взгляд падает на зеленую бутылку шампанского, у меня в сознании вспыхивает чарующая улыбка Лоренса. Черт. Воспоминания о них преследуют меня даже дома. Но чего я ждала? Не в силах оставаться здесь, я как можно быстрее захлопываю дверь, беру свои вещи и ухожу.

До фонтана Вифезды я дохожу уже в темноте. Луна и звезды прячутся за быстро летящими облаками, светящимися в ночи серебром. Воздух потрескивает электричеством, как перед грозой. Я сажусь на то самое место, где впервые увидела Ронана так много воспоминаний и жизней назад. Мне нравится ночная прохлада. Помогает проветриться. Я не вполне понимаю, зачем я пришла сюда помимо того, чтобы еще немного помучить себя, однако я здесь.

Пока я оглядываю пустой парк, впитывая купающееся в янтарном фонарном свете окружающее пространство, на мою кожу падает первая капля дождя. Потом вторая и третья. Закрыв глаза, я кладу ладони на парапет позади себя, откидываюсь на них и, подняв лицо к небу, приветствую целующие мою кожу капли дождя. Мне стоит пойти домой или поискать укрытия на веранде, но я продолжаю сидеть. Быть может, в глубине души я надеюсь, что дождь очистит меня, смоет мои грехи вместе с пылью, которой покрыты камни фонтана. А может, я остаюсь, потому что именно здесь началась и закончилась моя жизнь. И здесь же я должна попрощаться с своими скоротечными мечтами о Ронане и похоронить их.

Внезапно небеса разверзаются, и начинается ливень. На мгновение молния освещает темное небо ослепительным белым, после чего неподалеку раздаются раскаты грома. Когда я, до нитки промокшая и замерзшая, встаю, чтобы уйти, справа появляется силуэт человека. Он приближается ко мне, и я моментально его узнаю. Я бы узнала его где угодно. Грудь обжигает огнем, и я начинаю уходить от него так быстро, как только позволяют мне ноги.

— Блэр! Постой! — кричит он.

Вероломное сердце требует остановиться. Но я не прислушиваюсь к нему. Не сейчас. Я

слепо бегу, не разбирая дороги. Неважно куда, лишь бы как можно дальше от Ронана. Зрение размывается, и я подскользываюсь на мокрой земле. Боль слишком сильна, она поглощает меня.

Неожиданно Ронан настигает меня, разворачивает к себе лицом, и я всем телом врезаюсь в него. Гром продолжает греметь, молнии, освещая его черты, снова и снова вспыхивают над нами. Ветер тоже усиливается. Мы оба тяжело дышим, пока по нашим венам струится отчаяние. Но в заложниках меня держат его глаза.

— Отпусти меня, ты, ублюдок! — кричу я и с залитым слезами лицом бью его в грудь. — Тебе еще недостаточно?

— Нет.

Ронан заворачивает меня в объятия, сокращает расстояние между нашими ртами. Я дергаю головой, отворачиваюсь от него, и на его лице появляется боль — точное отражение боли, которую переживаю я.

— Не бойся моих прикосновений, — настойчиво начинает шептать он мне на ухо. — Не отнимай это у меня. Поцелуй меня, Блэр. *Поцелуй меня.*

Продолжая отталкивать его, я трясусь головой.

— Нет, Ронан. Я не могу. Слишком больно.

— Я знаю, малыш. Очень больно. — Он отпускает меня и, взяв мое лицо в ладони, заставляет посмотреть на себя сквозь струи дождя. — Пожалуйста, позволь мне унять эту боль, — шепчет хрипло.

Он наклоняется и поцелуем заставляет меня замолкнуть. И я сдаюсь. Ему, его рукам, убедительным движениям языка и глазам, полным нежности.

Поцелуи, которые стирают из моей памяти все, кроме него.

Он проникает глубоко мне под кожу.

Он — огонь на моем языке.

Это рай или ад?

Думаю, и то, и другое.

Потому что он здесь, со мной.

Завернутая в его объятия, я медленно открываю глаза и вновь концентрируюсь на его прекрасном лице.

— Блэр, Блэр... — Его руки стискивают меня. — Я знаю, что облажался. Я злился, я тонул в ревности. Невозможность быть с тобой сводила меня с ума. Я сделал много вещей, которыми не горжусь, но любви к тебе среди них нет. Я люблю тебя. Черт, очень сильно. И не прекращал любить ни на день.

Я цепляюсь за него, и с моих губ срывается всхлип.

— Ты — моя причина существовать. Без тебя я ничто. Скажи, что любишь меня, — молит он. — Мне нужно это услышать.

Я люблю тебя.

Всего несколько коротких слогов. Три простых слова, которые бессмысленны по отдельности, но вместе значат надежду, жизнь, красоту — все то, ради чего стоит жить. Которые легко сказать и легко забыть. Они исцеляют тебя, вдыхают в тебя жизнь.

Они могут тебя уничтожить.

— Глупый, глупый ты человек, — прерывисто говорю я. После столького времени мы наконец обрели друг друга. — Я боялась любить тебя, потому что знала, что оно меня уничтожит, но жить без тебя — словно каждый день умирать медленной смертью.

— Я знаю. Я чувствовал то же самое. Каждый день и каждую секунду вдали от тебя. Но теперь я здесь и никуда больше не денусь.

Между нами произошло столько всего. Я не знаю, сумеем ли мы оставить плохое в прошлом, но прямо сейчас он со мной, и это единственное, что имеет значение.

— Забери меня куда-нибудь, Ронан. Сделай так, чтобы все плохое исчезло.

Мы в молчании едем в такси. Мы не притрагиваемся друг к другу. Это не нужно. Связь между нами еще никогда не была так сильна. Если закрыть глаза, я буду знать, что он рядом со мной. Я почувствую его всюду, куда бы он ни отправился. Он может сменить свое имя, свой облик, стать кем-то другим, но моя душа все равно узнает его. Моего Ронана.

Взяв меня за руку, он переплетает наши пальцы.

— Ты в порядке?

Я облизываю губы.

— Да.

Нет нервов. Нет страха. Нет никаких «а что, если». Впервые, сколько я себя помню, все ощущается правильным. словно я нахожусь на своем месте — с ним рядом.

По негласному соглашению мы отправляемся в отель, где ничто не напоминает нам о других. Туда, где мы можем начать все сначала. Я смеюсь, когда он регистрирует нас как новобрачных. Мистер и миссис Кляйн. За взглядами украдкой прячутся скрытые смыслы. *Я хочу тебя. Сделай меня своей. Я твоя. Навсегда.* В каждой клетке моего тела вибрирует эйфория. Мои чувства гудят, оживая всякий раз, когда мы случайно соприкасаемся. Ах, это сладкое предвкушение...

Мы стоим в темноте тесного номера. В тишине, где кроме нашего прерывистого дыхания, никаких других звуков не слышно. Ронан шагает ко мне. Я шагаю к нему. Мы сходимся и медленно раздеваем друг друга, роняя на пол мокрые вещи, пока между нами не остается преград. Его ладони за талию притягивают меня к нему. Но недостаточно близко. Я всегда буду хотеть быть еще ближе.

Мы заново познаем друг друга. Движения наших ладоней нежные и прощающие — исцеляющие. Мои пальцы скользят по его коже, и его соски от моих ласк становятся твердыми, точно камушки. Медленно склонив голову, Ронан целует меня. Нежно, потом сердито, потом опять нежно. Мы целуемся, целуемся, целуемся... до боли в губах, до сорванного дыхания.

Ронан шепотом повторяет мое имя, вновь и вновь, как литанию, стискивая меня, помечая, как свою собственность. *Блэр, Блэр, Блэр, Блэр, Блэр..* Он взывает ко мне, и все мое существо сдается ему. И вместе мы воспаряем ввысь.

Сжав мои плечи, он разворачивает нас к зеркалу на стене. Мужчина в отражении настолько прекрасен, что хочется плакать. Светло-карамельная кожа. Тело, созданное для того, чтобы ему поклонялись.

— Мы принадлежим друг другу, — произносит он голосом, хриплым от страсти. — Ты слышишь?

Я смотрю, как его рука движется вниз по моему телу, пока он, склонившись, целует изгиб моей шеи, а после прикусывает ее. Наши глаза встречаются в зеркале. Он накрывает ладонями мою грудь, потирает и тянет соски. Я ахаю и откидываю голову ему на плечо, мне

видно, какого труда ему стоит удерживать самоконтроль, пока он продолжает непристойно исследовать мое тело. Заведя руку за спину, я обхватываю его эрекцию. Стягиваю пальцы вокруг его твердого члена и начинаю ласкать, чувствуя, как сквозь кулак скользит его горячая твердость.

Я сильно сжимаю его, заставляя стонать.

— Возьми меня.

Потеряв остатки самоконтроля, Ронан толкает меня вперед, так что я вся прижимаюсь к поверхности зеркала. В отражении я смотрю, как он хватается меня за руку, которая держится за его член, и мы вдвоем начинаем тереть головкой мою промежность, раздвигая в стороны складки и потирая мой клитор.

— Скорее, — молю его я и направляю к своему входу. — Мне нужно, чтобы ты был внутри.

Положив ладонь мне на поясницу, Ронан заставляет меня согнуться в талии. Я отпускаю его член и опираюсь о зеркало. Я рабыня у его ног. В моих ушах шумит кровь, промежность истекает желанием, пока он еще шире раздвигает мне ноги.

Выругавшись протяжно и медленно, он пронзает меня одним глубоким, свирепым толчком.

И я попадаю в рай.

Он медленно выходит почти до конца. Потом толкается вперед — снова, снова и снова. Каждый толчок агрессивнее, требовательнее предыдущего.

— Я хочу услышать от тебя те слова, — приказывает он хрипло, вторгаясь сильнее, быстрее. — Скажи их, Блэр.

Чтобы ему было удобней, я поднимаю задницу выше.

— Я люблю тебя.

— Скажи их еще раз.

— Я люблю тебя, — стону я.

Он трахает меня, не прерываясь ни на секунду, доминируя надо мной своим телом, своими руками — всем, что он есть. И я отдаюсь ему без остатка.

— Еще раз. — Его голос дрожит.

— Я люблю тебя, — повторяю я и вижу, как по его точеному лицу начинают струиться слезы.

— Еще.

— Я люблю тебя, Ронан.

— Ты моя, поняла? — С силой стискивая мои бедра, он врывается в меня снова и снова, подводя все ближе к разрядке. — Проживи я хоть тысячу жизней и тысячу вечностей, в каждой из них я буду находить тебя и делать своей. Всегда.

— Ронан... — Я закрываю глаза и разлетаюсь на части. Ронан стонет, тоже кончая, и я ощущаю, как глубоко внутри, заполняя меня целиком, начинает распространяться теплый поток.

...Посреди ночи я просыпаюсь. Ронана рядом не нахожу, и мою грудь стягивает от страха. Привыкнув к темноте, я вижу, что он сидит нагишом на стуле и смотрит в окно. Опасение, бегущее по моим венам, заставляет меня усомниться в своем следующем шаге, но тихий голос внутри понуждает подойти к нему.

Я оглядываюсь, ища, во что бы одеться, подбираю с пола его рубашку и набрасываю ее на себя. Ронан оборачивается. Увидев меня, он дотягивается до моей руки и усаживает

верхом к себе на колени. Потом сжимает под рубашкой мои ягодицы и приподнимает вверх. В такой позе я чувствую, как мои складки раздвигаются под давлением его толстого члена, и у меня между ног начинает собираться тепло.

Горячий румянец покрывает мне щеки, когда я опускаю глаза и начинаю обводить очертания татуировок, украшающих его словно вырезанную из камня грудь. *Как убийственно ты прекрасен.* Ронан кладет мне на шею ладонь и мягко тянет к себе. Закрыв глаза, я прижимаюсь щекой к его торсу, а он начинает перебирать мои волосы. Биение его сердца успокаивает меня. Прикосновения гипнотизируют.

— Как ты оказался в Центральном парке?

— Сначала я зашел к тебе домой, но тебя там не оказалось. Я не знал, где искать тебя и что делать, и в итоге пошел туда.

— Почему?

— Не знаю. Наверно, потому что это место напоминало мне о тебе.

Во мне разливается счастье, и я в уютном молчании плыву на его волнах.

— Мне нужно знать, Блэр, — спустя несколько минут произносит он хрипло. В его слова встроен страх.

Склонив голову набок, я заглядываю в теплые карие глаза, которые показывают мне его душу.

— Что именно?

— Я видел вас двоих на той вечеринке...

— О. — Я закусываю губу.

— Ты... — Он делает паузу. — Ты любишь его? — Вопрос исторгается с болью, и я почти ощущаю на языке привкус крови.

Я думаю обо всем, через что мы прошли. О сердечной боли, о лжи, о предательстве. Я не знаю, как объяснить Ронану, что моя любовь к Лоренсу отличается от любви, которую я испытываю к нему. Что крошечная часть меня любит и всегда будет любить другого мужчину. Но я наконец-то с Ронаном, которому принадлежу и душой, и сердцем. Не в состоянии солгать ему, я молчу.

Порой молчание — само по себе ответ.

— Ясно... — Его взгляд завлакивает печалью, и он закрывает глаза.

— А ты любил ее?

Он снова смотрит на меня.

— Не думаю. Но она очень мне нравилась, Блэр. Мне нравилось быть с ней, нам было весело вместе, а секс отвлекал мое сознание от тебя. Она помогла мне, когда темнота так сгустилась, что я перестал видеть...

Его ответ — словно кинжал в самое сердце, однако было бы наивно предполагать, что мы остались теми же людьми, которые полюбили друг друга тем идиллическим летом. С тех пор мы прожили по несколько жизней — жизней, которые изменили нас. Но в глубине души я надеюсь, что наша любовь осталась такой же крепкой, как раньше. Что она сможет снова склеить нас вместе.

— Чувствуешь? — Я кладу ему на плечи ладони и трусь о него. — Все это твое. Только твое. — Я целую его в подбородок, в уголок рта, в губы. — Как бы мне того ни хотелось, но я не могу сказать тебе то, что ты хочешь услышать. — Ронан со стоном обхватывает меня за талию, пока я раскачиваюсь на его твердеющем члене. — Единственное, что мы можем сделать — это жить дальше. И быть вместе.

Я накрываю его щеку ладонью, а Ронан берет свою эрекцию в руку и входит в меня одним быстрым, глубоким толчком. Стоит мне почувствовать внутри толчки его члена — такого твердого, такого толстого, — и я, застонав, закрываю глаза.

— Я знаю, между нами случилось слишком много всего, и оно изменило нас, но вместе мы со всем справимся. Я в этом уверена.

Ронан толкается вперед.

— Ты сейчас вспоминаешь о нем?

— Нет, малыш. — Я ласкаю его скулу. — Нет.

Мы снова трахаемся. Сердито и быстро. До синяков. Он словно стремится вытряхать из меня память о Лоренсе, чтобы отныне я ощущала только его — внутри, снаружи, повсюду. Помечая меня собой, он заново провозглашает меня своей собственностью.

И я позволяю ему. Я даю ему все, что он хочет.

Когда мы заканчиваем, он уносит меня на кровать, где его сильные, как стальные тросы, руки обнимают меня со спины. Мы лежим в тишине, наше дыхание замедляется.

— Я разговаривал с Элли.

Улыбаясь, я поглаживаю кожу его руки.

— Так вот почему ты за мной отправился. А я-то думала, потому что ты не можешь без меня жить, — шучу я.

— Я не могу без тебя жить, Блэр, — подтверждает он перед тем, как зарыться носом мне в шею. — Но скажи... почему?

— Почему я ушла? — Я вздыхаю. Говорю себе, что он имеет полное право задавать такие вопросы, что я должна быть с ним полностью честной, что только так у нас появится шанс. — Надеюсь, ты еще не засыпаешь, потому что это очень длинная история.

— Я никуда не спешу. — Он сжимает мою ладонь. Такой крохотный жест, но он дарит мне ощущение, что я не одна.

— Откуда начать? Там столько всего.

— С самого начала, малыш.

И я начинаю. Я рассказываю ему все о своем детстве, о своей жизни в Нью-Йорке, об всех мужчинах, которые были у меня до него, о том, почему я ушла от него и что случилось после этого с Лоренсом. Между нами больше нет барьеров и стен.

После того, как по ощущению проходят часы, и я заканчиваю изливать Ронану душу, мне стыдно даже взглянуть на него. Нет чувства страшнее, чем то, когда ты открываешься перед кем-то, обнажая свои самые гадкие качества, и надеешься, что тебя все равно будут любить.

— Знаешь, я всю жизнь считала себя виноватой, в том, что мои родители ссорились. Что если бы я была идеальным ребенком, то они бы остались вместе и любили меня и друг друга. Но теперь понимаю, что ни я, ни их любовь ко мне здесь не при чем. И это знание... — Я сглатываю в попытке унять боль в груди. — Освобождает.

Ронан берет меня за плечо и поворачивает лицом к себе.

— Эй, эй, — шепчет он нежно. — Малыш, не надо прятаться от меня. Иди сюда. — Он обнимает меня так крепко, что становится трудно дышать. — Послушай меня, Блэр... Все твои шрамы, все острые углы — все это мое, чтобы любить. И я помогу тебе исцелиться, потому что я эгоистичный ублюдок. Чтобы моя жизнь стала целой, в ней нужна ты.

— Я не заслуживаю тебя. — Мое сердце набухает в груди. — Я недостойна тебя.

— Так, малыш. — Он берет меня за подбородок и заставляет посмотреть на себя. — Мы

оба насосершали ошибок. Я только жалею, что не боролся активнее. Нельзя было мне вот так просто тебя отпускать.

— Но я наговорила тебе столько обидных слов...

— Все равно. — Ронан ложится на спину и увлекает меня за собой. Глядя в потолок, он поглаживает мою обнаженную спину. Будь я кошкой, я бы замурлыкала от удовольствия. — Знаешь... в каком-то смысле я рад, что встретил Рэйчел и Карла. Без них я бы не понял, насколько легко можно увлечься их миром со всей его роскошью, с желаниями и прихотями, которые выполняются по щелчку. Я бы не понял, насколько легко их образ жизни может совратить человека. — Он вздыхает. — Блэр, мне нравился этот мир. Мне нравилось восхищение, людское внимание, то, как легко и просто все было... Так что, как видишь, я тоже далеко не идеален.

— Но Ронан, ты на самом деле талантлив. Я видела твои фотографии и читала статью. Журналист была очень впечатлена.

Он невесело улыбается.

— Правда? Что ж, скоро мы узнаем это наверняка. На следующей неделе открывается моя первая выставка.

Я целую его в грудь.

— Ты произведешь настоящий фурор.

— Блэр?

— Да?

Он недолго молчит.

— Если б у тебя было одно желание, что бы ты загадала?

Глядя на него, я ласкаю его левую щеку. *Тебя.*

— У меня все есть. А ты бы что выбрал?

Он заправляет прядку волос мне за ухо и, наклонившись, целует меня в макушку.

— Я бы украл тебя, увез куда-нибудь, где нас никто не знает, и начал бы все заново.

— Можно, я открою там книжный? — спрашиваю я, чем смешу его.

— Конечно, малыш. Можно все, что захочется. — Улыбаясь краешком рта, он прибавляет: — Если мне можно будет делать с тобой все, что хочется, по ночам.

— Тогда укради меня. — Я усмехаюсь ему в грудь, думая о том, как это просто — мечтать. — Но продолжай. Мне нравится эта фантазия.

— Там не будет ни Лоренса...

— Ни Рэйчел, — прибавляю я.

— Ни Рэйчел, — повторяет он, усмехнувшись.

— А как нас будут звать?

Он выгибает бровь. Но не может спрятать веселье, искрящееся в его прекрасных глазах.

— Миссис Кляйн, вы меня удивляете.

Хихикая, я отодвигаюсь и становлюсь над ним на колени, потом поднимаю левую руку и говорю:

— Лично я не вижу кольца, а ты?

Ронан тянется к тумбочке, на которой лежит блокнот с логотипом отеля. Вырывает оттуда страницу и сворачивает ее в длинную тонкую трубочку. А потом, взяв меня за руку, оборачивает мой безымянный палец бумажной полоской.

— Вот, — заявляет он гордо. — Что вы теперь скажете, миссис Кляйн?

Я стискиваю руку с бумажным колечком в кулак и прижимаю к груди. По-мальчишески

прекрасное лицо Ронана расплывается перед глазами, я пытаюсь заговорить, но слова застревают в горле. Сквозь меня рекой несутся эмоции, тянут вниз, отчего становится невозможно дышать.

Сев, Ронан берет меня за руку и ласково целует ее.

— Давай убежим, Блэр. Давай оставим все позади и останемся только вдвоем. Начнем все сначала уже безо всяких преград. — Он усмехается. — И быть может в будущем ты сможешь сделать из меня честного человека и выйти за мою жалкую задницу замуж.

Мои губы дрожат.

— Ронан...

— Почему это обязательно должно быть мечтой или фантазией? — шепчет он хрипло, погружаясь своими длинными пальцами в мои волосы и обхватывая затылок. — Почему это не может стать реальностью?

Я кладу поверх его рук свои руки. Бесстрастно отмечаю, что они тоже дрожат.

— Ты же не хочешь сказать...

— Хочу. Блэр, я хочу провести остаток жизни с тобой. Я хочу смотреть, как растет твой живот, пока ты носишь моих детей. Я хочу каждое утро просыпаться и каждую ночь засыпать рядом с тобой. Как-то раз я сказал, что однажды ты разрешишь мне любить себя, и я тебя никогда больше не отпущу, что я буду любить тебя так, словно это мое единственное предназначение. С тех пор ничего не изменилось. — Он целует меня в кончик носа, после чего прижимается ко мне лбом. — Одной жизни будет недостаточно, когда я с тобой.

— Неужели это происходит на самом деле?

Взяв мое лицо в ладони, Ронан вытирает слезы, которые катятся по моим щекам.

— Да, малыш, — шепчет он так тихо, так ласково, что у меня щемит сердце. — Завтра утром мы отправимся в аэропорт и начнем новую жизнь. Будем жить, заниматься любовью, смеяться. Поначалу у нас будет немного, но я найду работу и с помощью своей камеры буду тебя обеспечивать.

Нарисованная им картинка настолько мила и идеальна, что я будто наяву вижу, как все это происходит. Как по утрам, перед работой, он занимается со мной неспешной любовью. Как я одеваюсь, провожу руками по животу и чувствую там крохотный толчок, полный жизни, а после отправляюсь в свой книжный. Жизнь будет такой замечательной. Мы будем жить просто, но зато будем счастливы.

Прежняя я сочла бы, что это глупо даже обдумывать. Она сказала бы, что любовь в конечном итоге умрет — когда нам станет нечем платить по счетам. Что секс заменится обязательствами, а смех — гудением телевизора. Может, прежняя Блэр и права, но еще я знаю, что в ее жизни не было счастья. У нее были безопасность и деньги. И тем не менее ее сердце оставалось пустым.

Нет... Хватит мне ее слушать. Жизнь становится прекрасной, когда мы приобретаем способность ценить то, что у нас есть. Жизнь становится прекрасной, когда мы прекращаем хотеть то, чего у нас нет, и начинаем быть благодарны за то, что имеем. Жизнь прекрасна, когда мы решаем, что она должна быть прекрасна.

Ошибочно приняв мое молчание за сомнение, он добавляет:

— Я знаю, ты привыкла к другому, но...

— Ш-ш... — Прикосновением пальца к губам я заставляю его замолчать. — Все это для меня больше не важно. — Хмурясь, я размышляю о том, что потенциально может помешать нашему счастью. — Но как же твоя выставка? Ронан, ты стоишь на пороге своего звездного

часа. Тебе нельзя уезжать прямо сейчас.

Он собственнически обнимает меня и, наклонившись вперед, начинает покрывать поцелуями мою шею, челюсть, плечо, вызывая во мне голодную дрожь.

— Мне все равно. Карл может оставить себе мои фотографии и деньги за них. Мне они не нужны. Я хочу попробовать добиться всего без их помощи — правильным способом. Малыш, я хочу гордиться своим успехом. Я не могу гордиться, когда у меня ощущение, будто мне преподнесла его...

— Рэйчел, — заканчиваю я за него.

Целуя меня в шею, Ронан кивает.

— Все это — одно большое напоминание о существовании без тебя.

Я беру за его плечи, и с моих губ срывается стон.

— Ты пробуждаешь во мне желание эгоистично согласиться на этот план... — Ронан начинает покачивать бедрами, скользя по моей промежности членом, воспаляя меня. — Но так будет несправедливо по отношению к тебе. — Я со стоном закрываю глаза. — Может, подождем до открытия выставки?

— Нет, — выдыхает он хрипло. Облизывает большой палец и тянется вниз, трет им мой клитор, и вся комната начинает кружиться, мои чувства оживают по его ласке, тело поет. — Это мой выбор, Блэр. Все, что я делал, я делал ради тебя. А теперь, когда ты моя, мне плевать на все остальное. Мы пробьемся самостоятельно. С твоим книжным и моей камерой. — Его смеющиеся глаза заглядывают в мои, и он дерзко ухмыляется мне. — Так что вы скажете, миссис Кляйн?

Я чмокаю его в нос, чувствуя, как внутри бурлит счастье. Хочется вскочить, выбежать голой на улицу и, запрокинув голову, закричать на весь свет, что он мой. Может и глупо верить в эту восхитительную мечту и так сильно желать ее, но мы все решим. Иного выбора у нас просто нет.

— Да, — говорю я медленно. — Да, — смеюсь. — Да, — плачу. — Да. Отныне и навсегда — да.

И тогда он занимается со мной любовью. Медленно. Нежно. Страстно. Он боготворит меня своим ртом и руками, пока его тело терзает меня, доставляя бесконечное удовольствие. Стоны перестают быть стонами. Поцелуи перестают быть поцелуями. Толчки перестают быть толчками. Мы доходим до точки, где сливаются воедино, создавая жизнь, не только наши тела, но и души.

Это волшебство.

И наше новое начало.

Замотанная в полотенце, я выхожу из ванной, по пути продолжая наносить на кожу лосьон. И улыбаюсь, увидев, что Ронан дремлет, привалившись к спинке кровати. Неудивительно, что он устал. Сексуальный аппетит этого мужчины поистине неиссякаем. Не то, чтобы я жалуясь. На самом деле, наоборот.

Когда я оказываюсь в шаге от кровати, он открывает глаза. И от того, как он глядит на меня — словно хочет проглотить целиком все мое тело, — я начинаю чувствовать себя немножечко безрассудной. До крайности смелой. Я кладу бутылочку с лосьоном на кровать.

— Как спалось? — спрашиваю, разбирая пальцами свои мокрые волосы.

— Одиноко.

— Бедняжка. — Я надуваю губы. — Утешить тебя?

— Можешь попробовать, — дразнится он.

Я неторопливо тянусь к полотенцу, в которое завернуто мое тело, и снимаю его, обнажая каждый дюйм своей плоти и каждый изгиб. Ронан внимательно наблюдает за мной. Его карамельный, искрящийся страстью взгляд скользит по моей фигуре.

— Нравится то, что ты видишь? — дразнюсь я.

— Не знаю пока. Не подойдешь поближе? Отсюда не рассмотреть.

— В самом деле? — Я ползу к нему по кровати, плавно, неспешно, а потом, оседлав его бедра, прижимаюсь к его члену промежностью. — Ну, и каков вердикт?

— Сейчас поглядим...

Ронан подхватывает меня под бедра и, крепко сжав своими длинными пальцами мои ягодицы, тянет к себе, пока я, стоя на коленях, не нависаю над его лицом. Ухватившись за спинку кровати, я смотрю вниз, и мое дыхание ускоряется.

— Идеальная, — произносит он густым, как дым, голосом. Грешно улыбается мне, глядя в глаза, и раздвинув пальцами мои складки, начинает медленными кругами ласкать меня. — Охерительно идеальная.

Он играет с моим телом, точно чертов маэстро, и я закусываю губу в момент, когда он проводит языком по моей промокшей промежности. Он вдыхает меня, его горячее дыхание ласкает мне бедра, пока руки придвигают меня к его жадному рту.

— И такая охерительно сладкая.

Мое тело дрожит. Я трюсь о его язык, и Ронан срывается. Как безумный лижет, сосет меня, убивает. Я оглядываюсь назад. Он ласкает себя кулаком. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Завораживая меня. Я подношу руку ко рту, провожу языком по ладони и пальцам, чтобы увлажнить их слюной. Потом выгибаюсь, отталкиваю его ладонь и сама стискиваю его член в кулаке, ощущая, как он подрагивает, желая меня. Это безумное волшебство.

Ронан стонет в безмолвии комнаты. Усмехнувшись, я отпускаю его и, сместившись ниже, обнимаю коленями его бедра. Я такая скользкая, мокрая. Я начинаю тереться о его твердость, вперед и назад, покрывая своими соками его плоть, а сама скольжу ладонями по своему телу, трогаю груди и щипаю соски до тех пор, пока они не становятся болезненно твердыми.

Головка его члена снова и снова ласкает мой клитор, и я вспыхиваю, как спичка. Когда его твердость поблескивает моим желанием, я немного отодвигаюсь назад.

— Хочу попробовать тебя, — хрипло произношу. Наклоняюсь и провожу по нему языком, ощущая на его плоти свой вкус, а затем, пока он содрогается, бормоча мое имя, всасываю головку в рот.

Я поднимаю лицо. Удерживая его в руке, ощущая, как под ладонью пульсируют вены, встречаюсь с ним взглядом, потом вбираю в себя целиком. Я хочу подавиться им, почувствовать, как его плоть полностью заполняет мой рот, как она душит меня.

Ронан со стоном берет меня за затылок и, толкнув мою голову вниз, начинает вдавливать в мой рот, трахать его жестко и быстро, до слез у меня на глазах. Когда я вытаскиваю его наружу, моя грудь тяжело вздымается. Пытаясь отдышаться, я вытираю свой подбородок.

— Пора трахаться, — говорю. Но Ронан к моей неожиданности переворачивает меня так, что я падаю на живот, и усаживается на мои бедра верхом.

— Да, малыш, пора трахаться. — Он сжимает мои ягодицы, шлепает раз, другой. Потом раздвигает их, приставляет свой член прямо ко входу и вводит неглубоко, дразня меня, заставляя меня умолять.

О боже, да. Содрогаюсь, я закрываю глаза.

— Вставь его.

Он наклоняется и, пока его член трахает меня меж ягодиц, покрывает поцелуями мою спину.

— Покажи, куда именно, — дышит он на мою кожу, после чего кусает за плечо так больно, что у меня вырывается крик.

Я завожу руку за спину и направляю его влажную твердость к своему входу.

— Ронан, сейчас. Я схожу с ума, — задыхаюсь я.

— Отныне и навеки моя, — молвит он. Сквозь его голос, сквозь движения прорывается страсть. А после входит в меня таким глубоким и мощным толчком, что спинка кровати стучается о стену. Я ахаю. Не знаю, плакать от боли или в экстазе кричать, но это неважно. Это настолько прекрасно, что мне все равно. Его член скользит то внутрь, то наружу. Медленно поначалу, но отрицать силу его толчков невозможно. Я ощущаю эту силу всем телом — от пальцев ног до макушки.

А потом он неожиданно останавливается. Охваченная отчаянием, я двигаю бедрами, сама ищу удовольствия, пока он остается внутри, но этого мало — мне надо, чтобы он меня взял.

— Ронан... что ты со мной делаешь? Возьми меня, — умоляю я.

Он берет меня за волосы, тянет за них. Склоняется над моим плечом и вновь начинает двигаться, но медленно, почти незаметно.

Дразняще...

Опустошающе...

Я вращаю бедрами, ища блаженное наслаждение.

— Скажи, что принадлежишь мне, — приказывает он сквозь затрудненное дыхание.

— Да, — сладко стону я, толкаясь назад.

Он тянет сильнее.

— Что «да»?

— Боже, я твоя, — шепчу, содрогаюсь. — Я принадлежу тебе.

Рыча, он отпускает мои волосы и за шею тянет меня на себя, так что его член погружается в меня до упора. А потом напрочь теряет самоконтроль и начинает трахать меня, унося за пределы nirваны. Жестко, даже жестоко, но мне это нравится. Я кончаю так мощно, что вижу за веками звезды. Вскоре, с исторгшимся из груди рваным стоном, достигает разрядки и Ронан. Когда его голова опускается мне на спину, я чувствую, как он дрожит надо мной.

Спустя несколько секунд Ронан, сжав мою задницу, проводит по моей шее кончиком носа.

— М-м-м... Миссис Кляйн, вы пахнете так, словно вас только что хорошенько оттрахали. И это доставляет мне огромное удовольствие.

Слишком уставшая, чтобы двигаться, я закрываю глаза и смеюсь.

— Тебе стоит дать мне поспать. Твоей секс-рабыне требуется отдых.

— Ни за что, — рычит он.

— Мне нужен час.

— Двадцать минут.

— Тридцать.

— Пятнадцать, — обольстительно шепчет он, прочерчивая языком волшебную дорожку по моим плечам к шее и до местечка за ухом.

— Разве ты сам не устал? — спрашиваю я, но вопрос получается похожим на стон. Его рот и язык творят с моей шеей *очень* порочные вещи. — Ну хорошо. — Я содрогаюсь. — Ты победил. Десять минут. Доволен?

— Блэр? — с низкой хрипотцой в голосе зовет меня он.

— Да?

— Я люблю тебя.

Я улыбаюсь.

Я тебя тоже.

В первой половине следующего дня мы стоим на улице возле отеля и готовимся разойтись в разные стороны. Нам обоим нужно собраться, попрощаться с семьей и друзьями, сообщить нашим домовладельцам, что мы разрываем договоры аренды. Мой живот полон бабочек, а тело блаженно болит. Какой этой кайф — быть вместе, когда ничто больше не имеет значения. *Завтра.*

Я обхватываю Ронана за талию и, чтобы лучше видеть его, откидываю голову назад. Мой взгляд упивается ртом, которому известны все секреты, которые может предложить мое тело, челюстью, покрытой щетиной, которая щекотала меня больше, чем в одном секретном местечке. Но крепче всего меня держат в плену его глаза цвета шоколада и меда.

Я улыбаюсь припухшими от наших поцелуев губами.

— Не верится, что мы на самом деле собираемся убежать.

— Боишься?

— Нет. Нисколько.

— Потерпи до восьми. А потом нас ждет вечность, — шепчет он нежно.

Мы договариваемся встретиться вечером в номере и провести здесь еще одну ночь, а утром заказать такси в аэропорт JFK и улететь на первом же самолете. От этой мысли мое сердце начинает биться быстрее. Меня всю распирает от радостного волнения так, что хочется взорваться от счастья.

— Поцелуй меня, — прошу я.

Пальцы Ронана погружаются в мои волосы, тянут легонько за них, пока он склоняет лицо к моему. Его теплое дыхание ласкает мне кожу.

Прикусив мою нижнюю губу, он улыбается.

— Нет.

Я тоже ему улыбаюсь.

— Поцелуй меня.

— Неа. — Ронан смеется. Целует меня в висок, а потом прижимается лбом к моему лбу. Кончики наших носов соприкасаются. *Боже, разве возможно испытывать к этому мужчине столько любви?* — Поверь, Блэр, мне тоже хочется поцеловать тебя. Но если я это сделаю, то остановиться уже не смогу. А у нас впереди очень загруженный день.

Я усмехаюсь.

— Я не виновата в том, что вы не можете себя контролировать, мистер Кляйн.

Ронан заламывает бровь, и уголок его рта приподнимается в легкой улыбке.

— И чья же это вина, миссис Кляйн? — Он замолкает, окидывает мое лицо жадным взглядом. — О, к черту все. Иди сюда, малыш.

Он впивается в мои губы, он поглощает меня, вдыхает в меня жизнь своим поцелуем. Я чувствую его — всей душой. Я дрожу от любви.

— Счастлива? — спрашивает он, когда поцелуй подходит к концу.

Самодовольно улыбаясь, я киваю.

— Я люблю, когда все выходит по-моему, ты разве не знал?

— И потом ты за это заплатишь. Но пока я не забыл... — Он достает что-то из заднего кармана. — У меня есть одна вещь, которая принадлежит тебе.

Я ахаю, прикрыв рот ладонью, когда понимаю, *что* он держит в руках. Ронан тянется к моему запястью.

— Давай помогу надеть.

Дрожащей рукой я прикасаюсь к часам Hello Kitty, которые много месяцев назад он подарил мне.

— Ты хранил их все это время?

Он проводит пальцами сквозь свои волосы и кивает.

— Но почему? — спрашиваю ошеломленно.

— Рука не поднялась выбросить. Они слишком много значили для меня, — отвечает он тихо.

Я сокращаю расстояние между нами и снова обнимаю его.

— Скорее бы завтра.

— Я знаю, малыш, знаю. Но всего через несколько часов мы опять будем вместе, и все будет хорошо.

Я обнимаю его покрепче, прижимаю к себе, и внезапно мне становится страшно его отпускать. Жизнь не может быть такой идеальной, ведь так?

— Честное слово?

— Честное слово.

Пока я, собирая чемоданы, пытаюсь решить, что с собой брать, раздаётся звонок в дверь. Я хмурюсь, потому что никого в гости не жду. Элли еще в Вермонте, так что я понятия не имею, кто это может быть. Когда я заглядываю в глазок и вижу, кто стоит у порога, мое сердце превращается в лед. Чувствуя, как в животе оседает ужас, я как можно быстрее открываю замок.

Глава 27

— Можно войти? Нам надо поговорить, — произносит Джеки. Ее глаза непроницаемы.

Я нервно заправляю за ухо прядку волос. У меня есть все основания нервничать. Выражение ее лица не самое дружелюбное, плюс я еще не забыла нашу последнюю встречу.

— Да... конечно.

Джеки проходит мимо меня в квартиру. Закрыв за собой дверь, я наблюдаю за тем, как

она осматривается. Ее голова поворачивается из стороны в сторону, пока она разглядывает декор и дорогую мебель. Свидетельства того, кем я являлась. Вещи, которые на зарплату хостесс не купишь.

Она разворачивается ко мне с отпечатанной на лице неприязнью.

— Так вот, за что заплатил Лоренс?

Это удар ниже пояса. Который я не ожидала получить от нее в своем собственном доме. Который причиняет мне боль, потому что я его заслужила. Инстинкт требует нанести ответный удар, пустить кровь, но я прикусываю язык. Успокаиваю себя долгим вдохом и напоминаю себе, что она сестра Ронана. И у нее есть все права злиться.

— Если ты пришла меня оскорблять, то тебе лучше уйти. Я люблю твоего брата и не хочу наговорить чего-нибудь, о чем потом пожалею.

Джеки пропускает мою просьбу мимо ушей. Ее глаза откровенно бросают мне вызов. Скрестив руки, она приваливается бедром к спинке дивана.

— О, ну давай заплачь еще, Блэр. Слушай, мой визит будет коротким, поскольку очевидно, что никакой утраченной любви между нами нет.

Чтобы устоять на ногах, я хватаюсь за спинку кресла и стискиваю ее до онемения в пальцах. Всеми силами я стараюсь казаться спокойной, хотя внутри меня назревает шторм.

— Что ж, тогда вперед, — говорю я и сама не узнаю свой равнодушный голос.

— Когда я с тобой познакомилась, то сразу попросила отстать от Ронана в случае, если ты просто убиваешь с ним время. Тогда никто бы не пострадал. Ну, не особенно сильно. Но ты меня не послушалась. Да и с чего бы? Все же должно вращаться только вокруг тебя, да, Блэр? Ты стала и дальше встречаться с ним, а он — все сильнее на тебя западать. — Она делает паузу и с бесконечным презрением оглядывает меня. — А потом в один прекрасный день он пришел навестить Олли, и я его не узнала. Вместо моего брата передо мной стоял незнакомый, сломленный человек.

Качая головой, она опускает взгляд в пол.

— Я не могла понять, что же произошло, но после того, как он перестал о тебе говорить и чуть ли не запретил всей семье упоминать твое имя, у меня появились кое-какие догадки. — Она поднимает взгляд на мои глаза. — Что стряслось? Ты вдруг совершила открытие, что Ронан не сможет удовлетворить твои растущие аппетиты, а Лоренс сможет?

Все происходит молниеносно и смазано. Секунду назад я стояла у кресла, а в следующее мгновение стою напротив нее, моя ладонь горит, а она держится за свою щеку.

— Извини. — Я делаю шаг назад и спотыкаюсь о ковер. — Извини меня.

— Оставь это, — презрительно произносит она. — Перехожу к сути. Я здесь, чтобы попросить тебя оставить моего брата в покое. Сегодня он приходил попрощаться с Олли, поскольку, как выяснилось, он уезжает. Когда я сказала ему, что следующей неделе у него открытие выставки, знаешь, что он мне ответил? Что его все это больше не интересует. И у него был такой взгляд... Прямо как летом.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, Джеки? — глухо шепчу я.

— Мне не нужно проговаривать это вслух. Ты же умная, Блэр. Подумай своей головой. Мой брат стоит на пороге успеха. Большого успеха. Ты правда хочешь позволить ему принести все это в жертву? Отпусти его, Блэр. Мне все равно, если тебе придется опять разбить ему сердце. Со временем боль уляжется, и он снова полюбит.

— Нет. — Я отчаянно трясую головой. — Все что угодно, только не это. Я люблю его... Люблю. У него есть план...

— Какой, Блэр? Бросить все ради любви и вернуться к бесперспективной работе? Зарыть свой талант в землю?

Она подходит ко мне на шаг ближе.

— Это его звездный час, Блэр. Если Ронан упустит его, то, возможно, такого шанса ему никогда больше не выпадет. Ты сможешь жить с таким на своей совести? Если, конечно, она у тебя еще есть.

Повесив голову, я смотрю на пол сквозь залитые слезами глаза.

— Ты можешь пообещать мне, что не бросишь его, если дела пойдут плохо? Один раз ты уже разбила Ронану сердце, и это чуть не уничтожило его, Блэр. Ты можешь пообещать, что больше никогда так не сделаешь?

— Клянусь, я больше не брошу его. Я изменилась...

— Если ты изменилась, то почему мы ведем эту дискуссию? Кого ты пытаешься убедить в том, что стоишь больше, чем его будущее? Меня или себя?

Я отхожу к окну и устремляю незрячий взгляд на горизонт. *Куда делся весь свет?* Спиной к Джеки я обхватываю себя за плечи, словно таким образом могу отгородиться от правды и от боли, которую причинили ее слова, но все бесполезно. Джеки права. Согласившись на его план, я поступила эгоистично.

— Даже если я солгу ему... — Мой голос обрывается, но я беру себя в руки. — Он не поверит мне. На этот раз он меня не отпустит.

— Тогда *заставь* его поверить, Блэр. Уверена, ты что-нибудь да придумаешь.

— Почему счастье всегда так мимолетно?

— Прости, ты что-то сказала?

— Ничего важного, — отвечаю я оцепенело. Внезапно мне становится холодно, и я обхватываю свои плечи покрепче. *Потерни, Блэр. Еще пару минут.* — Я думаю, тебе лучше уйти.

Минуту она молчит.

— Так я могу рассчитывать на то, что ты оставишь моего брата в покое?

Я ничего ей не отвечаю. Слова остаются застрявшими в горле, в сердце, в глубине моего существа. Грудь взрывается болью.

— Послушай, Блэр. — На сей раз в голосе Джеки нет неприязни. Только смирение и обреченность. — Он мечтал об этом с самого детства. Не давай ему отказаться от этой мечты ради пары месяцев игры в домик с тобой. — Она кладет на журнальный столик какой-то конверт. — Вот приглашение на его выставку. Взгляни на его работы, и, возможно, тогда ты поймешь, как правильно поступить.

Я оглядываюсь и смотрю, как за ней закрывается дверь, а потом беру приглашение в руки.

Внезапно на меня снисходит одна идея, и во мне расцветает короткая, но головокружительная надежда. Быть может, все не обязано заканчиваться именно так. Быть может...

Не прекращая думать, я беру телефон и звоню Ронану. Он немедленно отвечает.

— Что такое, малыш? Ты закончила собираться?

— Еще нет. Ронан... Я тут подумала, может нам не уезжать прямо сейчас? Давай уедем через неделю? Останемся на твою выставку, а потом...

Он вздыхает.

— Малыш, я думал, мы все это уже обсудили.

— Но...

— Нет. Я не хочу больше ждать. Мне нужна ты. Только ты. Слушай, я уже подхожу к галерее Карла. Мне надо идти. Увидимся в отеле. Я люблю тебя.

Отключившись, я немо смотрю на дорожную бумагу изящно подписанного конверта. Пока в ушах стоят слова Джеки, я размышляю о Ронане и о нашем с ним будущем. Да, он сказал, что ему плевать на выставку и на близость к мечте, но останется ли его мнение прежним, когда ему придется начать все сначала? Смогу ли я смотреть ему в глаза и жить в мире с собой, зная, что его карьера остановилась из-за моего эгоизма?

Всю свою жизнь я думала исключительно о себе. О своих желаниях и потребностях. Я ни на миг не задумывалась о последствиях своих действий, в результате чего причинила боль стольким людям.

Но я больше не могу поступать так.

Особенно по отношению к Ронану.

Я слишком сильно люблю его, чтобы позволить ему пожертвовать своими мечтами ради меня.

Уже на пороге я в последний раз окидываю свою квартиру взглядом. Если я хочу пережить следующие часы, следующие дни, месяцы, годы — если я хочу выжить, — то все воспоминания, и грустные, и счастливые, должны быть оставлены позади. Я должна попытаться. Ради него.

Я прижимаю ладонь к груди, проверяя, бьется ли еще мое сердце. Исцелить его уже невозможно. Но оно бьется. Бьется ради него.

И так будет всегда.

Ронан

Примерно через час я возвращаюсь в отель. На то, чтобы объяснить Карлу, почему я не стану участвовать в его выставке, ушло несколько больше времени, чем я ожидал. Карл не обрадовался. Однако смягчился, когда я разрешил ему оставить все мои снимки себе и назначить за них любую цену, какую ему только захочется. Когда я уходил, он назвал меня идиотом за то, что я бросаю все ради женщины. Я рассмеялся — но не над ним, а потому что, черт, жизнь была так прекрасна. Я посмотрел ему в глаза и сказал, что лучше быть идиотом, чем жить без нее, а после ушел.

Я мчусь к нашему номеру. Мое тело вибрирует от энергии — от любви к женщине, которая ждет меня за теми дверями. Каждый мой шаг отдается счастьем, желанием, острой потребностью поскорей воссоединиться с ней.

Выбежав из лифта, я нечаянно врезаюсь в пожилую даму, которая годится мне в бабушки. Извинившись, я импульсивно подхватываю ее и начинаю вальсировать по коридору, отчего она улыбается и розовеет. Я до безумия счастлив, и мне хочется, чтобы весь мир разделил со мной этот момент. Я медленно кружу ее, и мы оба смеемся. Она называет меня сумасшедшим мальчишкой. Я отвечаю, что я и впрямь сумасшедший — я схожу с ума

из-за женщины.

— Боже мой, — охает она, обмахиваясь ладонью. — Как же давно я не танцевала с таким красивым незнакомцем, как вы.

— Мэм, мне было еще приятней, — говорю я, беззастенчиво улыбаясь, и отпускаю ее. — А теперь извините меня. — Я низко склоняюсь и целую ей руку. — Меня ждет моя женщина.

Открывая дверь, я ожидаю застать Блэр с книжкой в постели. Но меня встречает полная темнота. *Странно.* Нахмурившись, я включаю свет. В кровати, как и во всем номере, пусто.

— Блэр? Где ты, малыш? — зову ее я. Иду в ванную. Может, она принимает душ. Но и там ее тоже нет.

Я медленно возвращаюсь назад и оглядываюсь, выискивая признаки того, что Блэр вообще была здесь. Пока я осматриваю мебель, раздается стук в дверь. От нахлынувшего облегчения у меня кружится голова. Вот она. Она не ушла. Она задержалась, и только. *Как я.*

Из коридора на меня смотрит человек в гостиничной униформе.

— Мистер Герати?

— Да?

— Одна леди просила передать вам письмо. Лично в руки.

Я отталкиваю его в сторону и быстро выхожу в коридор.

— Она здесь? Где она?

Во мне поднимается паника. Нет... этого не может быть. Только не снова.

— Где она? — Мой голос пронизан отчаянием. — Где она?

— Она уехала, сэр. — Он сглатывает, выбирая следующие слова. — Я помог ей сесть в такси.

У меня в ушах начинает звенеть. Я беру у него письмо, потом, сунув ему чаевые, закрываю дверь и пытаюсь открыть конверт. Получается далеко не с первого раза, потому что мои руки не прекращают трястись. Выругавшись, я крепко зажмуриваюсь и делаю вдох.

Ронан, мне бы очень хотелось солгать и сказать, что я не люблю тебя и что мы не можем быть вместе — так так было бы проще для нас обоих, — но я не могу. Ты заслуживаешь большего. Ты заслуживаешь, чтобы я была с тобой честной.

Я так сильно люблю тебя, что мне больно. Больно не быть рядом прямо сейчас. Больно знать, что нашей мечте не суждено осуществиться. Больно, потому что я обрела тебя лишь затем, чтобы опять потерять. Во мне нет ничего чистого, кроме любви к тебе, и я отказываюсь пятнать ее своим эгоизмом. Именно из-за этой любви я и отпускаю тебе, моя вечное лето.

Я освобождаю тебя.

Ронан, я не могу допустить, чтобы ради меня ты принес в жертву свою карьеру. Только не сейчас, когда твои мечты вот-вот воплотятся в жизнь.

Тебе суждено взлететь ввысь, тобой должны восхищаться.

Ты заслужил свой грядущий успех, и меньше всего тебе нужно, чтобы тебя тянул назад кто-то вроде меня. Наша недолговечная мечта была окрашена такой красотой и такой надеждой, но я никогда себя не прощу, если ты отступишься от всего ради меня. Иначе со временем ты начнешь на меня обижаться или даже возненавидишь, а я тогда просто не смогу жить в мире с собой.

Я ненавижу прощаться вот так, но я слишком слаба. Если я вновь увижу тебя, то вряд

ли смогу отпустить. Я пробьюсь через боль и через все добродетельные причины, чтобы удержать тебя рядом.

Быть может однажды мы встретимся снова, но если нет, знай, что я всегда буду ждать тебя в месте между явью и сном — там, где оживают мечты. Там наша любовь будет жить вечно.

Пожалуйста, не ищи меня. Забудь обо мне. Живи. И люби снова.

Навеки твоя.

Блэр.

Что-то падает на пол. Наклонившись, я поднимаю ее кольцо из бумаги. Я стискиваю его в кулаке и, сев на кровать, пытаюсь вызвать в себе хоть какие-то чувства. Но внутри ничего больше нет.

Одна пустота.

Глава 28

Блэр

Через два месяца...

Оцепенение.

Как мне жить дальше?

Смогу ли я когда-нибудь найти ответ на этот вопрос?

Глава 29

Блэр

Через шесть месяцев...

Все вокруг как в тумане. Горе утягивает меня назад, и проломиться сквозь него не выходит. Я в панике. Вдыхаю и выдыхаю. Повторяю себе, что мне станет лучше. Когда-нибудь. Обязательно. И продолжаю наощупь идти, надеясь, что со временем найду путь наружу.

Глава 30

Блэр

Спустя пару лет...

— Как ты? — спрашивает меня мама по телефону. — Волнуешься?

Я выбрасываю остатки завтрака в мусорное ведро и протираю стол на своей маленькой кухне. Зажав телефон крепче, я улыбаюсь.

— Ты даже не представляешь, как сильно. Поверить не могу, что через несколько дней уеду в Париж.

— Не забудь купить симпатичный подарок для Джоанны и Джейкоба, милая.

— Уже купила, мам. И еще позвонила им вчера и поблагодарила за то, что взяли меня на работу.

Два года назад я вернулась домой — с разбитым сердцем, не понимающая, что делать дальше со своей жизнью — и провела остаток зимы и весну со своей матерью. Поначалу нам

было сложно, но в итоге все наши споры оправдали себя. Вместе мы обрели прощение, а потом и любовь.

По мере того, как дни перетекали в недели, а недели в месяцы, я начала осознавать, что каким-то неведомым образом нечто, составляющее самую мою суть, изменилось. Мама сказала мне, что если я хочу измениться, то первые перемены должны быть внутренними, и она оказалась права.

Я больше не могла спать с мужчинами ради денег. Мне становилось дурно от одной только мысли. Раньше я могла без любви отдать свое тело мужчине. А потом, когда он заканчивал, возвращалась домой — в оцепенении, со жжением между ног, с разорванной в клочья гордостью и с пополнившимся банковским счетом. Это не приносило мне счастья, однако дарило ощущение защищенности. Но как можно было вернуться к бывшему образу жизни после всего, что я испытала с Ронаном? Когда я вся до сих пор принадлежала ему? Это было невыносимо.

Перемены за одну ночь не случаются. Но со временем во мне, как цветок по весне, распустилась жажда, стремление чего-то добиться. И внезапно пустынный пейзаж, которым стала моя жизнь, трансформировался в нечто уже не такое пустынное. И тогда я решила вернуться в Нью-Йорк, поступить в колледж и получить степень бакалавра искусств.

Это было непросто. Очень непросто. Но теперь я впервые в жизни могу сказать, что горжусь собой. Умение прощать и любить себя пришло много позже... и отняло больше времени, чем я ожидала. Не так-то легко расстаться с комплексами и заскоками, которые были у тебя целую жизнь. Это ежедневная битва.

— Муж Элли точно не против, чтобы ты пожила у них, пока будешь работать там? — с обеспокоенностью в голосе спрашивает моя мать.

Подхватив сумку с ключами, я запираю за собой дверь.

— Нисколько. Алессандро приятнейший человек. Он сказал, у его родителей есть и другая квартира, где они всегда могут остаться. В общем, это неважно. Я надеюсь, что, работая в галерее у Джоанны и Джейкоба, накоплю достаточно денег, чтобы снять свое собственное жилье.

— Что ж, хорошо.

Мы болтаем еще немного — о моих планах насчет вещей, которые я не смогу взять в Париж, и о симпатичном баристе, который вчера вечером водил меня на третье свидание. Когда мама спрашивает, ночевал ли он у меня, я по-быстрому сворачиваю разговор. Мы стали чрезвычайно близки, но обсуждать с мамой такие темы я точно не собираюсь. Да и как объяснить ей, что он действительно был у меня, и что снова ощутить себя желанной было приятно, но в момент, когда я впервые за все эти годы попыталась вступить в интимную близость с мужчиной, я запаниковала и разрыдалась? А бедолага Феникс — не просто симпатичный, а убийственно горячий бариста, который делает невероятное латте — просто баюкал меня в объятьях, сидя с огромной и очень болезненной эрекцией в джинсах, пока я рыдала.

Я встряхиваю головой, почувствовав, как заливаюсь смущенным румянцем. Нет, об этом я разговаривать с мамой точно не стану.

Выбравшись из метро, я забегаю в магазин около станции и покупаю цветы. Потом достаю из сумочки сотовый и, убедившись, что не опаздываю на работу, захожу в кофейню неподалеку. И сразу же нахожу взглядом Феникса. Не заметить этого высоченного, татуированного и смертельно шикарного парня попросту нереально. Как только я

переступаю порог, на меня падает электризующий взгляд его синих глаз, и я краснею, пока он оглядывает меня.

Он подходит ко мне — дерзкая улыбка снова на месте, — и откидывает с лица пряди своих черных волос.

— Доброе утро, богиня. Не ожидал увидеть тебя сегодня.

Я смеюсь.

— Совсем не веришь в меня?

— Напротив, иначе не пытался бы целых два года вытащить тебя на свидание.

— Два года? — Я морщусь нос. — Неужели и правда прошло столько времени? — Прикидываю в уме и понимаю: он прав. Дело в том, что большую часть сознательной жизни я всегда зависела от какого-нибудь мужчины. Я не знала, что значит быть одинокой. Я не знала, кем являюсь вне отношений. Было приятно наконец-то узнать себя.

— Угу. — Феникс наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку, но попадает в уголок моих губ. Говорю вам, в этом он весь. — Просто я подумал, что после вчерашней ночи тебе захочется побыть немного одной.

— Держи, — говорю я, протягивая ему только что купленные цветы. — Мое извинение.

Он выгибает бровь.

— Ничего себе. Цветов мне еще не дарили.

Я кладу на его локоть ладонь.

— У тебя есть пара минут? Мне надо поговорить с тобой.

Он отворачивается к стойке позади нас, где очень хорошенькая изящная девушка с синими волосами разливает какие-то напитки.

— Винтер, я скоро вернусь. Крикни, если понадобится.

Когда мы выходим на улицу, он прислоняется к стенке и складывает свои мускулистые руки на не менее мускулистой груди.

— Что такое, богиня?

Глядя на тротуар, я отмечаю, что мои туфли знавали лучшие времена.

— Я просто хотела объяснить... ну... что произошло ночью.

— Блэр. — Из его голоса уходят шутливые нотки. — Ты не обязана ничего объяснять. Нас слегка занесло, к чему ты была не готова. Конец истории. Так, а теперь вопрос: когда мы попытаемся снова? — спрашивает он бодро.

— Ты серьезно?

Он усмехается.

— Попытка не пытка.

— Феникс, надо быть очень смелым, чтобы даже думать об этом. Я устроила вчера такую истерику. Как настоящая психопатка.

Он хмыкает — и даже его смешок сексуален, но такой уж он, Феникс.

— Не могу обещать, что однажды не подумаю о той ночи, как об одном из своих самых нежнейших воспоминаний.

— Ну ты и загнул, — смеюсь я. — Значит, я прощена?

— Без вопросов. Но можно я скажу одну вещь?

— Говори.

— Рано или поздно тебе придется отпустить память о нем. Блэр, ты молода, умна и красива. Воспоминания не согреют твою постель по ночам. Не то чтобы это мог сделать я, но...

Феникс прав. Потому-то я и согласилась на свидание с ним. Но что происходит, когда твое сердце глухо к голосу разума и слепо ко всем мужчинам без исключения, кроме одного всемирно известного фотографа с карими глазами?

— Знаю, Феникс. — Я беру его за руку и, поглаживая по ней, вместе с ним возвращаюсь в кофейню. — Я пытаюсь. Честное слово.

— Каждый раз, когда я вижу очередную статью о том, как охерительно он талантлив, у меня руки начинают чесаться. Так и хочется заехать по этой его смазливой физиономии, — говорит он сердито.

— Не говори так. Я им горжусь. — Он добился успеха, а значит боль того стоила. Я прислоняюсь головой к руке Феникса, поскольку не достаю ему до плеча. Давным-давно одно упоминание Ронана было для меня точно нож в самое сердце. Ни дня не проходит, чтобы оно не болело, но теперь я хотя бы могу смотреть на его фотографии и читать о нем без ощущения, что меня разрывает на части. — Я буду скучать по тебе, Феникс.

— Я по тебе тоже, Блэр.

На работе, пока я складываю в мужском отделе рубашки, покупатель просит меня поискать свитер другого размера. Забрав у него свитер, я отправляюсь к компьютеру. И, отвлекшись на размышления о Париже, врезаюсь в чью-то крепкую грудь.

— Прощу прощения, — бормочу я и, начиная уходить, поднимаю взгляд.

В момент, когда мои глаза упираются в мужчину напротив, мое сердце, клянусь, сразу же останавливается. Мир словно прекращает вращаться, и наступает абсолютная тишина.

— Блэр?

У меня слабеют колени. Возникает ощущение, что я сейчас лишусь чувств.

— Здравствуй, Лоренс.

Глава 31

Лоренс

Передо мной стоит женщина, которая до сих пор преследует меня в моих снах.

— Привет. Вижу, некоторые вещи не изменились, — говорю я. Пытаюсь улыбнуться, но даже от улыбки на моем языке ощущается горечь.

Она вздрагивает, и по ее фарфоровой коже растекается краска. Даже спустя столько времени моя чаровница и мучительница осталась столь же прекрасной.

— На самом деле я здесь работаю.

Удивленный ее ответом, я начинаю замечать небольшие изменения в ее облике, ускользнувшие от моего внимания в первый момент. Ее длинные черные волосы в беспорядке, одежда выглядит немного потрепанной и поблекшей, на запястье — розовые часы. Но больше всего меня поражает мягкий свет, которым озарены ее глаза. В них больше нет жесткости и цинизма.

И у меня перехватывает дыхание.

Девушка с озлобленной улыбкой исчезла. В ее женственном теле нет напряжения. Она незнакомка, которая намного милее, чем когда-либо была ее копия.

— Прости, что предположил, будто...

— Лоренс, не сто́ит.

Она опускает глаза, отнимая у меня возможность видеть свое лицо. Меня тянет вспылить, схватить ее в охапку, умолять больше не отворачиваться от меня. Я ведь так давно не видел ее.

— Ты так и не простил меня, да? — грустно спрашивает она. Почти шепчет.

Я невольно тянусь к ней, но успеваю остановить себя. Опустив руку, я прячу ее в карман.

— Прошлое принадлежит прошлому. — *Я простил тебя, но забыть не сумел.*

Она продолжает молчать.

— Пообедай со мной, — вырываются откуда-то изнутри непрошенные слова, пока я смотрю на ее профиль и мечтаю ощутить на себе ее взгляд.

Она поднимает лицо. Ее глаза удивленно распахиваются.

— Я не могу.

Проклятый дурак. На что я рассчитывал? Что она бросится мне в объятия?

— Ясно... Что ж, было здорово повидаться. Я, пожалуй, пойду...

— Но мы можем вместе поужинать, — быстро добавляет она.

Блэр

Я прихожу в выбранное Лоренсом место. Это маленький, столик на десять, ресторан итальянской кухни. Привстав на цыпочки, я высматриваю его и наконец нахожу в самом дальнем углу, в стороне от толпы. Когда наши глаза встречаются, мы в унисон улыбаемся. Пока я иду к нему, он встает. Прошло столько времени, но мое сердце по-прежнему пропускает удар при виде одной из его редких улыбок.

Положив мне на поясницу ладонь, Лоренс наклоняется и целует меня в щеку. Стоит его губам войти в контакт с моей кожей, как по моей спине пробегает дрожь. Забавно, что мое тело не забыло, каково это — когда к нему притрагивается этот мужчина.

— Прости, что опоздала... Пришлось распаковать чемодан, чтобы найти что-то приличное из одежды.

Подходит официант, чтобы помочь мне с пальто, но Лоренс жестом отправляет его обратно.

— Позволь мне. — Когда он помогает мне снять пальто, его пальцы мимолетно задевают мои голые плечи. Он выдвигает для меня стул. — Ты замечательно выглядишь, — ласкает меня его голос, пока я сажусь.

— Спасибо. — Внезапно разнервничавшись, я открываю меню и утыкаюсь в него — идеальное оправдание, чтобы не смотреть в глаза Лоренсу.

Он отодвигает меню в сторону, и его ладонь ложится поверх моей.

— Не надо бояться, Блэр. Только не меня, — добавляет он глухо.

Быстро подняв лицо, я встречаюсь с ним взглядом.

— Я не боюсь... просто нервничаю.

— Почему?

Я сосредотачиваюсь на его загорелой руке, которая лежит на моей. И сразу понимаю, что совершила ошибку. Потому что, стоит мне это сделать, — и в сознание врываются

воспоминания о том, как интимно касалась меня эта рука, как хорошо она знает каждый уголок моего тела.

— Он спрашивает, почему я нервничаю, — недоверчиво повторяю я. — Ты правда не понимаешь?

Ему хватает тактичности рассмеяться.

— Давай-ка мы сначала закажем вина, а после ты поведаешь мне о причине, по которой собрала чемоданы. Хорошо?

— Да. Давай.

За ужином я чуть-чуть расслабляюсь, пусть и продолжаю краснеть от того, как он глядит на меня. Мы обсуждаем мои парижские планы и его работу. Колледж. Новые проекты. Жизнь. Будущее. Мы разговариваем обо всем и ни о чем, всегда избегая Ронана. Всегда избегая нашу последнюю встречу.

Вскоре все становится совершенно по-старому — он сидит, откинувшись в кресле, и поигрывает в бокале красным вином, пока я без остановки болтаю. В мгновение ока мы снова превращаемся в близких друзей.

Отпивая вино, я не упускаю шанса беззастенчиво полюбоваться им. Время не изменило Лоренса Ротшильда. Он так же смертельно красив, как и в момент нашей встречи. Каждая его пора, каждый атом тела излучает мужественность.

От легкой улыбки в уголках его глаз появляются привлекательные морщинки.

— В чем-то ты осталась прежней.

Выгнув бровь, я опускаю бокал с вином на стол.

— Имеешь в виду, что я до сих пор не знаю, когда надо заткнуться?

Он хмыкает.

— Но во всем прочем ты стала другой. Что изменилось, Блэр? — спрашивает он мягко.

— Все. — Подушечками пальцев я вожу по белому полотну скатерти. — Знаешь, я живу очень скромно и тем не менее счастлива. Все, что у меня есть, я заработала своими руками. И это лучше ощущение в мире. Мне больше не стыдно смотреть на себя в зеркало по утрам.

Я поднимаю лицо и улыбаюсь.

— Я наконец-то стала свободной, Лоренс. В кои-то веки, когда я смотрю в зеркало, мне нравится человек в отражении. Не пойми меня неправильно. Я по-прежнему люблю красивые вещи, но мое существование и самооценка больше не зависят от них. И я больше за ними не прячусь.

Дотянувшись до моей руки, Лоренс сплетается со мной пальцами. Он не произносит ни слова. Их и не нужно. Его прикосновение говорит само за себя.

— Блэр, а где Ронан? Почему он не с тобой?

Я пробую улыбнуться, но не могу скрыть от Лоренса свою боль.

— Некоторым вещам не суждено было свершиться.

— Думаешь, я не знаю? — добавляет он тихо.

Я беру его руку, подношу ее к губам и целую.

— Прости меня за все, Лоренс. Даже спустя столько времени мне по-прежнему тяжело вспоминать, сколько боли я тебе причинила. Ты ничего этого не заслуживал. Я...

— Там, где в дело вовлечено сердце, для логики места нет. Любить — значит напрочь потерять здравый смысл. — Он задумчиво смотрит в пространство перед собой. — Перед тем, как в мою жизнь вошла ты, я считал, что больше не смогу полюбить, что моя жизнь и так хороша. Но ты заставила меня захотеть большего. Ты причинила мне боль, но еще

пробудила нечто такое, что дремало во мне много лет.

— Что это?

Лоренс медленно поднимает взгляд на меня, его зеленые глаза освещены слабым печальным блеском.

— Давай назовем это потребностью любить и быть любимым?

Позже мы стоим на улице около ресторана. Летний близ овекает теплом мою кожу и раздувает во все стороны пряди моих волос. Мы все глядим друг на друга, и меня заполоняет печаль, а в сердце впиваются острые когти грусти. Нутром я понимаю, что мы видимся в последний раз, и я к этому не готова.

Во мне все сжимается.

— Значит, это «прощай»?

Он смотрит на меня, и хоть не произнесено ни слова, я уже знаю ответ. Вижу в его в глазах.

— Лоренс, я...

— Не надо, Блэр. Не говори того, о чем пожалеешь.

Мои глаза вбирают в себя стоящего напротив мужчину, запоминая столь дорогие моему сердцу черты.

— Лоренс, я сожалею о многом, что произошло между нами, но о тебе — никогда. Только не о тебе, — прибавляю я тихо.

Я люблю тебя.

Шагнув вперед, я кладу ладони ему на плечи, приподнимаюсь на цыпочки и целую в щеку. На секунду зажмурившись, я вдыхаю его и растворяюсь в прошлом. Наша встреча в музее. Моя первая поездка в его загородный дом. Вкус его поцелуев. Его объятья. Смех. Дружба. Да, дружба превыше всего. Мой друг. Мой любовник.

Отстраняясь, я шепчу ему на ухо:

— Я всегда буду помнить Кони-Айленд.

Лоренс не притрагивается ко мне, не делает и попытки, и у меня стынет кровь. Это несправедливо, что он так близко — и одновременно так далеко.

— Прощай, Блэр. Будь добра к парижанам. Не разбивай им сердца.

Я делаю шаг назад и начинаю уходить от Лоренса прочь. Мои ноги дрожат. *Не оглядывайся, Блэр. Не надо. Отпусти его.*

Когда я ступаю на тротуар, то слышу, как Лоренс зовет меня. Хочу оглянуться, но его рука ловит меня, разворачивает, и я оказываюсь распластана у него на груди. Его руки обхватывают мою голову, пальцы погружаются в волосы, он наклоняется и впиается в мои губы.

Во мне взрывается калейдоскоп оглушающих по своей силе эмоций, и пока он похищает мое дыхание яростным поцелуем, перед моими глазами мелькают моменты иной жизни. Вот Лоренс у алтаря, его улыбающиеся глаза медленно поднимаются на меня. Вот мы с ним на пляже, гоняемся за двумя маленькими мальчишками, так похожими на него, наш смех и их смех словно музыка для меня. Вот мы занимаемся неспешной и страстной любовью возле камина. Это прекрасная жизнь.

Когда поцелуй становится глубже, а его язык находит мой, я разрешаю себе раствориться в нем и в тех прекрасных картинах, которые создало мое воображение. На короткое волшебное мгновение, зависшее между прошлым и будущим, я испытываю острое желание прожить эту жизнь. Но в душе понимаю, что этому никогда не бывать. Ведь мое

сердце знает, что где-то в этом мире есть Ронан.

Задыхающаяся, дрожащая, я зарываюсь лицом ему в грудь. Крепко обнимаю за талию, пытаюсь противостоять боли, ведь я нашла его только затем, чтобы опять потерять. *Почему поступать правильно всегда так тяжело?*

— Любовь моя, дорогая моя, ни дня не проходит, чтобы я о тебе не подумал, — шепчет он хрипло. — Но пришло время тебя отпустить.

Даже после всех этих лет я знаю, что всегда буду любить Ронана. Всем своим сердцем. Я добровольно сдалась ему в ту ночь у фонтана. Но глядя, как Лоренс исчезает в толпе, я понимаю, что этот мужчина забрал с собой частичку меня, которую мне никогда не вернуть, и оставил в груди пустоту, которую ни один мужчина и никакая любовь не заполнит. Она всегда будет принадлежать только ему.

Но я больше не боюсь боли.

И не должна убегать.

Если жизнь и расставание с Ронаном и Лоренсом чему-то и научили меня, так это умению выживать. Я сильная, потому что я была слабой. На моем сердце рубцы, потому что оно было разбито. Я выстояла — несмотря на свое несчастливое детство, на боль и страх, на душевные муки, на одинокие дни и еще более одинокие ночи.

И какие бы штормы не продолжала посылать мне судьба, я знаю, что теперь во мне есть силы их выдержать.

Поэтому, если в конце моей истории не появится рыцаря на белом коне, я не стану лить слезы. Меня не нужно спасать.

У меня есть я.

И мне этого достаточно.

Эпилог

Ронан

— Вот ты где, герой дня!

— Привет, Джеки.

— Почему ты прячешься от гостей? Вечеринка в самом разгаре.

Я поворачиваюсь на голос сестры. Наши глаза встречаются.

— Не выношу шум.

— Ну, а вот я праздную. Ронан, все твои снимки распродались всего за один час. Снова. — Она прислоняется к стенке и подносит к губам хрустальный бокал с шампанским. — Я так горжусь тобой, но, признаться, еще не привыкла к тому, как люди сходят с ума по моему младшему братику.

Засунув руки в карманы брюк, я смотрю на фотографию на стене. Пытаюсь выжать из себя хоть каплю радости или энтузиазма... Бесполезно. Внутри меня пустота. Она забрала все, что там содержалось, превратив меня в тень человека, которым я был.

Иногда я вижу ее в изгибах обнаженного женского тела, лежащего у меня на кровати, или в цвете колокольчиков по весне. О ней по-прежнему напоминает мне запах дождя. Она везде — и нигде. Между раем и адом. Воспоминания возносят меня в небеса только ради того, чтобы реальность могла швырнуть меня вниз — ее нет. Каждый день и каждую ночь цепи в моей душе вызывают ее имя, призывают ее отпустить меня на свободу.

Она попросила забыть ее, жить дальше, снова влюбиться. Но почему не сказала, как это

сделать? Как мне жить без нее, когда она такая же часть меня, как я — часть ее?

— Ронан, что-то не так? — спрашивает Джеки негромко.

— Все так. Забудь. — Слова звучат пусто.

— Думаю, ты обманываешь меня. Ты несчастлив, Ронан. Уже и не вспомнить, когда ты в последний раз улыбался.

— Чему мне улыбаться, Джеки?

В ее глазах — таких же карих, как у меня — загорается свет.

— Своему успеху! — Она обводит широким жестом мои огромные апартаменты в Сохо. — Своей жизни. Всему, чего ты добился своими силами. В смысле, ты только взгляни на это место. Оно потрясающее.

Да, я добился успеха, который превысил мои самые смелые ожидания, причем без чьей-либо помощи, но для меня это не имеет значения. Как и все прочее в жизни — уже очень давно. Вскоре после ухода Блэр я с головой погрузился в работу. Я творил, чтобы заполнить зияющую пропасть внутри. Получалось неважно, но оно помогло мне отвлечься от мук, угрожающих разорвать меня надвое.

Однажды, когда я продавал в метро свои фотографии, ко мне подошел один человек и спросил, не я ли их снял. Он оказался куратором очень известного музея в Нью-Йорке. Все остальное — история.

— Я, пожалуй, вернусь к гостям, — говорю я ровно, но она ловит меня за руку и не дает сделать следующий шаг.

— Все из-за нее, да?

Искоса взглянув на сестру, я выгибаю бровь.

— Не понимаю, о чем ты.

— Я думала, что поступила правильно, когда отогнала ее от тебя...

— Джеки, что ты имеешь в виду? — Волоски у меня на руках встают дыбом. Сердце начинает стучать сильно и гулко. — Кого ты от меня отогнала?

— Блэр. — Она опускает голову, и ее плечи от стыда понижаются. — Я ходила к ней в день, когда ты заглянул попрощаться с Олли. Я хотела для тебя только лучшего...

Еле удерживая свое самообладание под контролем, я поворачиваюсь к сестре и хватаю ее за плечи. Мои руки дрожат.

— Что ты сделала, Джеки? — хрипло шепчу я. — О чем, черт побери, ты говоришь?

— Ох, Ронан... я... — Она поднимает глаза. — Мне столько всего надо тебе объяснить.

Блэр

— *Au revoir*, — говорю я вслед уходящей из галереи паре. Сумма на их банковском счете значительно сократилась, но теперь их дом будет выглядеть сказочно. Прошло два месяца с тех пор, как я перебралась в Париж, и все идет как нельзя лучше. Работать и общаться с Джейкобом и Джоанной — одно удовольствие, а еще я влюбилась в город. Архитектура, культура, мода, еда (о боже, еда!), искусство и люди — от всего этого просто захватывает дух. Каждый день я влюбляюсь в Париж еще немного сильнее.

Я вздыхаю и, качнув головой, возвращаюсь за стол, чтобы вернуться к работе. Я собираюсь заполнить кое-какие бумаги, когда слышу вдруг, как позади меня открывается и

закрывается стеклянная дверь. Улыбаясь, я оборачиваюсь, чтобы поздороваться с новым клиентом.

В момент, когда мои глаза упираются в мужчину напротив, моя улыбка застывает, и я чувствую, как из меня вышибает весь воздух. Немо моргая, я впитываю прекрасные черты его лица, но его пленницей и рабыней делает меня взгляд его глаз.

— Здравствуйте, миссис Кляйн, — произносит он хрипловатым от нежности голосом.

— Что... — Я хватаюсь за стол, чувствуя, что сейчас лишусь чувств. — Что ты здесь делаешь?

— Элли сказала мне, где найти тебя. — Он сокращает расстояние между нами, отлепляет от стола мои пальцы и заключает в объятия. У меня подкашиваются колени, но он крепко держит меня, пока поглаживает мою мокрую щеку.

— Я здесь, чтобы забрать свое. Кроме того, ты забыла вот это.

Он берет меня за руку и надевает мне на палец кольцо из бумаги — *прямо туда, где оно должно быть*. А после улыбается мне в глаза, и мир внезапно снова становится целым.

— Отныне и навсегда, и в тысяче вечностей, ты — моя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net